

Валентин Васичкин

РОДНЫЕ КОРНИ

- СТИХИ
- ОЧЕРКИ
- ПУБЛИЦИСТИКА

ОРЁЛ, 2016

ББК 84(2p)6
В-19

Книга издаётся в авторской редакции

Валентин Васичкин

В-19 Родные корни. Стихи, очерки, публицистика. — Орёл, 2016. — 224 с.

Член Союза писателей России, член Союза журналистов России, Заслуженный работник Российской Федерации Валентин Васичкин за полувековой период своей творческой деятельности издал более десяти книг. Их общий тираж – около 25 тысяч экземпляров, и все они востребованы читателем.

Валентин Васичкин пишет о том, что близко ему и дорого: о природе средней полосы России, о любви к ней, к женщине, к Отечеству и как её частице – к своей малой родине, с которой с первого дня появления на свет в неразрывной связи.

Творчество Валентина Васичкина многожанрово. Оно определяет нравственные ориентиры человеческой души, добра и зла; во взаимосвязи с прошлым помогает читателю глубже вникать в процессы, происходящие в нашем обществе сегодня. Как и в предыдущих изданиях, в этой книге представлены стихи, очерки и публицистические статьи.

ББК 84(2p)6

© В.М. Васичкин, 2016.

ДОМА

То речка и роща,
То снова угодя пастушьи,
Так сладко на сердце,
За что и воздал бы богам.
Я город покинул
С его суетой и бездушьем,
Я дома давно,
Я сумел возвратиться к лугам,
К ручьям и раkitам,
К весёлому летнему грому,
К слепому дождю —
Он любил умывать зеленыя.
Не блудным я был,
Возвращаясь к отцовскому дому,
И рад был отец,
Ведь он строил его для меня.

То речка и роща,
Над ними дожди и метели,
Вдыхаю отечества
Горький и сладостный дым.
Годов моих много,
Но только ручьи обмелели,
И сам не заметил,
Как стал среди лета седым.
И в жизни своей
Мне похвастаться вроде бы нечем —

На родине жил
И довольствуюсь этой судьбой.
Блесну и угасну я —
Щедрый,
 не злой
 и не вечный,
Над милым крылечком,
Над рощей,
 над полем,
 над речкой,
Как дождик тот самый слепой.

ЦЫГАНКИ НАГАДАЛИ

В свете дня мои родные дали,
И плывет над вешней степью грай.
Мне цыганки в детстве нагадали:
Будет счастья в жизни через край.

Будет, мол, удача, денег много,
И не дом пророчили — дворец.
Люди, люди, не судите строго,
Что поверил им тогда малец.

Я сиял, и сердце трепетало,
А они – пророчить-ворожить...
Не беда, что рублика не стало,
Я увидел, как я буду жить.

И сегодня мне рубля не жалко,
А любви и счастья — через край.
Где же вы сегодня, те гадалки?
Только я и тот же птичий грай.

Да ещё мои родные дали,
Где поверил в сказку наяву.
Как тогда цыганки нагадали,
Так сегодня, люди, и живу.

Пусть меня всегда могли обидеть,
Лет моих не оборвалась нить.
Буду рад цыганок тех увидеть,
Ручку их рублем позолотить.

В ВЕЛИКИЕ ДНИ

Так не нами заведено,
А далёкими предками:
Гости в дом – и на стол вино,
Настоящее чтобы, крепкое.

По-другому нельзя теперь,
Предки наши нам завещали:
В праздник затемно
настежь дверь,
Если гости – их угощали.

Хлеб и соль на столе всегда:
– Ну, родня моя, в красный угол!
Если с другом, то не беда –
Хватит места родне и другу.

Я как раньше, так и теперь:
Дни Великие – божья милость!
То Покров постучался в дверь,
То Казанская запросилась.

То три дня Михайлова дня,
Каждый день по-своему сладок.
И с утра за столом родня
С холодцом из гусиных лапок.

Власть незлобно ругая вслух,
Рассидятся они по-русски,
Выпивая – один за двух,
За второго всё без закуски.

Крепче нету моей родни!
Отпахалась и откосилась,
И Великие эти дни
Для неё как великая милость.

ЗАКВАСКА

Как живу, говорите? Живём!
Деревенская жизнь безбедна.
Дует ветер сквозной над жнивьём –
Для столицы безвредно.

Что сегодня, что и вчера –
Бродит предков моих закваска.
Утром с пасеки, у двора,
Слышу: часики бьют на Спасской.

Пострашнее, чем в ту войну,
Забивает бурьян прогоны.
Вот опять разбудил страну
Курский поезд на перегоне.

Распрощался с Москвой в ночи
И полями да мимо речек –
На домашние калачи
По часам его путь помечен.

Мимо нас; а у нас своё.
Что с того, что промчался мимо?
Завтра в ночь задымит жнивьё,
А деревни горят без дыма.

В пепел домики по буграм,
В прах рассыпались безголосо.

Всем Иванушкам и Петрам
Наплевать на родные покосы.

Откосились! И – будь здоров! –
Отдают люди Богу душу.
Кто живой ещё – без коров,
Предпочтение «ножкам Буша».

По утрам дымок из трубы –
Не сыреет за печкой порох.
Сводят лес по стране на гробы,
Разыгрался железный Молох.

Поле, речка, ещё мосток,
По деревне сивушный запах.
Так же молимся на восток,
И всё так же грозитя Запад.

Значит, нравится им земля,
Наши степи и наши чащи,
От окраин и до Кремля:
Всё глаза на неё таращат.

Как живём.... Да живём, живём;
Слышим: часики бьют на Спасской.
Если хлебушек свой жуём –
Бродит предков моих закваска.

НА КЛАДБИЩЕ

Холм опоясан кустиками редкими,
Природа в грусти золотого дня.
На склоне кладбище с моими предками,
Там близкая и дальняя родня.

В годах она легла, а кто-то смолоду,
И я в большой печали, земляки:
Одни лежат, другие где-то в городе
Стирают по асфальту каблуки.

— Родня моя! — окликну, поаукаю. —
Не в лучшую годину для страны
Без мук ты умирала или с муками,
Но совершенно точно — без вины.

Кого винить мне? Прадеда Василия,
Не знавшего 7 Ноября?
Когда-то там он принят был могилою,
Отечества защитник и царя.

Болит душа по всем познавшим горе,
Ушедшим в мир иной и города.
Кровавый Питер видел дед Григорий,
Столетнего несли его туда.

Отец в двадцатых — воин и оратай;
Закончилась Великая война —
Сдал автомат, сапёрную лопату...
Он тоже там, остались ордена.

— Родня моя! — окликну, поаукаю. —
Приди ко мне, со мной поговори,
Ведь ты меня учила не безрукого
Работать от зари и до зари.

И до сих пор должник я перед предками,
Их окликаю снова среди дня:
— Родня моя!..
За кустиками редкими
Молчит моя ушедшая родня.

* * *

Это, конечно, не мелочь,
Если в жизни моей
Рядышком речка Неручь, –
Как говорливый ручей.

Утром гляжу с порога:
Вот они, берега;
Завтра – крутых, отлогих –
Их заметёт пурга.

Глядя на них, и мне бы
Жить на земле века;
Видеть родное небо,
Белые облака.

Видеть от дома Неручь,
Зная, что для меня
Это совсем не мелочь
В свете любого дня.

ТВОРЧЕСТВО

Всё просто, как дважды два:
Тяжёлый полночный труд;
Ложатся в строку слова,
Но те, что всегда не врут.

В ней грозно шумит прибой,
То пламень в строке, то лёд.
Не так ли шахтёр в забой
В ночную смену идёт.

Сегодня, – что и вчера,
Так было во все века.
До солнышка на гора
Что выдаст моя рука?

* * *

Снег отлежал заплатами,
Ждал он своей поры.
Вышла гусыня с гусятами –
Вывела их за дворы.

Солнечно там и тихо,
Первая зелень травы.
Всем, пережившим лихо,
Не опустить головы.

Всем, до букашки каждой,
Хочется жить и петь;
Всем – не родиться дважды,
Дважды не умереть.

Сколько же в мире света!
Больше вокруг добра.
Ближе теперь до лета,
Ближе, чем было вчера.

Облако над просёлком
Отсветом тёплых вьюг.
Буду трудиться пчёлкой,
Как бы один – за двух.

* * *

Отходит по пойме туманов гряда –
Прощается с лозняком.

С проталин

весеннего поля

вода

Торопится ручейком.

Грачиное вече;

от солнца тепло.

Велико довольны птицы:

Им здорово всем в этот год повезло –

На родину возвратиться.

Слетелись на радостях;

громко крича,

Вручали они награды.

А кто-то кричал, что нет года Грача,

И учредить его надо.

Не часто бывает счастливым их путь,

А в трудностях он извечен.

Но – дома!

И можно теперь отдохнуть! –

Об этом они на вече.

* * *

Стекает ветер с полою водой, –
Шум по низине.
Над пашней стылой месяц молодой
Повис разиней.

Рассыпал свет и тени по садам
И с лёгкой ношей
Идёт себе за веком по следам,
Судьбой не брошен.

Над нами, с нами – тонок, светлолик,
По-детски звонок.
И вечно будет этим он велик,
Небес ребёнок.

* * *

В природе снова как случилось что-то:
Земля парит; пьянит весенний дух.
Не спяну ли, взлетевший на ворота,
С утра раскукарекался петух?

Ветра тепло проносят стороною,
Такая же теплынь из-за двора.
Подумать можно, что всему виною
Та самая озонная дыра.

Вот серый кот пригрелся на соломе,
А воробьи забавно веселы.
И солнце, как хозяйка, в каждом доме
Оглядывает дальние углы,
Как будто всё, что там, – её родное.

Зима прошла, и вся – под знаком «плюс»;
И можно думать: у зимы с весною
Наличивается дружеский союз.

Зима с весною заварили кашу!
Что вот была зима – как не зима;
Что вот в природе, как и в жизни нашей,
Бывает тоже горе от ума.

Нам не узнать, кто был у них за сводню;
Не выделяя чьих-либо заслуг,
Легко понять, с чего бы вдруг сегодня
Опять раскукарекался петух.

* * *

Давно сугробов нет в помине, –
Просев, истаяли, сошли.
Над лугом запахи полыни,
Над полем – запахи земли.

Над полем синева без края,
А время, видно, подошло:
Спешат над полем птичьи стаи,
Несут желанное тепло.

И небу жарко будет с птицами,
А дел земных невпроворот;
Не зря осины разночинцами
Пошли по улице в народ.

Их корни – за санным сараем,
Где рубль не ценится ни в грош;
Где в свои сроки подрастает
Судьбой обиженный Гаврош.

Всё – родина! Родные корни!
Умчалась полая вода –
И небо выше, луг просторней,
Светлее первая звезда.

Сосед, с колючкою во взгляде,
Всё носит воду поутру –
Приезжий он;
Чего же ради
Рубахи сушит на ветру?

* * *

Рассвет над поймой затушил звезду;
Привет скворцу, весёлому дрозду! –
Они вчера в саду заговорили,
Теперь вот строго будят по утрам;
И тёплый ветер шарит по дворам –
Как своему ворота отворили.

На тополя стекает синь небес;
А кот-бродяга с крыши еле слез,
Мяукая, всё у порога трётся;
Куда девалась ветреная стынь? –
Восходит солнце, и с полей теплынь,
Трава на пасеке вот-вот пробьётся –
Я той весной её не проглядел.

Какой простор для мысли и для дел,
Чего в веках не виделось Европам!
Но мы не пашем – горе от ума! –
И нам теперь что лето, что зима,
От предков же совсем не губошлёпам.

* * *

Всё сильнее кровенеет закат,
И всё больше тревоги на лицах.
Буду трижды безудержно рад,
Что с тобой ничего не случится.

Свет небесный над лугом погас,
Тишина предвесеннего луга.
Пусть в глазах твоих в утренний час
Отражается тёплая выюга.

И капель отстучит под окном,
Тёплый день для тебя обещаая, –
Он придёт в этом мире земном,
Все обиды людские прощая.

Отшумит в половодье река,
Распрощаются тёплые выюги.
Будет ветер гонять облака,
В свете дня их собрав по округе.

Новый день –
 пусть он будет как друг,
Никуда от него нам не деться.
Но тревожно, родная: а вдруг
И рванёт твоё чуткое сердце?

И тогда – ни сказать, ни обнять,
И о жизни не думая плохо,
Мне любовь, как тепло, сохранять
До последнего самого вздоха.

ПЕРЕД УТРОМ

Пропеты гимны солнцу и весне;
Страна усталая в тревожном сне.
Страна моя устала – видит Бог –
Совсем не от работы, – от тревог.

Пропеты гимны солнцу и весне.
Ребёнок мать свою позвал во сне –
Негромкий плач для матери родной
Понятен будет, только ей одной.

Петух побудки не пропустит час, –
Чтобы рассвет, от радости лучась,
Земные дали не застал врасплох.
От соловьиных песен мир оглох.

А тёплый ветер в Хитровском пруду
Готов до срока потушить звезду;
И много чего надо всем успеть:
Поспать, поплакать, в радости попеть...

И знает мир: их радости не в сне,
А в новом гимне солнцу и весне.

* * *

*Мы с тобой два берега
У одной реки.*

(из советской песни)

Ты – на том берегу, я – на этом,
Твой – высокий, и домики в ряд..
Не напрасно в деревне всё лето
О тебе говорят, говорят.

А соседки по-бабьи суровы:
Мол, ни совести нет, ни стыда.
Мужики поскупее на слово:
Если ходят, мол, к ней – не беда,

Значит, девке желанные гости.
И не ведает вовсе народ,
Что к тебе мною выстроен мостик,
Остальные пытаются вброд.

Мостик прочно стоит на опорах,
А под ним свирепеет река.
Под прицелом людского укора
Ты подсудною будешь пока.

А судилищу этому знать бы, –
Только мы никому ни гугу, –
Что недолго осталось до свадьбы
На твоём и моём берегу.

МЫ ЖИВЕМ

Время — ветер, жизнь — сурова, годы — тлен.
Сладкой жизнью с тобой жили, без измен.
Ах, земная моя радость бытия!
Ты со мною, это значит, счастлив я.
Всем берёзам и раkitам вдоль дорог
О тебе я не рассказывать не мог;
На рассвете ли росистом, среди дня —
Ясным солнышком была ты для меня...
Время — ветер, годы — тлен, а жизнь проста.
На тебе, моя родная, нет креста,
Наш корабль даёт, похоже, сильный крен:
Изменила, а ведь не было измен.
На рассвете это было, как обвал, —
Тебя ветер бесшабашный целовал;
А ещё мне было стыдно от людей:
Целовал тебя закат-прелюбодей
И оставил запах лета на губах...
Встрепенулось моё сердце — бах да бах!
Что же делаешь с любимой ты, нахал?!
Август веткой мне прощально помахал,
Вместе с ветром за пруды, за окоём...
Время — ветер, жизнь прекрасна, мы живём!..

* * *

Говоришь, тебе отпелось-отлюбилось,
Будто мне такое в жизни суждено.
Но прошу я: для меня ты сделай милость,
Встань до солнышка и выгляни в окно.

Там рассвет свои протягивает руки —
Это я к тебе за тысячу земель
Через рощи и зеленые излучины
Раньше солнышка примчался, словно Лель.

Распахни своё окно навстречу свету —
В тишине услышишь песню соловья.
Лишь тебе одной признаюсь по секрету:
Соловей, от счастья пьяный, — это я.

Неужели ты обижена судьбою?
На тебя, как на икону, я молюсь.
Ошалевший от любви, перед тобою,
Словно травушка-муравушка, стелюсь.

Под окном, что снова солнышком облито,
Ещё долго буду я сторожевать...
Не отпелось-отлюбилось, а разбито,
И пришла пора осколки собирать.

* * *

Радости и печали.
Помнишь, за далью лет
Вместе с тобой встречали
Мы не один рассвет?

Радость – она дороже,
Радостям каждый рад.
Только намного строже
Стал твой весёлый взгляд.

Как бы поменьше даже
Блеска в твоём кольце.
Всё разгляжу, разглажу
Я на твоём лице.

Только вот не увижу,
Что в твоём сердце есть:
Не подпускает ближе
Женская – злая – месть.

* * *

Это ничего, что снова слякоть,
Всё сошлось: Михайловский престол,
Я к тебе – ну как бы покалякать,
Ты меня – на радостях – за стол.

Я в своих заботах не бродяжка
И плохого в жизни не творю.
Вот сижу с тобой – вздыхаю тяжко,
Почему-то мало говорю.

Ты-то знаешь, что со мной такое,
Подливаешь в рюмочку винца.
Моему любовному запою
Не видать ни края, ни конца.

Благодать на сердце твоё ляжет –
Это будет общий праздник наш.
Но никто в деревне нам не скажет,
Что, мол, я – законченный алкаш.

* * *

Какие сны ты видишь в эту осень,
И чем живёшь хорошим без меня?
Наш березняк
 листву ещё не сбросил,
И зеленее стали зеленыя.

Вот в загустевших сумерках дорога –
Притихшая, она ещё не спит.
Она – к тебе;
 в задумчивости строгой,
Она и мне ложиться не велит.

Ты, говорит мне, многого не знаешь,
В годах своих ты вовсе не смешон;
И, если веришь, любишь и мечтаешь, –
Приди к любимой, словно сладкий сон.

ДОСТОЙНЫЙ ПРИМЕР

Доволен мужичок судьбой,
Другим – наука.
Соседки все наперебой:
Ему, мол, с бабой – мука.

Вот скоро будет ей полста –
Любовь во взгляде.
Подумать, нет на ней креста:
Уже утра в помаде.

И что ещё не наплетут
Весёлые соседки!..
А у него цветы цветут –
И в доме, и в беседке.

И греют сердце цветники,
Огнями полыхают.
По ней соседи-мужики
По-тихому вздыхают.

В момент готов попутать бес –
Какие взгляды!
А он по поводу и без
Дарил жене помады.

Приглядывался и к духам
Её милочек –
Пример достойный женихам
На мать похожих дочек.

* * *

Лето красное в деревне,
Птицам в радость песни петь.
Солнце лезет по деревьям –
Землю стылую погреть.

А к обеду по-над лугом
Дождик топает слепой.
И коровы друг за другом,
Вслед за ним, на водопой.

Лето красное в деревне:
Зелень сада, синь небес.
К ночи месяц по деревьям
На трубу, светить, залез.

Рассчитавшись по порядку,
Среди пряной тишины
Завиваются на грядках,
В огороде, кочаны.

Лето красное в деревне:
Запах мёда, мяты, груш.
Можно думать, что издревле
Здесь такая тишь, и глушь.

Но с утра позвали тропы,
Уходящие в закат, –
И заросшие окопы
О другом нам говорят.

НА ПРИГОРКЕ

Облюбовал пригорок у реки.
Трава дождями тёплыми умыта.
Под солнцем распушились лозняки,
Вдоль огородов – рослые ракиты.

Просторы среднерусской полосы –
Не надышвться и не наглядеться!
И слышу: под ладонью, как часы,
Года мои отсчитывает сердце.

А надо мной века, – как облака,
Которые бежали и бежали.
В такой же час в далёкие века
И предки мои так же вот лежали.

На вольных землях жили, как могли,
А здесь лежали, просто отдыхая.
Другие здесь навечно прилегли,
От недругов свой дом оберегая.

Их всё родное варвары в распыл,
Дымы пожаров заслоняли дали.
И пепел и космическая пыль
На мёртвые тела их оседали.

* * *

Светло и тихо.

Солнечная звень,

Гусиный гогот слышен за плотиной.

Уже не лето, и не летний день

Плывёт над поймой вместе с паутиной.

Стоять бы так вот – в свете и тепле

На порыжелом взгорке до заката;

И знать, что день, рождённый не во зле,

Во зле вселенском на родной земле

Не будет в чередё своей распятым.

Что эта речка, дом и городьба,

В задумчивости вечной пребывая, –

Они моя извечная судьба,

О прошлом память на земле – живая.

* * *

Я так давно не спал на свежем сене.
Куда нас время ветром унесло –
В сенном сарае балки все просели,
Подгнившие ворота повело.

Сарай пустой:
Всё тот же ветер века
Унёс отсюда луга аромат.
А будет ему осенью полвека;
И он стоит за вишнями калекой,
И, главное, ни в чём не виноват.

Таких, как он, сараев здесь не много;
Спеша к деревне до большой грозы,
Давно уже не катят по дорогам
С лугов цветущих конные возы.

А мы в другую въехали эпоху,
В музей Валеркин сдан последний кнут.
Теперь никто Петруху и Алёху
За лень их в сенокос не упрекнут.

Я с грустью думать буду о мальчишках:
В наследство им название одно;
О сенокосе прочитают в книжках,
Увидят лишь по «телеку», в кино.

А мир живет, и не обескуражен,
Глотающий космическую пыль.
За внуков мне обидно будет даже:
Ведь сенокос – не сказка, это был.

И луг цветёт, пока ещё не в тлене,
Он по утрам купается в росе...
Я так давно не спал на свежем сене,
А внуки наши не поспят совсем.

* * *

Нам не пашется и не косится,
А погода стоит – коси!
Только в руки коса не просится,
Да и нас теперь не проси.

Не скажу, что вина Всевышнего,
Только с пойменного лужка
Сколько лет не видать за вишнями
Ни копёнки и ни стожка.

Говорят, что страна не в голоде,
И, с надеждою на авось,
Вся деревня живёт как в городе,
Ей вовеки так не жилось.

Не ломает в работе спину,
Дом – ни печки и ни сверчка.
А хозяйки из магазина
То сметанки, то молочка.

Нам не косится и не пашется,
Ни оглобли и ни дуги.
И в навозе уже не мажутся
Их фартовые сапоги.

Как по лесу, всё шли-аукали,
А народ – оторви да брось;
И какую страну профукали,
Понадеявшись на авось.

Та – весёлая, звонкая – всё-таки ближе нам,
С ребятнёй голопузой на пыльных дорожках.
А сегодня всем этим ты сильно обижена,
Разве что вот осины всё так же в серёжках.

Да всё так же кукушка кукует-аукает,
Коромысло цветастое радуги светится,
Что повесило солнце с утра над излуками
И у всех на виду, словно девка, невестится.

ИЗ ДЕТСТВА

Коростели заскрипели,
Лето плавает в пруду.
Если яблоки поспели,
То – в Аркашином саду.

Ребятня – народ весёлый,
Слабый духом не в чести:
И – к Аркаше, на посёлок,
Медовуху потрясти.

То не ветра шум по саду,
А минутный наш налёт.
И за смелость всем награда:
Каждый в пазухе несёт.

Запоздалый окрик деда –
Все к просёлку во весь дух.
Вечный страх за нами следом,
Хруст и запах медовух.

Внукам это испытать бы!
Но в разбеге буйных лет
Нет Аркашиной усадьбы,
И посёлка тоже нет.

* * *

Небушко высокое,
С поля – благодать.
Только за осокою
Речки не видать.

Даже и не верится:
Сколько уже лет,
Как не стало мельницы,
И конюшни нет.

Больше видим горя,
А в стране – пиры.
В пух и прах на взгорье
Скотные дворы.

Всех беда накрыла.
И летит к земле –
Кто такой? – бескрылый,
Как на помеле.

Есть вода и хлебушко,
Остальное – в прах.
Всё глядим на небушко,
А на лицах – страх.

* * *

Идём, спотыкаясь, по жизни – на свет,
Всё в поисках вечного здорового смысла.
В деревне, где жизни давно уже нет,
На чёрной раките висит коромысло.

Кто скажет нам: чья его грела рука?
Кому оно плечико здесь натирало?
Всё так же плывут над землёй облака,
В земле догнивают мечи и орала.

Не скажет ни ветер, ни красный закат,
Ни утро дремотное, в клочьях тумана.
А жизнь – как обман; и ракиты стоят,
Согретые дымкой, как жертвы обмана.

И так же колодец: совсем без воды,
К нему, от него – не увидишь следочка.
Не вещим ли знаком всё той же беды
В крапиве виднеется сгнившая бочка?

Идём, спотыкаясь, – к закату, в зарю,
Нам время сигналы свои посылает.
Я снова в осенние дали смотрю,
А дождь, как слезою, глаза застиляет.

И тише по зарослям птичьья возня,
И, мокрое, плачет в дожде коромысло.
И думки мои в свете серого дня
Всё в поисках вечного здорового смысла.

* * *

Плывёт с полей туманов полоса;
Дома в тумане вовсе не убоги,
Но звонкие людские голоса
Теперь всё реже слышишь на дороге.

Дома – в рядок, советские они;
Для них, что в прошлом было, – не обуза;
Они вошли совсем в другие дни
Как памятники бывшему Союзу.

А в новых днях – ни света, ни тепла;
Куда девалась у людей отвага?
Неужто все хорошие дела
Стране и людям были не во благо?

А красный флаг – как символ всех побед?
Ведь им гордились взрослые и дети;
Он изливал всегда особый свет
На славных рубежах десятилетий.

Всё позади, уже за гранью лет,
И, говорят, не видится возврата.
А как же мне? В Донбассе мира нет,
А там родня, могильный холмик брата...

К чему, скажите, нам вражда племён,
Во зле вселенском рвутся узы братства?..
А по стране – к Москве, со всех сторон,
И от Москвы – шагает святотатство.

И на прицеле снова Мавзолей...
Окстись, поднявший руку на святое!
Простой народ пока что не во зле
И не забыл советского застоя...

Плывёт с полей туманов полоса,
Дома в тумане вовсе не убоги.
И вроде слышишь чьи-то голоса,
А никого не видишь на дороге.

* * *

Есть краткий миг соблазна и греха;
Безгрешен час рождения стиха –
Всё не случайно.
Рождённый в муках день пока что тих;
В кровати солнце высветит двоих –
Они как тайна.

Вот из гнезда – впервые! – плач птенца;
А краткий миг рожденья подлеца –
Трагедия, но не в масштабах.
Злодействами опять помечен век;
Народ жалеет слабых и калек,
И презирает слабых.

Ему бы да возвыситься в любви!
Но мир земной замешан на крови,
А крови – реки:
Через века в века кровавый след;
А сколько нам ещё придётся бед?
И в кои веки?

Ответа нет.

Безжалостной рукой
Рассвет затушит звёзды над рекой;
День – как награда.
Встречай, народ, он с радостью к тебе,
День без войны – он праздником в судьбе,
А что нам надо?

Родно, друзей; но разве жизнь плоха,
Когда в душе не ведаешь греха,
И ты при деле?
Ещё колодчик солнца и воды,
И хлебушка ещё – без лебеды,
А с лебедой отцы за нас поели.

Такой расклад на все мои года,
Всё б ничего, но вот же: лебеда!
Она – к порогу!
Сегодня с ней мы полные враги:
Без лебеды в застольях пироги –
Благодаренье Богу.

* * *

Бросает сеятель зерно,
А мы оцениваем всходы.
Вот снова видим, не в кино:
Схлестнулись во вражде
народы.

На месть заточены клинки,
А недруги – всё инородцы.
Опять ведут в поход полки
Расхристанные полководцы –

Их смертный грех
и вечный страх,
Забыто ими Божье слово;
И вновь вскипает на устах
Проклятие суда людского.

Тот сеятель посеял зло,
И всходы будут много злее.
А чтоб зерно не проросло,
Какие нужны суховеи?

В ГОД ОБЕЗЬЯНЫ

И накрыли страну холода;
Спит под снегом медведь-лежебока.
На российских просторах беда:
Кому – в лоб, кому – с боку припёка.

Пострадав от житейской грозы,
Ты попробуй прожить без изъяна.
Вот ушёл год рогатой Козы,
И мы встретили год Обезьяны.

Что несёшь ты, мартышка, стране! –
С первых дней за утратой утрата.
Так по снежной сухой целине
Хоронили мы старшего брата.

И другого, неделю спустя, –
Всё венки и прощальные речи.
Плачь, страна моя: как бы шутя,
Жжём и жжём поминальные свечи.

Год пришёл, и кого заберёт
Эта вредная, злая мартышка?
Наш пока не истратился род:
Я и брат – на посёлке живёт,
К 90-му просится Мишка.

Это значит: теперь мы вдвоём
На ветрах високосного года;
Не одну ещё песню споём
Кузнецовского древнего рода.

В новый век мы вошли без вины,
Но разруха – как после бомбёжек.
Помнишь братец, как после войны
За столом не хватало нам ложек.

Как теснились дома по реке,
А деревня звенела от песен.
Я вот тоже в седом парике,
Дом отцовский давно нам не тесен.

Слава вечная трудодню,
Что Европа так не любила!
Всю большую мою родню
Она всё-таки добомбила.

Я да брат – в чём живёт душа?
Как наследство – в саду окопы.
На открытые им ППШ
Не смотреть бы тебе, Европа.

Не будить бы здесь рёвом «Катюш»
Его память военного детства;
Не тревожить родную глушь –
Кузнецовских кровей наследство.

Я да брат; мы пока что добры,
Но живём с ним не с боку припёка,
И в простуженных днях до поры
Спит под снегом медведь-лежебока.

* * *

О войне нам негоже рассказывать сказки.
Вот в музеях ржавеют немецкие каски,
Вот сквозной березняк притеняет окопы –
Нет, не наших ребят, а вояк из Европы –

По германской военной науке открыты,
А по русской военной – здесь фрицы убиты;
Для себя же, выходит, копали могилу.
Плохо знаешь, Европа, ты русскую силу!..

И сегодня негоже нам сказывать сказки,
Если помнит мой брат, как тянул он салазки,
Мать младенца несла – по снегам, по морозу;
Каждый окрик немецкий – идущим угроза.

Всех, со всех деревень, угоняли в закаты,
И сгорали в огне опустевшие хаты;
А когда к пепелищам своим возвратились,
Ещё долго все эти дороги им снились.

Даже страшно подумать: ни крыши, ни хлеба,
Лишь колодец воды да родимое небо.
Но деревня жила и детишек растила
На земле, что оглохла от взрывов тротила.

О войне нам негоже рассказывать сказки;
По окопам тогда всё патроны да каски,

НАПУТСТВИЕ

Начало года – не начало дня:
Снега с небес; морозные закаты.
Продрогшая пернатая родня
Заведомо попяталась куда-то.

Родство – в веках, сокрытое от нас;
Мы тоже ходим реже по морозу.
Чудно смотреть: который уже час
Рисует Некто на стекле мимозу.

И заметёт!.. А это год Змеи,
И всё теперь в её змеином вкусе.
И все земные радости твои
Спрессованы в одном её укусе.

Размеренно так тикают часы;
Но как же перед предками неловко:
Не можем дня прожить без колбасы,
Глаза свои таращим на обновки.

Нам подавай Канары и Дубай...
Земля моя, попала ты в немилость!
И режет слух не русское «Гуд бай»,
Что предкам нашим даже и не снилось.

Всё чуждые заморские слова,
Иных земель, где видят в нас холопа.
И даже златоглавая Москва
В зеркальном отражении – Европа.

Из всех щелей навывползала слизь,
Земля моя нашествию не рада.
В свой год, Змея, за нас ты заступись:
Всего полкапли – ради жизни – яда!

Такое вот напутствие Змее,
Всё, что от предков ими было взято
Не ради славы и не ради злата,
А ради жизни на своей земле.

* * *

Всё б ничего, да много
Выпало мне тревог.
Стал обращаться к Богу
На перепутье дорог.

Встану лицом к востоку,
Запад грозит огнём.
Зуб им за зуб, и око
Просто не отдаём.

А на душе тревожно:
Вновь собираем рать.
Разве, скажите, можно
Так вот с огнём играть?

ПАМЯТЬ

*Жанне Анатольевне
Травинской*

Станция, узловая;
Скрипы и стуки колёс.
Странно так подвывая,
Дёрнулся паровоз.

Солнце вверху короной,
Грянет ли грозно гром –
Девочка по перрону
Ходит с большим ведром.

Нет ни войны, ни взрывов,
Вдаль отошла беда.
Девочка, ты счастлива:
Людям нужна вода.

Девочке не в обузу,
Люди со всех сторон:
– Сколько на рубль?
– От пуза! –
Пьёт на жаре перрон.

Только ведро – не речка;
Время творить добро!
Хрупкая, словно свечка,
Снова несёт ведро;
Снова оно не речка...

Время добро творит.
Память её, как свечка,
Вспыхнула – и горит.

Высветит всё, что было,
Словом – да прозвучит.
Было! И не забыла:
Светит, живёт, горчит.

* * *

Мне песнею птица откроет зарю;
Услышу тревоги грачиного грая.
Всё пристальней в дали земные смотрю –
Туда устремляется время, сгорая.

Я вижу родное своё наяву:
Вот дождики светлые ходят по лугу,
Вот падают звёзды в густую траву
И весело кружатся тёплые выюги.

Всё близко и зримо!
Вот вешние дни,
И зимних построено целое войско;
Вот в праздник Великий у кровной родни
За рюмкою братья гутарят по-свойски.

Все поздно ложатся и рано встают;
По жизни умельцы: и даже куют!
На время оставшись без дела,
То выпьют в довольстве,
то песню споют,
И время для них без предела.

* * *

А день грозитя маревом,
Но дали далеки.
Давай, сентябрь, раздаривай
Весёлые деньки.

Они для нас как праздники,
И жаловаться грех,
Что ветер палисадники
Разделал под орех.

Рябиновыми бусами
Насквозь просвечен сад.
И светлый день, не буйствуя,
Вершит земной обряд.

Слетает с веток, светится
Узорами парча,
И нам под ноги стелется, –
Как с барского плеча.

Над узкими тропинками,
Над тишью деревень
На тонких паутинках
Проплыл в безвестье день.

Зари вечерней зарево
Над поймою реки...
Давай, сентябрь, раздаривай
Последние деньки.

ПРЕДЗИМНЕЕ

*Николаю Силаеву,
Заслуженному художнику
России*

Давно ли нам зелёным светом
Светили рощи и сады.
И даже травы по кюветам,
В накрапах дождевой воды.

И не вчера ли за дворами
Сжигала осень до листа
С раkit и клёнов у моста;
А небо, словно купол в храме,
Пожар не тронул неспроста –
По воле Божьего перста.

Нет ничего желанней кроме!
Но, как сокбл, подлесок гол.
И на бумагу в тёплом доме
С отвагой просится глагол.

Всё в памяти, на фотоснимках,
От чувств совсем не продохнуть.
А свежесть первого зазимка
Наполнит нам наутро грудь.

По-новому смотреться будут
Дома, ракиты у моста,
И с твоего уже холста
Нам явится земное чудо;
И тоже вовсе неспроста –
По воле Божьего перста.

Нет ничего желанней кроме!
Стожки... Дорожка через снег...
И вот оно: в твоём альбоме
Весь мир земной – один на всех.

* * *

С ночи небо грустное,
Дождь с утра прольёт.
Стая птиц – стоустая –
Просится в отлёт.

Покидают родину –
В этом нет беды.
Догниёт колодина
У речной воды.

Будет небо мглистое,
И придут снега.
Белыми и чистыми
Станут берега.

На просторах вечного
Свой всему черёд:
На отлёт намечено –
Будет и прилёт.

* * *

На предзимье отгалдели
Птичьи стаи на лугу.
За родительской неделей
Банька спрячется в снегу.

Наметё-ё-ёт!..

И вдруг затает,
В самый раз под Введеньё;
И, в большом довольстве, стаей
Будет каркать вороньё.

Только Тузик невесёлый –
В новой будке он с бедой:
Заливает новосёла
Грязной полою водой –
Дом хозяин строил наспех.

И разносят от ворот
Петухи – всем курам на смех:
– Проржавел водопровод!

* * *

Деревня в снегу.
 За деревней закат –
Крадётся по краю подлеска.
Берёзы в рядок вдоль дороги стоят,
Набитой до белого блеска.

Морозно и тихо.
 Дымки до небес –
Стоят над домами с начала недели.
И кто-то зачем-то – пойми его бес –
Навешал по саду пушистых куделей.

Так хочется думать о самом простом:
Что вот холода, каких не было в свете;
Что вот замерзает косою под кустом,
Серьёзно вполне размечтавшись о лете.

А пёс под навесом скулит о тепле,
И песня в подлеске не слышится птичья;
И долго нам видеть ещё на земле
Мороза и белого снега величье.

* * *

Мир праху предков и заботам их,
У нас другие на земле заботы.
И, поминая в Светлый день родных,
Грешим, по дому находя работу.

Земля отцов – она была добра,
Она лечила и давала силы.
Но хищные заморские ветра
Всё лучшее из жизни уносили.

Земля отцов давно уже не та,
Травой забвенья зарастают тропы.
А русское авось и простота
Открыли настежь двери для Европы.

Мы дети неразумного дитя?
Но всё, что видит сердце, не для сердца,
Когда страна моя как бы шутя
Сама уже сдаётся чужеземцу.

Как бы шутя сдаются города,
В России нищей жизнь для них – малина.
А боевая «Красная Звезда»,
Отцовская – за взятие Берлина.

И обелиски – память о войне,
О павших память для потомков свята.
Я что теперь могу сказать родне,
Которой не дождалась в 45-м?

И той, что после умерла от ран? –
Она легла не в братские могилы.
Есть новый враг: посланцы разных стран
Сбиваются под знаменем ИГИЛа.

Мир праху предков и заботам их,
На землях предков жизнь теперь иная.
И, поминая в Светлый день родных,
Светло о жизни прежней вспоминаю.

*От Москвы до самых
до окраин:
народ и власть*

ОЧЕРКИ

* * *

Как время,
 струится негромкая речка,
Под небом родным, по родимой земле.
Не будет меня – и поставят мне свечку,
В день памяти – в комнате, на столе.

Подушка, любимая мной, на диване;
Как вежа в моей невесёлой судьбе –
За огородами речка в тумане
Читать мои будет стихи о себе.

Родные просторы!
 Всё просто и зримо;
И солнцем согрет
 каждый хрупкий листок;
И речка, которая мимо и мимо,
И радуга – в прошлое хрупкий мосток.

28 сентября 2014 г.

РОДИНА

Родина... Малая – она у каждого своя. И видим мы её каждый день; каждую секунду земного времени, в том числе и прошедшего, она перед нами. Закрою глаза – и вижу её сразу во все стороны, до самого горизонта и дальше: с мелководной Неручью, заросшей непроходимыми лозняками и бурьяном, много веков пробирающейся через торфяники на восток; с ручьями, впадающими в Неручь, – совсем мелкими и такими же заросшими; и у прибрежных лугов такая же судьба, – когда-то хранивших до весны свои особенные запахи в погоду сложенного сена, а теперь не потревоженных ни звоном кос, ни тяжёлым дыханием стада; и даже не услышишь человеческого голоса – так они одичали. А ещё вижу её с маленькой Очкой, которая берёт начало всего верстах в четырёх от Неручи, но уже по правую сторону от стальной магистрали, и течёт сразу на запад, мимо Очек и Архангельского; и с Окой – родники её от деревни Очки сразу за холмом, за Пальчинским лесом, а сама она так же сначала на запад – через Александровку, Степную, Бутырки, до слияния под Озёрками с Очкой, которая, как бы став постарше, повзрослев, становится Окой. И уже потом они вместе устремляются к северу, через Тагино, Богородское и дальше – через Орёл, калужские леса и рязанские просторы – к Волге. Очку почему-то

считают притоком Оки, но до стрелки под Озёрками она проделывает много больший путь, тем самым претендуя называться главной рекой. Ан нет: это мы рассуждаем так с позиций сегодняшнего дня; а позади века, и, очевидно, у предков наших были все основания считать, какой исток называть главным, а какой – притоком.

В конце 1980-х годов газетная работа свела меня с человеком, – а это был наш земляк Василий Андреевич Цыпин, проживающий в Орле, – который утверждал, что река Ока брала начало в Пальчинском лесу, теперь же её исток в полутора километрах ниже, и питают его три родника. Основания такому утверждению у него, очевидно, были.

Василий Андреевич сам по себе слыл интересным человеком, хотя рассказывать о себе не любил. Родился он в Очках в 1915 году, и ещё в детские и юношеские годы исходил тот край вдоль и поперёк, много чего услышал от своих односельчан – из уст в уста передаваемое от предков. Дорога жизни увела его от малой родины. Воевал, и война земляка пощадила – вернулся живой и здоровый, но не в Очки: все трудности послевоенной разрухи переживал в городе. Имел две слабости: любил охоту и пробовал себя в литературном творчестве, а статьи его публиковали даже областные газеты. Не отвергла их и глазуновская районная – «Приокская нива», которую я редактировал и в которую он поступал уже в преклонном возрасте.

Но понятие «возраст» для него не существовало. Даже по старинным меркам, Василий Андреевич считался долгожителем, а в наше время, когда средняя про-

должительность жизни на Орловщине не дотягивала и до 50 лет, тем более. И уже после 80-летнего юбилея он в зимний сезон снаряжал охотничий рюкзачок, вплоть до бинокля и маленького складного стула, электричкой доезжал до станции Малоархангельск, а потом становился на лыжи и много часов мог кружить и кружить по полям своей малой родины. В электричку обратно садился или на этой же станции, или на остановочном пункте «452 км». И, может, ещё долго бы он отдавался любимому делу, не случись беда.

В один из приездов Василий Андреевич, как всегда, вышел из электрички и стал переходить пути по дощатому переходу; и вдруг получает сзади сильный удар в плечо и падает на рельсы. А мимо него, громяхая по дощатому настилу перехода, с перрона проносятся конные сани; и получалось, что его на полном ходу сбили оглоблей. Восстановиться после травмы до нужного уровня Василий Андреевич так и не смог, да и возраст говорил сам себя; словом, с любимым делом ему пришлось расстаться.

А с творчеством не расставался: писал статьи в «Приокскую ниву», писал охотничьи рассказы для своей книги; однажды стал нашим гидом – мы уехали в Пальчинский лес искать сухой исток Оки. И нашли! Тот самый ров, теперь уже совсем мелкий, по которому ключевые воды Оки из леса когда-то устремлялись в низину, к Александровке. Об этом говорит и глубокий овраг – ниже он сохранился, но ближе к лесу там уже поле, которое пашется и засеивается. Доводы моего земляка можно оспаривать, но можно и соглашаться с ними. Ведь земляне пользуются пресной водой, запасы

которой пополняются за счёт атмосферных осадков. Учёный мир уже давно забил тревогу: доступных запасов пресной воды, которая нужна человеку для жизни, на зелёной планете становится всё меньше и меньше – она уходит вглубь нашей планеты, в результате чего мелеют реки, высыхают колодцы. Американские учёные обнаружили на глубине 200 километров огромный океан пресной воды, равный Атлантическому; но ведь до него не добраться. Очевидно, процесс этот человек на протяжении своей короткой жизни, в исторических рамках цивилизации, не улавливает; или может уловить уже к её закату: мол, и речка в детстве была глубже, и ручеёк за лето что-то высох. А мы ещё будем гадать: сама ли природа так распоряжается в ответ на какие-то неизвестные человеку титанические сдвиги внутри земного шара, или же это необратимые процессы как нечто обязательное для стареющей планеты творят своё чёрное дело? Но в любом случае мы стоим перед фактом: исток Оки опустился на значительное расстояние.

В связи с этим не могу не привести два свидетельства, подтверждающие выводы Василия Андреевича. Ольга Яковлевна Васильева, родившаяся в 1924 году в 1-ом Никольском, подтвердила: да, когда она училась в начальных классах, учительница водила их к истоку Оки, вроде бы как на экскурсию, в тот самый лес; вода была из-под земли фонтаном..

– Да, – вторит ей Нина Михайловна Кононова, директор Малоархангельского хлебоприёмного предприятия, родительский дом которой стоял на берегу

маленькой Очки, – я охотно верю, что вода наверх вырывалась большая. Мой дальний родственник Мартын Григорьевич Поляков ещё в позапрошлом столетии работал в Змиёвке на элеваторе; и по его рассказам, дошедшим до нас, детворы, вода стала рваться наверх с большой силой, её было так много, что появилась угроза затопления ниже лежащих деревень. И звучит, как легенда: со Змиёвки возили на подводах мешки с мукой и сбрасывали в рвущуюся наверх воду.

Поиски каких-либо документальных источников, подтверждающих или опровергающих выводы краеведов, дошедшие до нас из уст в уста предания старины глубокой привели меня в Орловский областной архив; и в моих руках оказался интересный документ: «Труды учёной архивной комиссии за 1903 год». На заседании этой комиссии 8 декабря 1903 года было «указано на недостаток знаний нашей родины». Такой вывод она сделала, исходя из доклада её председателя А.Н. Шульгина, который доложил, что двумя неделями раньше, 23 ноября, на состоявшемся чествовании памяти орловского уроженца поэта Ф.И. Тютчева, (Брянский уезд, где родился поэт, входил в Орловскую губернию) по случаю 100-летия со дня его рождения, от Орловской Учёной Архивной комиссии принимали участие вместе с Шульгиным правитель дел А.К. Юрасовский и вице-председатель князь К.В. Кекуатов. «Шульгиным был поднесён адрес следующего содержания: «Фёдор Иванович Тютчев сказал, что в Россию нужно верить»... «Этим он указал на недостаток знаний нашей родины»...

«Орловская Учёная Архивная комиссия, занимаясь изучением старины Орловского края, как основ для изучения нынешнего состояния своего родного гнезда, «вообще стремится к тому, чтобы заполнить тот пробел, на который указал Фёдор Иванович, с полной уверенностью в сочувствии Орловского общества в достижении такой цели – завета Тютчева».

Здесь необходимо отметить, что председатель Орловской учёной архивной комиссии А.Н. Шульгин занимался изучением старины родного края. В 1903 году он издал книгу-очерк «Минувшее Орловского края», и уже тогда он давал подробное описание верховий Неручи и Оки, представляющих из себя местность в виде трёх кряжей – западного, восточного и южного. В данном случае остановим своё внимание на западном. По описанию историка, это плоская возвышенность степного характера, которая в «Книге Большого чертежа» XVI века называется степью Раковые Колки, и которая «ограничивается: с востока Доном, с юга Быстрою Сосною, с запада – Окою и севера – р. Упою. К этим рекам она спускается покатосями, сильно изрезанными большим числом долин, лощин, логов и оврагов, со множеством их веток и от вершков, вследствие чего вся местность представляется очень всхолмленную и пересечённую».

Комиссия задолго до этого официального решения на своих заседаниях уже обращала внимание на усиление исследовательской деятельности родного края, следовательно, сегодня мы можем говорить как о постоянной её работе в этом направлении. И, прежде

всего, потому, что в составе комиссии был настоящий подвижник и патриот – Гавриил Михайлович Пясецкий, который состоял в ней с первого дня её основания, с 1884 года, и который уже имел много печатных трудов по истории Орловского края, в том числе и книгу «Исторические очерки Орла». Но ко времени описываемых здесь событий минуло три года, как Пясецкого не стало; и так же можно предполагать, что с его уходом из жизни работа эта попросту поугасла, и комиссия стала проявлять беспокойство.

Родом из Черниговской губернии, Г.М. Пясецкий в 1863 году двадцатипятилетним магистром богословия приехал в Орёл и стал вести уроки гражданской истории в духовной семинарии. По воспоминаниям его родственников, он полюбил Орёл и впоследствии как историк и краевед посвятил исследованию Орла и Орловского края всю свою дальнейшую жизнь. «В непрерывных творческих трудах прошла жизнь Г.М. Пясецкого, – писал большой знаток истории и литературы Орловского края В.М. Катанов в статье «Историк нашего края», предвещающей книгу Г.М. Пясецкого «Забывтая история Орла» (Орёл, ОГТРК, 1993 г.). – Богатство фактов, добросовестно изученные материалы, литературный слог – всё это позволяет зачислить его лучшие работы в золотой фонд краеведческой литературы».

Вот что пишет Г.М. Пясецкий об истоке Оки в этой книге, а первое издание её датируется 1874 годом: «Река Ока берёт своё начало в дачах села Тагино и села Очек в Орловском уезде, вытекая из болот, образовавшихся в поддерживаемых обильными здесь ключами».

Необходимо пояснить: в описываемые историком времена дачами называли земли, дарованные царём или выделенные по дележу; и вот какое предложение в качестве примера, подтверждающего это определение, приводит В.И. Даль в своём Толковом словаре: «Имение это, кроме села и деревень, делится на три особых дачи».

Г.М. Пясецкий заглянул в глубь истории; он пишет: «В Большом Чертеже, или древней карте Российского государства, составленной при первых московских царях и потом, по приказанию царя Михаила Фёдоровича, поновлённой в 1627 году, об истоке Оки сказано, что «река Ока вытекла из чистого поля от Раковых Колков, а Раковы Колки из-под Пахнутцовой дороги».

Прервём историка; откроем книгу «Змиёвский край» В.М. Катанова, где дословно: «В «Книге Большого чертежа» (1627) читаем: «От верху Оки с верху вытекала речка Неручьи...» Толковый словарь В. Даля подсказывает: название речки образовано от слова ручей; Неручь – так в Воронежской и Орловской губерниях называли большой ручей или малую речку.

И далее Пясецкий пишет: «Верхний бассейн Оки с двух сторон – с востока и запада окаймлён возвышенностями, по которым в древности пролегали две большие дороги – Пахнутцова, что ныне большая Курская дорога, и Свиная, местами уже запаханная, местами служащая доселе границею между разными землевладельцами. Эти дороги шли кряжем, минуя низменные места и реки; из-под них-то и берут своё начало первые притоки Оки. К востоку от Пахнутцовой

дороги начинается уже система р. Сосны, изливающей свои воды посредством Дона в Азовское море; а к западу от Свиной дороги – система притоков Десны, несущей свои воды через Днепр в Чёрное море».

Это водораздел, если точнее: узел водоразделов больших русских рек – Оки, Дона, Днепра; а образуется он именно Очкинской высотой близ станции Малоархангельск, откуда и расходятся три главных крыжа – Северный, Западный и Южный. Именно на этом водоразделе следует искать Пахнутцову дорогу, которая «лежала «от Мелового Брода на р. Семи (от Курска 40 вёрст)» в области Оки и Неручи, у верховьев – Тагина, Руды, Рыбницы, Оптухи и Олешни, имея от себя поворот к берегу Оки «у усть Доброго Колодезя», выше города Орла, на Свиную дорогу». По Пахнутцовой дороге татарские полчища вторгались на территорию Орловского уезда.

Можно говорить, что именно этот водораздел основательно исследовали наши предки во второй половине 19 века, когда строилась Московская железная дорога. В связи с этим любопытная справка: казалось бы, лапотная Россия, недоразвитая, забитая, а ведь смогла проложить стальную магистраль от Москвы до Курска – 512 вёрст – в довольно короткие сроки, со всеми инженерными сооружениями, в том числе и с мостом через Оку. В мае 1864 года был издан указ о её строительстве, а потом пошло-поехало! В 1866 году встретил первый поезд Серпухов, в 1867 – Тула; 15 августа 1868 года было открыто движение поездов до Орла, а менее чем через месяц, 7 сентября 1868 года,

первый пассажирский поезд прошёл через верховье Неручи и Оки – до Курска.

Стальную магистраль проложили по самому гребню водораздела; она окружила мою родную Васильевку, а в то время – Шеншино, с трёх сторон; и на этой её подкове от Глазуновки до станции Малоархангельск выходящие на поверхность грунтовые воды, те самые ручьи и речки вдоль неё, расходятся от насыпи в разные стороны. В своих ранних публикациях на эту тему я приводил такой наглядный пример из сегодняшней жизни: на станции Малоархангельск возле железнодорожных путей стоит пакгауз – добротное кирпичное здание, и дождевая вода с северного ската его крыши течёт в Волгу, с южного – в Дон, то есть там гребень водораздела. И подземные воды, выходящие здесь на поверхность, также устремляются в противоположном направлении, чтобы затем через сотни километров встретиться в шлюзах Волго-Донского канала, который с 1952 года стал судоходным, и у которого на 101 километре водного пути его насчитывается свыше 50 инженерных сооружений.

«На первых 15 верстах, – пишет Г.М. Пясецкий, – Ока течёт в виде небольшой речечки; потом на протяжении ещё 45 вёрст до города Орла, приняв в себя воды нескольких притоков, она постепенно расширяется, и в городе Орле ширина её достигает 30 сажень». Но, как свидетельствует Г.М. Пясецкий, уже в то время ширина Оки в Орле была не естественная, а искусственная, то есть поддерживаемая плотинами. А уже от города Орла Ока считалась судоходной, «протекая всего по

Орловской губернии 136 вёрст... Всего течение Оки 1380 вёрст».

Как повествует автор, с правой стороны, из-под Пахнутцовой дороги, в Оку впадают колодезь (в древней карте Российского государства так называется небольшой ручей; по величине за ним – речка и река) Тагин, (сегодня: Литобеж: – *авт.*) речка Руда, речка Рыбница и уже за Орлом – Оптуха; с левой стороны, из-под Свиной дороги, – Ракитна, река Крома, речка Ицка, речка Оцон, ныне Цон, река Орель или Орёл, ныне Орлик, и за городом Орлом – Мезенка и река Неполодь. В названиях мы узнаём речки и нашего, глазуновского края; следовательно, их воды, вместе с окской водой, вливаются в Волгу, а затем в Каспийское море. Но это, будем говорить, крупные притоки Оки на орловской земле. А сколько на своём пути приняла она речек маленьких, и безымянных, и тех самых «колодезей», вобравших в себя, вместе с ключевыми, воды паводковые и дождевые! В 1990-х годах гнилушинские школьники с краеведом С.Д. Кузиным побывали в турпоходе: ночевали на сухом истоке Оки, прошли по её берегам до села Богородское; и не просто прошли, а на всём более чем 25-километровом пути исследовали 13 её притоков, измеряли глубину самой реки. И на всём её пути никаких преград. Но пройди они этим же путём, допустим, веком раньше – увидели бы другую картину. По сведениям Орловского губернского статистического отдела, в Списке населённых мест по Малоархангельскому уезду в 1926 году на Оке в Голенищенском и Богородском сельсоветах значились три

водяных мельницы: Гришина, Кузьмичёва, при деревне Екатериновка, и ещё водяная мельница Солнцева, со стоящими при них хозяйскими домами; при мельнице Гришина их было два.

Проясняя происхождение названия Оки, Г.М. Пясецкий в своей книге соглашается с мнением тех, кто утверждает, что оно не русского происхождения, а финского. Одни полагают, сообщает он, что Ока вытекает из двух круглых болотец, имеющих по ключу, наподобие двух глаз, или ок, Но историк обращает внимание на такой факт: Ока сделалась известной в большей степени по своим низовьям: там много раньше вело осёдлую жизнь финское племя. Они жили и южнее, но пришедшие славянские племена их оттеснили, завладев рекой вместе с названием и всеми землями вокруг, то есть это произошло за много лет до начала образования Русского государства. А слово «окать» у ламутов (ламуты – устаревшее русское и якутское название эвенов) значит: «река»; и ламуты считали, что к ним оно пришло от древних финских племён, обитающих на этих берегах.

Казалось бы, на этом можно поставить точку; но всё в той же книге очерков, повествующей об истории Орла, – уже в Приложении под названием «Орёл в 1778 году», взятом из Нового и полного географического словаря Российского государства (М., 1778 г.), читаем: «Ока берётся от города верстах в 70 из зыбкого места, выходя двумя родниками, после вскоре в один ручей соединяющимися; почему как место сие, так и село подле сего верховья стоящее, называют Очки,

или Оки, откуда и название своё река Ока получила». Будем откровенны: нам и с этим утверждением нельзя не согласиться, оно нам даже ближе, если рассуждать примерно так: Ока отправляется в дорогу маленьким ручейком, и её называли предки уменьшительно-ласкательным именем – Очка; а звучит, как – дочка: именно так называют маленьких детей; и выходит, что Очка – это маленькая Ока, второй исток, который имеет полное право считаться таким.

Ока многое значит для Глазуновского района, следовательно, и для Орловской области. Осознавая это, Василий Андреевич и предлагал установить в Пальчинском лесу памятный знак – камень-глыбу с надписью: «Здесь начиналась Ока». В сегодняшнее время это приобретает ещё большее значение; ведь Глазуновский район компактный, и тем из туристов, пожелавших побывать на истоке большой русской реки, мы могли бы легко показать наш край в историческом развитии: показать сухой исток в Пальчинском лесу; признав Очку вторым истоком Оки и установив памятный знак, показать оба истока и место их слияния, где, кстати, следовало бы установить такой же памятный знак, и тоже с надписью, ибо эти оба истока и есть наша большая русская река. Здесь должны быть туристические тропы, пролегать бы им и по другим памятным местам. Есть Золотое кольцо России, нашей большой Родины, – это 1000-километровый туристический маршрут по древним городам Владимиро-Суздальской и Московской Руси, где сосредоточено историческое и культурное наследие. На этом пути стоят около 20 городов, из них

восемь – основных, – как Сергиев Посад, Ростов Великий, Суздаль; в том числе и Переславль-Залесский, в котором мне посчастливилось побывать в молодые годы, и на Плещеевом озере, где Пётр I строил свою «потешную» флотилию. Словосочетание «Золотое кольцо» живёт полвека, и ежегодно тысячи людей можно видеть на этом пути.

Не мудрствуя лукаво, и предлагаю: в верховьях Неручи и Оки быть бы малому Золотому кольцу, чтобы эта туристическая тропа, как связующая нить веков, дала возможность увидеть нашу малую родину в её историческом развитии. А нам есть чем гордиться и есть что показать! Ну как не побывать гостям на месте, где произошло событие, известное всему миру и повлиявшее на исход гигантского, по своим размерам, сражения во время Великой Отечественной войны, о котором, кстати, упоминает в своей книге «Воспоминания и размышления» маршал Советского Союза Г.К. Жуков: на северном фланге Курской дуги в июне 1943 года именно в селе Тагино взяли в плен немецкого сапёра Фермелло, который и назвал точное время начала наступления фашистов! И, уходя вглубь истории, повторюсь: на тагинской земле жили предки великого русского поэта А.С. Пушкина. Позднее тагинская земля – это бывшие владения Чернышёвых. Приближённые к царскому двору, из рода богатейших землевладельцев, состояние которых в то время оценивалось не в один миллион рублей, они после декабрьских событий 1825 года и причастности к ним Захара Чернышёва и Никиты Муравьёва – сына и зятя Г.И. Чернышёва, тогдашнего

владельца тагинского поместья, попали в немилость государя; и отсюда, из поместья Чернышёвых, отправлялась в Сибирь мужественная жена декабриста, которой на её пути, в Москве, 2 января 1827 года А.С. Пушкин вручит знаменитые стихи:

*Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадёт ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье...*

В деревне Сеньково родился и жил Тихон Григорьевич Мартьянов – легендарный матрос с мятежного броненосца «Князь Потёмкин–Таврический». В родной деревне он и похоронен, где ему установлен скромный памятник.

И уже совсем близко к нам: на берегах Очки и Оки, Неручи, Большой Рыбницы жили, отсюда уходили в большую жизнь и сегодня живут люди, прославившие малую родину великими делами, которые были, по словам Н.С. Лескова, «на пользу своей родины». И среди них Герой Советского Союза Иван Григорьевич Похлебаев из села Подолянь, полный кавалер ордена Трудовой Славы Андрей Александрович Липин из деревни Кунач, Герой социалистического труда Пелагея Александровна Темнова, кавалеры орденов Ленина, Трудового Красного знамени, Трудовой славы 3-й степени, «Знак Почёта» Михаил Ильич, Раиса Григорьевна и их сын Николай Терентьевы из деревни Новополево; Раиса Григорьевна, к тому же, избиралась депутатом Верховного Совета СССР.

Новополево – так же родина Заслуженного художника РФ Николая Яковлевича Силаева, труд которого отмечен более чем двадцатью наградами, в том числе медалью ордена « За заслуги перед Отечеством 2-й степени», Золотой медалью Союза художников Российской Федерации, Серебряной медалью Союза художников России, Бронзовой медалью Академии Художеств Российской Федерации.

А сколько ещё орденосцев чествовали в советские времена по трудовым коллективам! И это были простые люди, которых советская власть воспитала, дала бесплатное образование, работу, жильё.

ЧИТАТЕЛИ И ПИСАТЕЛИ

Картина из детства: зима, сугробы под самые крыши; на деревенской улице звонкое разноголосье – детвора идёт из школы. И добрая её половина не сразу домой, а направляется в библиотеку, которая приютилась под одной крышей с сельским клубом. На полках высоких стеллажей книги, и заведующая клубом, она же и библиотекарь, позволяет нам выбирать – кому что нравится. В один из дней выбирали книги не на стеллажах, а на большом столе, стоящем на клубной сцене. Это были новинки, только что привезенные из райцентра, – чистенькие, свежо пахнущие типографской краской. Запах этот запомнился на всю жизнь; и нам тогда казалось, что книги эти из какого-то другого, волшебного мира.

Книжный фонд библиотеки в те далекие пятидесятые годы, кстати, как и последние два десятилетия на рубеже веков, пополнялся редко. Причина везде одна и та же: нехватка денег у государства. И если послевоенная страна залечивала раны, надо было восстанавливать разрушенное народное хозяйство, то сегодня библиотеки посажены на голодный паёк совсем не из благих намерений улучшить простому человеку жизнь.

Трудно было представить в то далёкое время, чтобы книги сельской библиотеки могли долго сохранять свой первозданный вид, хотя относились к ним бережливо. Из десяти деревень приходили люди за ними; одних только школьников в Васильевской семилетке насчитывалось больше ста; книги читали трактористы и шо-

фёры, работники полей и ферм. Практически в каждой семье был человек, на которого в библиотеке имелся выписанный формуляр, и, естественно, издания всегда передавались из рук в руки и зачитывались до дыр.

Из тех далёких лет не могу не привести здесь показательный пример благотворительности, когда книжный фонд сельской библиотеки пополнился за счёт изданий из личной библиотеки человека, живущего в Москве. Евграф Александрович Наумов – наш земляк, в послереволюционные годы учился в школе рабочей молодёжи в Малоархангельске, уездном городе, а Васильевка тогда входила в Малоархангельский уезд; там прошла его комсомольская юность, оттуда его позвала большая жизнь. Потом он прошёл дорогами войны, жил в столице, но Васильевку никогда не забывал. И однажды председатель уже укрупнённого колхоза имени Жданова И.А. Богомазов направил в Москву машину, и Евграф Александрович загрузил её книгами для сельской библиотеки.

В истории Глазуновского района ещё можно найти подобный пример благотворительности, скрывшийся за давностью лет. После революционных перемен XX века, предоставивших простому народу доступ к знаниям, в сёлах стали появляться библиотеки, в то время их называли избами-читальнями. Произошло такое событие и в большом селе Подолянь, где хорошим и чуть ли не единственным грамотеем считали Петра Митина. Крестьяне часто собирались у него, чтобы послушать газетные новости или о том, что написано в книгах, потому что сами они были неграмотными,

такими же росли их дети – учиться-то негде. И Митин написал письмо в Москву, Надежде Константиновне Крупской с просьбой открыть в селе школу. Через некоторое время школу в Подоляни построили. А ещё в Москве рассудили так: построят школу, люди будут грамотными, им надо будет что-то читать – и прислали на его имя книги, ни много, ни мало – целый воз. По описанию Е.А. Наумова, сельская изба-читальня в доме подолянского крестьянина Петра Митина была открыта в 1929 году.

За годы Советской власти в Подоляни была построена не одна школа; подолянская библиотека всегда была укомплектована литературой в соответствии с запросами селян, но, к великому сожалению, чуть более чем через полвека здесь, на благодатной земле срединной России, в верховьях Оки, кстати, как и по всей нашей большой стране – от Москвы до самых до окраин, ураганный ветер «демократических» перемен практически стёр с лица земли всё то, что создавалось Советской властью. А в Подоляни, насчитывающей когда-то около тысячи человек, среди непроходимых зарослей бурьяна и деревьев смиренно доживают свой век всего несколько домиков.

В советское время книга магнитом притягивала человека: читали в любое время суток и в любом месте, в любом возрасте. Году в 1958-ом, а мне тогда уже исполнилось десять лет, на летних каникулах, осенью – после занятий в школе, я всё свободное время проводил с колхозными шофёрами. Они с охотой брали меня в рейсы на отвозке зерна или зелёной массы

кукурузы при заготовке силоса от комбайнов; и я уже в 12 лет самостоятельно водил машину, за что обязан, в первую очередь, лучшему моему наставнику и другу Михаилу Горохову. Это были молодые, весёлые парни, уже устроившие свою семейную жизнь, знающие много частушек и поговорок, и ещё много чего забавного из устного народного творчества. Во время вынужденного простоя они брали в руки книгу и, казалось, забывали обо всём на свете.

В 70-е годы книжный бум ворвался в нашу жизнь со страшной силой. В самой читающей в мире стране было престижным иметь библиотеку личную, что как бы подтверждало высокий интеллектуальный уровень её хозяина. Особенно престижным считалось иметь полные собрания сочинений классической литературы – отечественной и зарубежной; и так, чтобы книги стояли в шкафах, и красивые их корешки привлекали внимание гостей.

Подписку на такие издания осуществляли в книжном магазине райпо и в подписном отделе районного узла связи – как на приложение к журналу «Огонек». Вспоминаю свои попытки выписать что-либо для себя с разными чувствами, и даже с улыбкой: ведь, бывало, не пробьёшься в чередѣ страждущих заполучить для своей библиотеки классика, а я к тому времени уже выпустил в столичном издательстве книгу стихов. И вдруг одна почтенная чиновница, имеющая прямое отношение к этой процедуре, мне вполне серьёзно говорит: «А на что они тебе нужны, ты и так умный». Среди неумных ежегодно были руководители пред-

приятий и организаций, колхозов, работники райкома и райисполкома.

Но пришли другие времена, изменились нравы и, как следствие, произошла переоценка ценностей. Совсем недавно, общаясь с той самой бывшей чиновницей, ежегодно разруливавшей подписку в районе, услышал: «Митрофаныч, зашёл бы ко мне и посмотрел бы что-нибудь для себя из моей библиотеки: мне они уже не нужны». А я выпустил уже четырнадцатую свою книгу. За первую отдельную книгу стихов, вышедшую в Москве, мне прислали гонорар – тысячу советских рублей; за две, что выходили в Туле, в Приокском книжном издательстве, намного меньше, потому что по договору строчка не стоила и рубля. Почему не больше? В российской провинции молодым авторам редко кому удавалось заключить с издательством договор на выплату гонорара по высоким расценкам.

За все последующие свои книги я уже сам платил типографии, потому что не стало Советской власти, а при капиталистическом образе жизни в нашей стране творческому человеку такая роскошь, как гонорар, возможна при наличии хорошего спонсора. Но страна обнищала, и Глазуновский район в том числе. Местных олигархов – раз, два и обчёлся; да им, можно сказать, и не до писателей: местная власть и её многочисленные структуры, по принципу демократического централизма обиженные в финансировании, в зависимости от времени года постоянно напоминают им о благотворительности. Власть просит у народа денег, в чём простой народ обижен ею же. Его минимальные пенсии и зарплаты

уже стали для Якубовича поводом поизгаляться над простым народом на «Поле чудес»: мол, как же это человек умудряется на такие деньги не только выжить, но и прокормить свою семью, собрать ребёнка в школу, при этом не забыв якобы по инициативе родительского комитета, то есть самих родителей, её отремонтировать, ещё передать 10 процентов ежемесячной зарплаты в благотворительный фонд. А писатель, кроме всего этого, хотел бы выпустить свою книгу для детей или взрослых.

В 2005 году я решился издать краеведческую книгу о Глазуновском районе. Верховье Неручи и Оки, когда-то порубежные земли России, где жили предки великого поэта А.С. Пушкина, где века стояли насмерть наши предки, защищая русскую землю от иноземных захватчиков, – как не рассказать об этом детям и внукам, будущим поколениям? Вместе Ильёй Куприяновым и Николаем Тубольцевым, ставшими моими соавторами, не один год собирали материал; но тогдашний глава районной администрации А. Сизов, пообещавший издание этой книги проплатить из внебюджетных, а может, и бюджетных средств, в самый последний момент решать какие-либо финансовые вопросы отказался. Но книга под названием «У ИСТОКА ОКИ» всё-таки увидела свет – на это пошла не одна моя зарплата, и весь её тысячный тираж был востребован. Особенным успехом она пользовалась у школьников, изучающих историю родного края. И самое главное: выпустить книгу тогда помогли Александр Сергеевич Волков и Владимир Михайлович Кузин – они были единствен-

ными в районе, оказавшими финансовую поддержку. Кстати: они из года в год, с далёких 90-х годов, когда взяли в аренду землю и, выделившись из колхоза, стали фермерами, постоянно оказывают местной власти помощь в решении различных социальных вопросов.

Не могу не сказать здесь добрые слова благодарности в адрес директора Малоархангельского хлебоприёмного предприятия Нины Михайловны Кононовой: она давний поклонник моего творчества и постоянно помогает мне преодолевать финансовые трудности при издании книг. К слову: она по отношению и к другим людям такой же неравнодушный человек, отзывчивый; много вопросов социальной направленности помогает решать землякам, и не потому ли жители пристанционного малоархангельского посёлка не однажды избирали её депутатом районного Совета. А я шутливо называю Нину Михайловну «красным» директором: все вопросы она решает как в добрые советские времена.

Есть такие же патриоты нашего Отечества и в других районах области – хорошие хозяйственники, не остающиеся в стороне от людских бед и несчастий, протягивающие руку помощи.

Взяв на себя смелость написать книгу, неизменно сталкиваешься с проблемой её издания. И каждый раз, не уповая на власть, – что делать, если она постоянно перед простым народом в образе нищенки с протянутой рукой или в образе грабителя, – проплачиваю типографии своими кровными за 500 или 1000 экземпляров. А затем весь тираж потихоньку продаю. Он расходуется: друзья, знакомые и не знакомые мне люди, – кому

нравится моя поэзия, проза или публицистика, – покупают; кому-то просто дарю, говоря при этом: «Книги – бесплатно, но подпись дорогая». Но все они всегда продавались намного дешевле себестоимости, так что ни о каких гонорарах речи не шло.

И всё-таки: не купить книгу, пусть даже автор её просто земляк, – это не так страшно и вполне объяснимо: ну не нравится человеку его творчество, или трудности с деньгами, или ещё что-то такое, что не позволяет ему это сделать. Но вот диалог с человеком, который в те самые советские времена книжного бума всегда был среди «неумных», а сегодня имеет солидную торговую точку и считается довольно состоятельным:

– Выпустил свою новую книгу, купи.

– Ты знаешь, раньше покупала, много читала...

Стихи?

– И проза – повесть, очерки о нашей сегодняшней жизни.

– Ты знаешь, зрение ослабло...

– Подаришь кому-то из родни; книга во все времена была самым дорогим подарком.

– Нет, нет! Я недавно их три ящичка на чердак вытаскала.

– Да она 50 рублей стоит, это всего две буханки хлеба.

– !?...

Выводы? Человек в своём, будем говорить, историческом развитии достиг определённого уровня, а этот диалог как бы подводит черту под его интеллектуальным уровнем.

Рассуждая о творческом процессе писателя, о взаимосвязи «писатель – читатель» в эти последние два года, 2014-й и 2015-й, которые у нас в стране были объявлены Годом культуры и Годом литературы, неизменно приходишь к выводу, что повешенные на них вывески практически мало чего значительного привнесли в нашу провинциальную российскую действительность. Даже думаю, что по прошествии этих лет общество нечто ценное, важное в духовном плане продолжало утрачивать. Во всяком случае, мне так и не удалось в полемике со многими моими собеседниками опровергнуть самого себя. Чтобы не быть голословным, остановлюсь на примерах. Примеры самые обычные, из сегодняшней жизни, и мы проходим мимо них, как бы не замечая, словно это нечто стало привычным для нашей жизни, а мы равнодушнозираем на происходящее.

Бывший глазуновский колхоз «Заря»; сегодня он – подразделение соседнего СПК «Сеньково», благополучно плывущего по волнам рыночной экономики, единственного из 14 колхозов и совхозов района уцелевшего. «Заря» – это деревни Степная, Подлесная, Александровка, которая слышит, как позванивают, пробиваясь на поверхность, воды Оки, – здесь её исток. В советские времена в «Заре» было всё для достойной жизни человека: работа, детсад, школа, дом культуры, медпункт, библиотека, филиал отделения сбербанка, магазин и даже баня. В один из дней, пребывая в «Заре» по газетным делам, я увидел там Леонарда и Игоря Золотарёвых – они приехали выступать перед механизаторами; а был день первого снопа. Всё про-

сто: при писательской организации довольно активно осуществляло деятельность бюро пропаганды художественной литературы, и по её путёвкам писательские бригады выезжали даже в самые отдалённые районы области: выступали в школах, детских садах, колхозах и совхозах, на заводах и фабриках, то есть простой народ слышал писательское слово.

Желанным гостем в трудовых коллективах был и Василий Михайлович Катанов. Прошедшим летом ему исполнилось 85 лет; будь он помоложе – и сегодня его спокойный негромкий голос звучал бы в производственных помещениях, доносил бы до слушателей много интересного из истории родного края: ведь из-под его пера вышла не одна книга о людях и памятных местах Орловщины. Но более всего приглашали Василия Михайловича в школы и детские сады: он автор замечательных стихов о природе и людях, в том числе и для маленьких читателей. Его стихи открывают загадочный мир, притягивают к себе простотой и задушевностью; и уже более полувека ими зачитываются взрослые и дети, но тогда они слушали их из первых уст.

Те благодатные времена ушли в прошлое вслед за выстрелами по Верховному Совету РСФСР. В «Заре» сегодня остались только магазин и почтовое отделение. Пока была в Степной школа, я находил время, чтобы там выступить перед школьниками со своими стихами, рассказать об орловских писателях. К слову сказать, я постоянно во время учебного года выступаю в школах района – когда пригласят меня, когда проявлю инициативу сам; когда выступаю один, когда

вместе с Николаем Тубольцевым, написавшим немало рассказов для детей. Ежегодно меня приглашали в Глазуновский сельскохозяйственный техникум выступить перед студентами – как творческого человека и, к тому же, его выпускника; пишу в прошедшем времени: вот уже несколько лет не приглашают. Обычная для сегодняшней власти ситуация, о которой нельзя не рассказать.

На 50-летие этого учебного заведения приехало много выпускников; и вдруг на сцену вышел с поздравлениями Виктор Быков, глава Троснянского района, хотя среди выпускников техникума он не числился. Объяснение простое: приближалась предвыборная кампания по выборам депутатов в Орловский областной совет, Быков собирался баллотироваться по этому избирательному округу, и глава Глазуновского района Сергей Шамрин с целью поддержки от административного ресурса уже организовывал ему встречи с будущими избирателями. Много чего неправильного о нашей жизни, и техникума в том числе, наговорил тогда со сцены будущий кандидат, с чем я не согласился и в своём выступлении об этом сказал.

Последствия моего выступления были печальные: директору техникума В.А. Тарасовой областная власть, как полагаю, устроила хорошую трёпку, а я в этом учебном заведении с тех пор не выступаю, потому что стал для директора гостем нежеланным.

Но сельскохозяйственный техникум и «Заря» – не исключение из правил: от Москвы до самых до окраин, по всем городам и весям творилось узаконенное

беззаконие, отчего человеку труда, простому человеку, становилось всё сложнее и сложнее выживать. И не могу не удивляться: люди видят всё это, открыто говорят, что, мол, сколько за коммунистов ни голосуй, а результат будет, какой нужен действующей власти, потому как в избирательные комиссии подобраны люди, способные на совершение незаконных действий, – в большинстве своём это работники бюджетной сферы. Их за это действующая власть даже поощряла: награждала почётными грамотами, вручала денежные премии. По неофициальным данным, каждой участковой комиссии выделялось 60 тысяч рублей. Есть пример, когда человеку, не принимавшему участие ни в каких боевых действиях по защите Отечества, далёкому от военно-патриотического воспитания молодёжи, но представляющему действующую районную власть на выборах депутатов в Орловский областной совет и обеспечившему высокий процент голосов за нужного кандидата, вручили медаль в честь 70-летия победы на Курской дуге. Или ещё за какие заслуги? И дела не меняет, что вершили они своё беззаконие под страхом остаться без работы или ещё по каким-то другим причинам.

На губернаторских выборах 2014 года за коммуниста В. Потомского в Глазуновском районе проголосовали 95,8 процента избирателей, пришедших на выборы, а по области – 89,2 процента. Такое единодушие избирателей мы видели только в советское время, когда люди шли на избирательные участки отдавать свои голоса за блок коммунистов и беспартийных; а в наше

время административный ресурс позволял набрать коммунистам не больше 25 процентов. Если думаете, что за прошедшие пять лет народ так сильно «полевел», разуверившись в правящей партии, то глубоко ошибаетесь: в большинстве своём он и не верил ей. Просто на этот раз избирательные комиссии не помешали избирателям выразить своё волеизъявление, а ещё снова постарались получить высокий процент, чтобы показать монолитное единство беспартийного народа, «Единой России» как правящей партии и КПРФ: как же, ведь Потомский – это выбор В. Путина! Так над народом ещё никто не шутил.

Но я всё больше и больше сомневаюсь, что наш новый губернатор в Орловской области как-то изменит жизнь простого человека в лучшую сторону, хотя в период предвыборной кампании как его доверенное лицо провёл в трудовых коллективах более 30 встреч, рассказывая народу о ценных деловых и человеческих качествах кандидата в губернаторы. Почему сомневаюсь? Ответ на поверхности: ему не дадут! Все чиновники действующей власти, по унаследованному от КПСС принципу демократического централизма, являются заложниками этой системы. У кого-то благие намерения, может, и есть – сделать что-то хорошее, а вот законы, принятые в Госдуме не в пользу простого народа, а в интересах буржуазии и Запада, им это не позволяют. Взять хотя бы закон о забое скота, который сегодня якобы необходим для общества, а, по сути, направлен на опустошение кошельков деревенского человека, намерившегося за счёт откормленного бычка или свинки пополнить свою

продовольственную корзину. Ни в какие рамки не укладывается: везти животное на забой за 30–50 километров. Да в Российском государстве, имеющем скотины кратно больше, чем сегодняшней бедный безработный крестьянин, ни при одном царе додуматься до этого не могли! А у нас этот закон принят – по требованию ВТО. Вот она, забота буржуазного правительства о бедном безработном крестьянине.

Сегодня у губернатора только один инструмент: привлекать инвесторов. И чем беднее провинция, тем привлекательней она для денежного человека, которому нужна дешёвая рабочая сила. Это и есть тот самый привлекательный инвестиционный климат. Могу предположить, что какая-то «мохнатая рука» помогает осваивать инвестиции и на забойных пунктах, ведь крестьянина можно заставить это делать только под страхом наказания.

Скажите, как может губернатор Потомский изменить жизнь народа в лучшую сторону в той самой «Заре»? За последние десятилетия там ни о каком социально – экономическом развитии не ведут и речи? Нет даже застоя. Она, эта жизнь, становится хуже и хуже, потому что всё наитеснейшим образом связано с потребительской корзиной, минимальным размером оплаты труда, размером пенсии и инфляцией, которая в 2014 году грабила каждого человека на 100 рублей с каждой тысячи, а промышленные и продовольственные товары дорожали. В «Заре», расположенной в 25 километрах от центральной районной больницы, закрыли медпункт. Человек заболел, надо его везти в больницу,

но автобусы не ходят; такси стоит 250 рублей, и столько же надо будет уплатить, когда наступит время ехать домой. Поставили бы законодатели себя на место жителей отдалённых деревень, – глядишь, и поняли бы, что это значит для человека.

На дверях школы тоже повесили замок, и детишек возят на автобусе в соседнюю, Очкинскую, которая в восьми километрах. Конечно, всё это – заботы местной власти, районной, а не губернатора, но ведь он – наверху. А между тем, создаётся мнение, что власть на местном уровне пользы народу не приносит, и выглядят её деяния не как плодотворная деятельность, а как имитация деятельности. Собственно, на какую ветвь власти ни глянешь – на любом её уровне делают вид, что работают, а результатов – ноль, имею в виду положительные.

Президент В. Путин объявил 2014 год Годом культуры, и в Заре» отметились: в бывшей общеобразовательной школе торжественно открыли социокультурный центр. По задумке, он должен был оказывать населению существенную помощь в повышении уровня культуры населения, поскольку только культурный человек может разобраться в глобальных проблемах современности, сознательно участвовать в общественно-политической жизни и формировании гражданского общества, – например, давать необходимую юридическую консультацию непросвещённым, что для нашего сложного времени архиважное дело. Под одной крышей официально прописали дом культуры, библиотеку, позднее к ним переехало почтовое отделение; о событии рассказала

районная газета. Но прошёл Год культуры – и социокультурный центр приказал долго жить: работники дома культуры остались без дома, с приходом тёплых дней в котельной, работающей на газе, оборудование вырезали и увезли.

2015-й – Год литературы, и проходит он по такому же сценарию. В начале лета я там побывал. В одной из комнат, заставленной стеллажами с книгами, увидел знакомые лица и предположил, что работники районной библиотеки приехали туда для оказания методической помощи заведующей библиотекой в регистрации поступивших новинок.

– Ошибаетесь, – возразили мне, – библиотека закрывается, и вся литература готовится к отправке.

Куда? Какая разница, здесь важен сам факт: в Год литературы в «Заре» не стало библиотеки; и когда-то ещё услышат там живое писательское слово, возьмут в руки книгу писателя-орловца в семье, не имеющей свою библиотеку.

Соседнему селу Архангельское в этом отношении пока ещё везёт: и школа общеобразовательная живёт, пусть ненадолго, но перспектива просматривается; работает Очкинский дом культуры – здание примитивное, переоборудованное из бывшей столовой ещё в советские времена, но вмещает всех желающих его посетить; есть почтовое отделение, медпункт, детсад. Долго ли село-везунчик будет «процветать»? Слово «процветать» попросилось в кавычки. Судите сами: работы, кроме перечисленных бюджетных организаций, никакой нет. Вся жизнь только на центральной улице,

где свежо смотрятся дома, построенные ещё колхозом имени Ленина, при Советской власти; по другим, старинным улицам села между домами стометровые заросли бурьяна.

И ещё архангельцам повезло: местная администрация прописана в их селе, под одной крышей с ней медпункт, библиотека, почтовое отделение. Это центр поселения, где всегда люди, решающие какие-то проблемы. Здание двухэтажное, построенное более полувека назад как жилое помещение, потом переоборудованное под школу, оно довольно хорошо сохранилось: не один десяток лет – это после того, как тесные классы перестали вмещать всех ребятишек, и школа переехала в новостройку, – в нём размещалось правление колхоза имени Ленина. Колхоза на карте района нет уже не один десяток лет. Но как память о том советском, уходящем всё дальше и дальше, стоят дома, построенные для людей за счёт хозяйства; а ещё стоит рядом с сельской администрацией мраморный бюст вождя первого в мире социалистического государства В.И. Ленина, за которым ухаживают коммунисты первичной организации КПРФ.

2015 г.

СВЯТЫЕ МЕСТА

Я пристрастился к исследованию старых карт своего родного края – верховой Неручи и Оки. Когда-то это были порубежные земли Русского государства, где стояли насмерть ратные люди, защищая Родину, свой край от нашествия врагов, – их много было у России за все века, и все они завершали свои походы бесславно. На одних картах помечены только крупные сёла, стоящие на почтовом тракте или у военно-транспортной дороги; на других помечены и небольшие деревушки и хутора – они всё больше по берегам речек и ручьёв. И все они описаны в статистических календарях: какому барину принадлежали, сколько в них дворов, сколько проживающих – мужского пола и женского; на каком расстоянии эти населённые пункты от губернского и уездного города, у какой они реки, или стоят у колодца. На картах советского периода многих из них уже не находишь: ветер времени развеял в пух-прах; и даже на старых кладбищах не найдёшь следочка в те далёкие времена, чтобы ворохнулось в памяти потомков что-либо значимое из жизни этого края. И только в каких-то архивных записях находим, по выражению Н.М. Карамзина, «сухие имена» предков. Кто они? Чем жили и о чём думали простолюдины с берегов Неручи и Оки, из других далёких деревень – от Москвы до самых до окраин, – сумевшие в лихую годину остаться настоящими патриотами своей малой родины, а значит, и всего Отечества.

Великий русский писатель и наш земляк Николай Семёнович Лесков в конце 19 века, по исследованиям

моего земляка, известного литературоведа, профессора Орловского госуниверситета В.А. Громова, в «Историческом вестнике» написал о Марко Вовчок (М.А. Вилинская) поистине вещие слова, ставшие крылатыми, о своём плодоносном крае как не только хлебной, но и литературной житницы России: «Мария Александровна Вилинская, по мужу Маркович, действительно провела некоторые годы своей юности в Орле, в этом странном «прогорелом» городе, который воспоил на своих мелких водах стольких русских литераторов, сколько не поставил их на пользу родины никакой другой русский город»... На календаре 21 век; Орёл литературный помнит слова писателя; Орёл называют третьей литературной столицей. И хотя воды его прилично обмелели, но он продолжает вспаивать литераторов. Такая справка: в 2015 году, объявленном Годом литературы, будет издано 14 книг, причём при поддержке областной администрации; это на две книги больше, чем в предыдущем. И чтобы нам ответить на поставленные временем вопросы, надо просто взять в руки книги наших земляков и читать, читать, читать... Да и кроме уроженцев Орловщины, вобравших в себя уже с самых детских лет приметы быта и традиции, ставших во времени свидетелями крупных и не очень значительных исторических событий, на орловской земле состоялось много писателей, так же сумевших набраться жизненного материала и донести его до читателя.

Васильевка – моя малая родина. В тихую погоду я с детских лет слышу, как стучат-перекликаются по железной дороге поезда – только пассажирских за

сутки проходило 114! А ещё шесть электричек, а ещё грузовые! Недавно на железнодорожном вокзале летнее расписание движения поездов читал в большой печали: за сутки через Орёл на Москву проходят всего 14 пассажирских поездов. Московская железная дорога охватила мою деревню с трёх сторон, как бы давая понять силу и величие Русского государства. Пойдёшь на юг – в пяти верстах станция Малоархангельск, на север – в шести верстах Глазуновка, просёлочная дорога на запад приведёт к остановочному пункту «452 км» всё той же Московской железной дороги. Устремляясь на юг, стальная магистраль обошла мою деревню, стоящую недалеко от истока Неручи, где были торфяные залежи, где перезваниваются родники, подпитывая нашу мелководную Неручь чистой водой.

А за железной дорогой, дальше, – моя большая страна, моё Отечество, думая о котором, могу радоваться, быть в печали или плакать горькими слезами. В пяти верстах к югу, сразу от железной дороги, ручьи уносят свои воды в Дон; к западу от «железки» уже истоки Оки. И, будем говорить, правый её исток – Очка берёт начало всего в одной версте от проходящих мимо поездов, у деревни Очки; левый исток – у деревни Александровка.

Воды истоков, преодолев многокилометровый путь, сливаются в один поток под Сеньковскими Выселками, и Ока уходит к северу; в её верховьях старинное село Тагино, в своё время владения предков великого поэта А.С. Пушкина. Там всегда жили просвещённые люди, оставившие в истории государства Российского заметный след: кроме Пушкиных, ещё Головины,

Чернышёвы. Там бывали декабристы. Ока уносит свои воды дальше и дальше. По правую сторону, откуда устремляются к ней притоки Руда и Озерна, как раз в междуречье, остаются деревни и посёлки, которые ещё можно увидеть на картах; много их живёт уже только в памяти, хотя некогда и были большими, – сгорели во времени без дыма; вот они, живые и мёртвые: Гнилуша, Орлова дача, Латыши, Володарская, Старое Горохово, Подозеренка, Ольгино...

* * *

Святые для всей России места! Они дополняют друг друга, заставляют думать о величии нашего Отечества, утверждённого в человеческих муках, болях и радостях. Смотрю на север: там моя большая страна, такие же святые места. За железной дорогой, в 20 километрах от Глазуновки, как раз на границе со Свердловским районом, – деревня Старое Горохово, где 16(4) февраля 1831 года в семье небогатого служащего родился Николай Семёнович Лесков.

Во всех деревнях средней полосы России, в том числе и в этом краю, кипела жизнь; и казалось, никаким силам злым её не заглушить. А тут – на тебе: проехал глазуновскую деревню Гремячево – на улицах безлюдье и тишина: молодёжь умчалась в поисках работы за тридевять земель, а пенсионеры перед телевизором; пугает пустотой великолепное двухэтажное здание бывшей средней школы – на её дверях уже не первый год висит замок. Серая полоска асфальта, – постройки, наверно, тридцатилетней давности, уводит в сторону деревни

Володарское (на картах за 1927 год она обозначена как Собакино), в советское время славившейся на всю область своими картофелеводами и коноплеводами и вообще мастеровитыми людьми, а сегодня практически опустевшей. Собственно, вся сегодняшняя деревня живёт ещё советским багажом, нового ничего не создано, не построено.

С правой стороны дороги, на отдалении и много ниже, нет-нет да и проглянут редкие домишки – остатки когда-то больших посёлков. До Собакино-Володарской я не доезжаю, поворачиваю налево; по пыльному просёлку ещё пару километров – и вот она, знаменитая на всю страну русская деревня Старое Горохово. И не подберёшь слова, чтобы правильно охарактеризовать её сегодняшнее состояние: она не стоит, и даже не лежит; её не видишь, не слышишь и даже не ощущаешь физически. Её остатки, спрятанные в зарослях бурьяна и деревьев, незримо превращаются в труху. И ещё появляется чувство сожаления, что туда, где стоял когда-то домик, в котором появился на свет великий русский писатель, практически не пробраться – народная тропа заросла.

Мой очередной визит на родину писателя-земляка навеивал разные думы. Судьба Старого Горохова – судьба всех российских деревень – от Москвы до самых до окраин: их не видишь, не слышишь, не ощущаешь физически, чтобы определённо сказать: деревня, допустим, Старое Горохово – пять домов, при них – колодец (точнее, наверно, было бы сказать: пять домов при колодце). Ехал краем поля, пока не увидел

через заросли то ли широкую тропинку, то ли узкую дорогу с примятой на ней травой. И полсотни метров не прошёл – два дома; тот, что слева, совсем небольшой и низкий-низкий; он врос в землю, словно присел под тяжестью прожитых лет, но, ошелёванный и в краске не первой свежести, смотрелся по-современному. На порог вышла высокая и статная старуха; крупные, как бы не женские, руки, в глазах выцветшая синь; говорила – от её слов веяло покоем:

– Ольга я, Митина.

– Одна живу. Муж давно умер.

– Лет мне сколько? С 29-ого. Вот сколько прожила.

– Свет есть, радио говорит – от электричества.

Продукты возят.

– А никого кругом. Вот Сашка жил рядом, теперь никого. Дальше там есть кто-то.

– Писатель? Его дом там стоял, – и махнула рукой в сторону непроходимых зарослей, другой всё так же опиралась на палку.

– Его там давно уже нет. А мой стоит, и в войну уцелел – не сожгли.

– Не, он весь из дуба, и меня переживёт.

– Табличку? Она всё висела на том месте, где стоял когда-то Лесковский дом. Её всё берёт Сашка. Всё, бывало, рассказывал о нём, что слышал от отца. Потом табличка уже на их доме висела.

Сашка – это её сосед Семеонов. Домик его – вот он, в двух десятках шагов, почерневший от времени, а может, от горя, что остался без хозяина. Дети Сашки Семеонова заспешили к цивилизации в начале своего

жизненного пути; Владимир в Глазуновке, в адвокатах
служит после милиции; старший, Анатолий, в Змиёвке.

– Где табличка сейчас? Увезли, когда – не знаю; говорили, мол, куда-то в дом культуры... Кажется, в Красную Рыбницу...

И до сих пор стоит у меня перед глазами Ольга Митина, эта старая русская женщина, пережившая на своём веку целый воз нечеловеческих трудностей, но сохранившая всё самое лучшее, что присуще человеческой природе. И думается мне, что стоит она – высокая и статная, с палкой по росту, – не просто так, а охраняет покой в святом для нас уголке, помеченном на карте литературной Орловщины.

* * *

Первая отдельная книга моих стихов вышла в Москве, в издательстве «Современник» в 1979 году. Спустя какое-то время, ответственный секретарь Орловской писательской организации В.М. Катанов в разговоре со мной предложил: «Валентин, с писательской организацией ты в тесном общении, у тебя в столице вышла книга, а это, можно сказать, признание, так что давай мы тебя примем в Союз писателей; рекомендацию я тебе дам, а ещё Анатолий Шилаев».

Третью рекомендацию мне написал Владимир Алексеевич Громов. И по прошествии десятилетий мои воспоминания об этом удивительном человеке – как светлая утренняя полоса на небосклоне моей жизни. Помнится первая встреча с ним в писательской организации, когда он, шумный, энергичный, словно свежий

ветер, смело ворвался в открывшуюся дверь; и о чём бы он потом ни говорил – убеждённо, со знанием дела, его можно было заслушивать. О чём говорил? О своих впечатлениях по исследованию жизни и творчества И.С. Тургенева, о литературе и искусстве Орловского края. К тому времени им уже были изданы книги «Здравствуй, город Тургенева!», «Предания Бежина луга», «Добрый великан», а ещё много было опубликовано статей о писателях орловских в областных газетах. И он всегда с обидой говорил о том, что литературоведов в издательствах недолюбливают.

Узнав, что я из Глазуновского района, первым делом спросил: «Как там моя Ивановка?» Как писал Владимир Алексеевич, родился он в деревне Ивановской Борисоглебского сельсовета Свердловского района. Год рождения – 1929-й. Потом эти места стали территорией Отрадинского сельского совета Глазуновского района, а в первой половине 60-х годов ещё дважды меняли свою территориальную принадлежность, по принципу «маятниковой» системы. Судить по нестабильности сегодняшней экономики в стране – подобных территориальных делений следует ожидать и ещё. Но при любом раскладе эти места будут считаться его родиной. Владимир Алексеевич дорожил своим временем, которого ему всегда не хватало, и, наверно, поэтому был всегда пунктуален, после писательских собраний долго не задерживался.

«Речка моего детства Рыбница и Ока, в которую она впадает, берут начало недалеко друг от друга, в самой глубине России...», – писал он в статье «Нива

жизни», опубликованной как приложение в книге В.М. Катанова «Змиёвский край». И там же: «Не упрекаю ни Красно-Ивановскую начальную, ни Борисоглебскую неполную школы, в которых учился...». На карте Глазуновского района деревня так и значится: Красная Ивановка; речка Рыбница – как Большая Рыбница. Поедешь от Глазуновки, и тоже на север, но через Отраду и Старополево, которое на картах досоветского периода помечено как Сторожево, а ещё раньше – Старое Полево; и в нём при отмене в России крепостного права насчитывалось 85 крестьянских хозяйств и 447 крепостных душ. Сегодня человеческих душ в этих деревнях намного меньше, а в Красной Ивановке, до которой от Старополева ещё километров семь, вообще никого не осталось – она практически стёрта с лица земли. Не воскресят её даже дачники, которые летом обживают берега Большой Рыбницы, речки когда-то неглубокой, теперь за счёт советской плотины разлившейся на площади около 50 гектаров.

Пройдут десятилетия, и Владимир Алексеевич станет великим писателем-литературоведом, а его титанический труд будет отмечен: он защитит диссертацию и станет кандидатом филологических наук, профессором Орловского государственного университета, Заслуженным работником культуры РФ, членом Союза журналистов СССР, членом Союза писателей России, лауреатом все-российской литературной премии им. Н.М. Карамзина.

Вся жизнь моего славного земляка, наполненная трудностями разного характера, – это подвиг человека, который видел смысл её в служении своему делу и

своему Отечеству. Он с отличием окончил в 1948 году Глазуновскую среднюю школу; по воспоминаниям его одноклассницы, они каждый день приходили в школу без опозданий, преодолев расстояние в 12 километров. Затем он поступил в учительский институт, а после его окончания преподавал русский язык и литературу в своей же родной школе и продолжал учёбу в Орловском педагогическом институте.

Первые его публикации появились в начале 50-х годов. Потом была большая исследовательская работа – его более всего интересовала жизнь и деятельность И.С.Тургенева. С 1953 года Громов работал заместителем директора Государственного музея И.С. Тургенева. Через десять лет напряжённой изыскательской и исследовательской работы он защитил диссертацию на тему: «Повести И.С. Тургенева 40-х – первой половины 50-х годов» и стал сотрудником кафедры русской литературы в Орловском педагогическом институте. Ещё через десять лет, в 1973 году, Орловская писательская организация отметила Тургеневской премией его книги «Здравствуй, город Тургенева!», «Предания Бежина луга» и статьи о писателях-орловцах, которые были опубликованы в местной прессе.

В 1974 году Владимир Алексеевич выпустил в Приокском книжном издательстве книгу «Добрый великан», в которой рассказал об отношении И.С. Тургенева к детям и детской литературе. Тот, кто хорошо знал Громова, мог смело утверждать: доброй силой своих убеждений в творческих исканиях, складом характера и устремлённостью помочь человеку он сам

не менее знаменитого писателя-классика олицетворял это название.

Живое слово писателя-литературоведа – поклонника и неутомимого пропагандиста творчества А. Пушкина, И. Тургенева, И. Бунина, Т. Грановского, других писателей-орловцев, в том числе и современных, звучало не только в студенческих аудиториях: его слушали на научных и писательских форумах, на встречах с читателями и почитателями его таланта. Страстное слово писателя завораживало, подкупало искренностью, и не случайно его приглашали читать лекции в США. Множество его статей опубликовано в газетах и научных сборниках; он много сил и времени затратил, участвуя в подготовке академического Полного собрания сочинений И.С. Тургенева, подготовил сотни биографических справок.

Владимир Алексеевич Громов умер в год своего 70-летия – 23 сентября 1999 года.

Об этом удивительном человеке, о Добром Великане с берегов Большой Рыбницы я рассказал в книге «У истока Оки», которая вышла в 2008 году. А годом раньше опубликовал статью в глазуновской районной газете «Приокская нива», где напомнил, что яркая жизнь нашего земляка обязывает очень бережно сохранять о нём память, чтобы на родине больше знали о его творчестве. Ведь много написано им, немало литературы о нём, а читательская аудитория этих исследований довольно обширна, и, в том числе, включает в себя педагогов, воспитателей, библиотечных работников, студентов-филологов.

Выход статьи о В.А. Громе я приурочил ко дню его рождения – 11 января. Но ни в тот год, ни позднее общественность так и не откликнулась на мой призыв. Не колыхнулось ни в школах, ни в библиотеках как-то вспомнить добрым словом этого Доброго Великана. И более всего обидно, что не было о нём никакой памяти ни в самой школе, ни на школе, которую он окончил с золотой медалью, ни даже в районном музее.

Иваны, не помнящие родства? Нет? Тогда почему в нашей непонятной жизни, утратив нравственные ориентиры, осуждая советскую школу воспитания, общество теперь воспитывает подрастающее поколение только на боевых традициях отцов и дедов, о революционных же не рекомендуется вспоминать? а разговор о трудовых традициях на фоне безработицы даёт нежелательный результат?... Вопросы, вопросы, вопросы... Где ответы? В газетах? Там нет жизни, уходят от проблем; и много вранья. В «телеящике» больше. Радио? Проводное в Глазуновском районе порушили: осталось всего 15 абонентов, кто может слушать Москву, утром и вечером – областные новости; и только вечером три-четыре информации на местные темы, а то и рапорт главы района об «успехах в социально-экономическом развитии» или очередная «поздравилка» с профессиональным праздником.

И всё-таки: где ответы?!

МАСТЕР КИСТИ

Родина... Малая – она у каждого своя. И видим мы её каждый день; каждую секунду земного времени, в том числе и прошедшего, она перед нами. Закрою глаза – и вижу её сразу во все стороны, до самого горизонта и дальше: с мелководной Неручью, с истоками Оки и ручьями, впадающими в неё; с перелесками и полями с просёлочными дорогами, повитыми травкой-муравкой. Закрою глаза – и вижу отца с матерью, на 84 году ушедших в мир иной четверть века назад, – ушли безболезненно, в один год, как бы прилегли отдохнуть и не встали; вижу соседей и всю деревенскую улицу – мужиков и баб, таких же втянутых в крестьянскую работу с детских лет, переживших войну и послевоенную разруху, – их руками крепилась мощь нашего государства.

И ещё закрываю глаза; и взгляд мой снова устремляется к горизонту: там такие же деревни, а в них люди – со своими заботами, радостями и бедами, которые, как в речку ручьи, вливаются в бурный поток общечеловеческих радостей и печалей. Одни ушли, другие идут по жизни, и так же в заботах: кто-то о хлебе насущном, не думая о духовном, а кто-то, наоборот, в своих думках всё больше о хлебе духовном. Хорошо, если на родине человека поймут правильно и оценят его устремления к вечному, как бы подтверждая, что именно в таких понятиях, как «родина», «хлеб» и «искусство» и заключён смысл нашей жизни. Об этом и мой разговор с Николаем Силаевым, Заслуженным художником Российской Федерации.

– Родина для меня – понятие не абстрактное, – говорит Николай Яковлевич. – Оно живёт во мне, а состоит из конкретных фрагментов прошедшей жизни. Это, прежде всего, тепло моего детства, родители, мой дом. Родина – это парное молоко, им меня кормила моя мать, с тёплым ещё хлебом; я помню до сих пор запах и вкус этого хлеба, – как и все деревенские женщины, мать пекла его сама.

Мы сидим на скамеечке; погожий день середины лета рассыпал над нами пёрышки облаков; на липах, что за нами и слева и справа, изливают радость птицы. И разговор наш – как свет июльского дня: тёплый и спокойный, с картинами из детских лет. Николай Яковлевич говорит, я всё больше слушаю, иногда о чём-то переспрашиваю, как бы уточняю. А он без кисти и карандаша рисует и рисует картины того сказочного времени; и они так зримо передо мной – наверно, потому, что мы с ним земляки: Николай Силаев родился в Новополево в 1951 году, я – в Васильевке, тремя годами раньше.

– Родина – это печка, на которой мы проводили всю зиму. Бывало, на улице сугробы чуть ли не под самые крыши, и родители вместе с нами прокапывали через них дорожки... Я очень любил животных – корову, овец, собак; помню, с каким нетерпением ждали, когда корова отелится, и у нас будет телёночек! Помню грибоедовское: «...И дым Отечества нам сладок и приятен». А у моей малой родины свой запах: помню запах печной золы – её всегда относили от дома подальше. Бывало, проходишь по улице, и возле каждого дома она пахнет по-своему. И даже теперь, по прошествии более чем по-

лувека, иногда где-нибудь уловлю знакомый запах – и сразу передо мной фрагменты детства.

Родина для Силаева – это и любовь к природе. Николай Яковлевич убеждён: природа – единственная, кто, как мать родная, не обманывает, согревает и успокаивает. Очарованный ею, – а она входила в его плоть и душу с потоками света тёплых летних дней; и осенних, подсвеченных золотом перелесков и нитками паутины; и зимних, с первым снегом и тёплыми вьюгами, за которыми уже наступало весеннее многоцветье, – мальчик всё ходил по дому в поисках карандаша и бумаги, чтобы всю красоту родного края перенести на бумагу. Бумаги не было, карандаша – тоже. Что делать, если в разрушенной войной стране только к 1950 году люди выбрались из землянок, и много чего ещё не хватало, тем более в деревне. Но однажды всё-таки нашел клочок бумаги, на шифоньере, потом и химический карандаш; послунял его, и рука начала делать то, что подсказывало юному художнику его внутреннее состояние.... И детскую душу наполнило чувство радости и внутреннего удовлетворения: у него получилось! Как будет Николай Яковлевич говорить потом, он сумел выразить на бумаге своё мироощущение во времени и состояние души. И ещё однажды испытал, по его признанию, неопишущую радость: отец купил ему настоящие краски! Это ничего, что они дешёвенькие, зато окружающий его мир заиграл на бумаге всеми цветами радуги... Но краски начали быстро истаявать под кисточкой мальчика, и он их перестал транжирить – приберегал, чтобы надолго хватило.

* * *

Деревня Новополево за свою многовековую историю много чего повидала – и радостного, и печального. Выросла она среди полей, в нескольких верстах от Старого Полева, как раз на почтовом тракте, по которому от Москвы на юг и обратно мчались почтовые лошади, кареты знатных вельмож, в 1787 году пропылил даже царский поезд, состоящий из многочисленных карет и возков, в сопровождении всадников; стучали колёса и крестьянских повозок. В списках населённых пунктов того времени она значилась как Полево, но вот в Памятной книжке, Адрес-Календаре Орловской губернии на 1904 год – уже как Петровское, и с некоторым пояснением: стоит при колодцах, в 57 верстах от уездного города – Орла; имелось 160 дворов, в которых насчитывалось 488 жителей мужского пола и 562 – женского. В 1868 году, как раз под осень, мимо Новополево простучал колёсами первый поезд, и к крестьянскому труду здесь прибавился труд путейца. И на забаву ребятам: им покататься было где зимой с железнодорожной насыпи, а силаевский дом как раз и стоял от неё недалёко.

Время хорошо потрепало Новополево в 20 веке, впрочем, как и все российские деревни – от Москвы до самых до окраин. Революции и войны прошли по ней катком, особенно последняя. Как вспоминает Силаев, его отец Яков Иванович и мать Серафима Михайловна света белого не видели в работе – и на колхозной, и по дому, с той самой думкой: как прокормить, обусть-одеть своих детей. Но как бы там не было, а Колю не проглядели, с его

редким талантом – писать картины. В Новополевской школе, где он учился, талант оценили и, по согласованию с родителями, уже шестиклассником отвезли Колю в Орёл, в областной Дворец пионеров. Юного художника встретили тепло – как же, так рисует, одним словом, – талант! И потом каждое воскресенье в пригородном поезде он отправлялся туда с отцом, на занятия в студии изобразительного искусства. Самое главное, поездки эти на занятия, сами занятия, общение с преподавателями и такими же, как он, студийцами в тягость ему не были. А однажды преподаватель Владимир Николаевич Воропаев ему сказал: мол, Коля, тебе у нас тут делать нечего, дальше твоя дорога в школу искусств.

Они долго не думали; и дорога их теперь была уже в школу искусств. Что рисовал, то и привёз туда – на показ. Картины – как в натуре: свет, тень, деревья...

Так и пошёл по жизни человек, наделённый редким талантом: видеть в нашей жизни прекрасное и уметь перенести его на полотно.

– Тогда для каждого начинающего жить всё было доступно, – как бы оценивая с высоты прожитых лет время своей учёбы, говорит Силаев. – Меня поселили в интернате, в комнате жили втроём; а потом выделили отдельную и оставили её за мной до 10 класса. И никаких денег – ни за учёбу, ни за жильё. Лучшие годы, о которых сегодняшнему поколению молодых людей только мечтать. Сейчас всё платное, бесплатно только пинка получишь. Да, победнее были, без колбасы, но в духовности и культуре – много богаче, недосыгаемы, по меркам сегодняшнего дня.

В своём стремлении познать секреты мастерства великих мастеров кисти Николай Силаев стал студентом художественно-графического факультета Орловского пединститута, где учился у народного художника СССР Андрея Курнакова. Через два года, понимая, что его ученик в этих стенах уже «перерос», посоветовал ему продолжить учёбу в Харьковском художественно-промышленном институте. Творческие работы талантливого художника легко открыли двери: он поступил в институт, плодотворно учился, а через два года службы в армии возвратился в Орёл – снова на худграф пединститута, но уже в качестве преподавателя. Учил студентов, работал творчески сам, но времени на себя катастрофически не хватало. И Силаев расстаётся с кафедрой и начинает рисовать на профессиональном уровне.

И вот позади десятилетия его творческой деятельности, которые вместили в себя много важных событий – и в личной жизни, и общественной. Уже в 29 лет, в 1980 году, Николая Силаева принимают в Союз художников СССР; в 1981-ом он как делегат участвует в работе V съезда художников СССР; потом в конце 80-х будет возглавлять Орловскую организацию Союза художников РФ.

* * *

Его мастерская прописалась в мансарде жилого многоэтажного дома, что стоит на берегу Орлика, – небольшая, с высоким потолком и такими же окнами. При всём при этом можно говорить, что в её тесноте был

простор для творчества; а значит, благодаренье Богу и всё той же советской власти, что проявили заботу. Однажды я в ней побывал; а уже позднее, по прошествии времени, в моей памяти она стала представляться кельей, подсвеченной сошедшими с холстов красками всех времён года; и пропитанной запахами цветов и деревьев его малой родины – всё с тех же холстов. А ещё в ней человек – Мастер кисти: как хозяин этой кельи, он беспредельно предан искусству.

Картины Николая Силаева расходятся по всему миру, их можно увидеть в картинных галереях и частных коллекциях 20 стран мира. Ежегодно, и не единожды, участвует в российских и зарубежных выставках, а их у него на счету за все годы творческой деятельности более 70-ти. И, как говорится, есть что показать! Труд почётный, и лёгким не назовёшь; и слава Богу, что не остаётся он не замеченным. Николай Яковлевич наградами не похвастается, но, думается, если они ему вручены, значит, о них надо говорить. У Силаева более 20 наград различного уровня: Благодарности, Дипломы, Почётные грамоты и премии; с 2002 года он носит звание «Заслуженный художник Российской Федерации»; награждён Золотой и Серебряной медалями Союза художников России; от Академии художеств Российской Федерации – медаль «Достойному». Есть и ещё одна государственная награда – медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2-ой степени.

Передо мной альбомы с репродукциями его картин – живопись, графика. Последний ещё пахнет свежей типографской краской: это художник себе

приготовил такой подарок – к 65-летнему юбилею. И меня не обошёл – подарил. Листаю страницы неторопливо, подолгу не отрываю взгляд от репродукций. Ощущение – как слушаю «Времена года» Чайковского. То последний снег и ранняя весна; то лето (в Жуковке, а мне всё кажется, что это уголок природы нашего края – верховий Неручи и Оки); то золотая осень и снова весна и лето; и как бы слышишь пеньё птиц и журчанье ручья. Да, вот они, родимые места: на репродукции – осень в Сторожевом; перелистываю страницу – моя дорога домой, и тут же, рядом с домом, пихта, на её ветках шапки снега – вот-вот сорвутся вниз. И лица – мужские, детские, но всё больше женские – добрые, с чистым и открытым взглядом: жены, девушки в красном, актрисы, Иры, Наташи...

Вот на репродукции писатель Юрий Оноприенко: на лице и во взгляде усталость – это от жизни, в глубине глаз – забота; но светлый его образ художник не выдумал и создал совсем не случайно: художник заглянул в душу писателя и увидел...

Николаю Силаеву дорого всё, чем он жил в детстве, на своей малой родине. Уйдя в большую жизнь, в душе не расставался с ней, и всегда возвращался. Родные корни его остались в Новополево; родные места, которые он исходил с карандашом и бумагой, всегда вливали в него большие творческие силы, подсказывали темы для новых его картин. И в разговоре со мной признался, как на исповеди:

– Ты знаешь, я много где бывал, по миру поездил, но душевнее и дороже для себя ни природы, ни людей

не встречал. В детстве ходил к Ягодному посёлку – красивейшее место! Представляешь: зелень деревьев, травы, ручеёк и дома, а над ними небо, чистое и глубокое; и пруд – с кувшинками на воде. И деревья там же... Всё просилось на холст. И собирался туда, а всё было недосуг. Теперь душа болит: не нарисую. Почему? Приехал, – а того, что было в детстве, не увидел: там теперь всё другое.

Альбом Николая Силаева снова в моих руках; открываю – под обложкой фотография художника. Именно таким сохраняется он в моей памяти ещё с самой первой нашей встречи, наверно, десятилетней давности. Таким он был и в недавней: светлое спокойное лицо, негромкий голос, движения несуетные – образ задушевного собеседника, олицетворение пейзажа серединной России с ракетами и берёзами, и русской души.

2016 год, август

ТРИ КНИГИ НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

«Книга – источник знаний», – сказал пролетарский писатель А.М. Горький. Всё верно: иди в библиотеку – ответы там. Не идёшь – садись за компьютер: в нём тоже много чего найдёшь.

Деревенское прозвище моего деда Григория Васильевича – Дулеб. По толковому словарю В.И. Даля, в Курской и Орловской губерниях – это невежа, простофиля. Встретилось это слово мне в Бунинской «Деревне»; в каком контексте, на какой странице – по прошествии времени вспомнить не могу. Озаботил внука Димку – он даже обедает перед компьютером: думал, отлучу от компьютера, склоню к чтению повести – и найдёт; и 200 рублей пообещал как за помощь. Через пару минут он мне позвонил и назвал страницу, так и не приступив к чтению.

Но я в библиотеки хожу. Приятно даже подышать их воздухом – он там особенный, побыть возле полок, где стоят книги классиков русской литературы, – вот они: А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский; в том же ряду книги вспоенных на мелких водах И.А. Бунина, И.С. Тургенева, Афанасия Фета; и самого же Николая Семёновича, в которых картины жизни ушедших поколений; и уже из советского времени, современных писателей – Леонарда Золотарёва, Ивана Рыжова...

В Очкинской библиотеке на одной из полок, посвящённой писателям Орловского края, увидел новинки, а это значило, что в Год литературы сельского читателя порадовали. На полке стояли рядом: книга стихов

Андрея Фролова «Посох», сделанная в добротном твёрдом переплёте, тиражом в 500 экземпляров; книга повестей и рассказов Алексея Шорохова «От синих звёзд», с таким же тиражом, а сегодня можно смело говорить, что такой тираж для любого провинциального писателя – это удача. И привлекала к себе внимание она не только красиво оформленной обложкой, а и самим названием: тёмно-синий цвет и название, дополняя друг друга, рисовали картину ночного неба, создавали ауру загадочности, заставляли думать, – и мне сделали отметку в формуляре.

Собираясь покинуть библиотеку, обратил внимание ещё на одну, как показалось, уже знакомую мне книгу, по внешнему виду напоминающую «Войну и мир» Л.Н. Толстого; но я ошибся: это была книга А.Н. Майорова «Уроки жизни», переживавшая в 2014 году уже третье издание. Я много был наслышан в своё время о деятельности этого человека в структурах областной власти; и «Уроки жизни» у меня с недавних пор стояли на книжной полке – книга пришла по неофициальным каналам административного ресурса, что, как полагаю, и способствовало её тиражированию.

Первые две книги я читал с большим удовольствием. О стихах Андрея Фролова скажу так: они близки мне по духу времени, по тем приметам деревенского быта, от которых человеку никогда не уйти, – они вспыхивают то радостью воспоминаний, то ностальгией, когда он перешагивает очередной порог своего земного бытия. В стихах – сам автор, со своим взглядом на жизнь, со своей позицией, как, допустим, в стихах «УБЕРЕГИ»:

*Убереги меня, Судьба,
Не от невзгод, не от болезней –
От суматохи бесполезной
И от позорного столба.*

*Не дай забыть своё родство,
Чтоб не краснеть отцу и деду;
Дай счастье знать, что я не предал
На этом свете никого.*

*Что все свои отдал долги,
Что был не пасынком Отчизне...
От пустяковой, зряшной жизни,
Судьба, меня убереги.*

Конечно, любителями поэзии эта книга будет востребована; а равно найдут своего читателя повести и рассказы Алексея Шорохова.

«Синие звёзды» притягивают к себе; за каждой прочитанной её страницей люди как часть нашего большого мира, которые радуются, переживая не лучшие свои дни, влюбляются, умирают; они живут обычной для нас жизнью, рядом с нами. И читатель равнодушным не остаётся; и ещё долго после того, как будет перевёрнута последняя страница, в душе взявшего это издание в руки будут жить грусти и радости её героев.

Алексей Шорохов – известный широкому кругу читателей орловский поэт, прозаик и публицист. Каждой новой своей публикацией прозы утверждает себя как мастера психологического анализа своих героев, которые

живут разной жизнью, сливаясь с природой, страдая от нравственных проблем на рубеже веков.

* * *

В последние два десятилетия на книжных полках появилось немало изданий, которые практически не имеют никакой художественной ценности и не доходят до широкого круга читателей; они и останутся не востребованными на перспективу. «Уроки жизни» А.Н. Майорова я просто заставил себя прочитать и сразу же причислил к разряду таковых; и думаю, что не ошибся. Сегодня это стало модным: в традициях великих полководцев и политиков, по завершении карьеры издавать книги с воспоминаниями и размышлениями о своём трудовом пути. Автор «Уроков жизни» прошёл трудовой путь от рядового колхозника до первого заместителя председателя исполкома областного Совета народных депутатов и так же первого заместителя Главы областной администрации. Итог жизни: награды разной ценности, разное отношение к себе коллег по службе и расставание с чиновничьим креслом без признания его заслуг; а ещё автобиографическая повесть. Как пишет А.Н. Майоров в аннотации, книга правдиво повествует о народной советской власти. И тут же призывает: «Читайте книгу. В ней многие, особенно в Колпнянском, Шаблыкинском, Мценском, Кромском, Троснянском районах, г. Орёл, узнают себя, своих близких и знакомых».

Я из Глазуновского района, и у меня к этой книге был свой интерес: в 1990-е – 2000-е годы, на рубеже веков, я

почти 25 лет редактировал районную газету «Приокская нива» и в какой-то мере знал о положении дел в аграрном секторе области, что и как делалось по развалу экономики в районе. Моя дорога в большую жизнь начиналась также с рядового колхозника, а после учебы на агронома опять был колхоз – до 1976 года, пока не позвала к себе газета. А ещё мне попался на глаза такой же «фолиант» под названием «Земля моя – боль моя», но объёмней – в 650 страниц. Его выпустил, будучи членом Совета Федерации и одновременно председателем Орловской областной думы, Н.А. Володин; и плакался он в своём издании, что в Орловской области сельское хозяйство пришло в упадок, колхозы и совхозы разгромили, и сердце его болит от проводимых реформ.

Ну и времена! Всем захотелось писать правду жизни, отрещиваясь от злодеяний, совершенных ими же с нашей большой страной, в том числе и с Орловщиной. Этим летом мне один бывший депутат Государственной думы сделал предложение: написать ему книгу от первого лица о его правильной жизни, плодотворной деятельности в законодательном органе; работу оценил в 200 тысяч рублей. Но это к слову.

А я как раньше не верил, о чём плакался Н.А. Володин, так и не поверил «Урокам жизни» А.Н. Майорова. Будучи во власти, они, как приводные ремни, раскручивали жернова реформ и ломали всё советское, в том числе и человеческие судьбы, только ради того, чтобы усидеть в чиновничьих креслах.

Конечно, благие намерения были; взять хотя бы ту же программу «Славянские корни», принятую весной

1999 года, которой предусматривалось возведение жилья в сельской глубинке с целью сохранения русской деревни. Но «Славянские корни» в рост не пошли. Автор пишет: «В каждом районе ежегодно сдавалось по 80–120 жилых домов, в ОАО «Орловская нива» создали специальную службу по реализации этой программы». А вы создайте сегодня ещё одну специальную комиссию, чтобы уточнить эти цифры! И обнаружится немало фиктивных договоров: построенные при советской власти дома, ещё по программе «100», или без каких-либо программ, оформляли по «Славянским корням».

Автор «Уроков жизни» пишет, что программа «Славянские корни» изменила облик орловской деревни... Вы о чём это, господин Майоров? Да разве способно жить мёртворождённое дитя! Все эти созданные комиссии и попечительский совет не реально оценивали возможности каждого района для решения такой объёмной, рассчитанной не на один год задачи. Усугублял благое начинание ещё один немаловажный факт: капусту доверили козлам! Организовали финансово-контрольную группу, руководителем которой назначили первого заместителя главы администрации области В.А. Кочуева. И.В. Сошникову, такому же первому заместителю главы администрации области, поручили организовать производство необходимых стройматериалов. Коррупция уже в то время ржавчиной разъедала областные государственные структуры: поставки гвоздей, металлической сетки увеличил цех №10 Орловского сталепрокатного завода, расположенный

в Глазуновке, потому что фактическим его хозяином, как поговаривали на заводе, был именно Сошников. Из неофициальных источников также было известно: цех выкупили за 450 тысяч рублей, а после «Славянских корней», когда они начали сохнуть, продали за семь с половиной миллионов рублей. И сегодня за этими бывшими заместителями бывшего губернатора Е.С. Строева тянется шлейф экономических преступлений, за что уже много лет Сошников числится в международном розыске, а Кочуева преследуют постоянные судебные тяжбы.

Но эти факты – из недавнего прошлого, и касаются они правдивости авторской исповеди, в которой прослеживается такая деталь: на протяжении всей карьеры А. Майорова всегда трудно уговаривали идти на другую работу, с повышением. Как правило, первоначально он не соглашался, а когда давал согласие и уходил с прежнего места работы, дела там приходили в упадок. Тут я, пожалуй, поверю: очевидно, вверяемых ему коллективах исповедовались совсем не те методы руководства и воспитательные меры.

Мне в 70-е годы прошлого века пришлось работать бригадиром комплексной бригады в колхозе имени Жданова, а начинал я осваивать это хлопотную должность, будучи студентом третьего курса Глазуновского сельхозтехникума, во время производственной практики. Видел слёзы женщин, которым мало доставалось просяной соломы на заработанный рубль; и так же боролся с хищениями – это, кстати, забота работников именно низшего звена: ведь не царское это

дело – караулить по ночам сено, высиживая в скирде, искать украденное. Да и такие унижительные методы наказания и воспитания расхитителей, какие были на вооружении у Майорова, в нашем колхозе никогда не применялись. Вот как это описано в «Уроках жизни» дословно (речь идёт о расхитителях сахарной свёклы): «На глазах работающих на свёкле, а их было не меньше сотни, они набирали, вытаскивали, взвешивали, носили в кучи, присыпали землёй». А ещё расхитителям был товарищеский суд; а ещё вывешивали 15 фотоснимков, на которых расхитители возвращали народное добро.

Устраивать подобные экзекуции над народом наш председатель не был способен, но вот нечто подобное случилось как раз во время производственной практики у меня.

От Васильевки до сельхозтехникума – около четырёх километров, и по каким-то делам во время практики туда я иногда навещался. В тот раз меня пригласила однокурсница – отметить день рождения. Оттуда возвращался около полуночи, ехал по просёлку на велосипеде, вдоль границы с соседним колхозом. Потом дорога пошла через гречишное поле, недавно обмолоченное; и солома на нём сразу же была уложена в скирды, лишь только на самом дальнем его краю остались кучи необранными – для выдачи колхозникам, те самые 10 процентов от заскирдованного.

Тихая, звёздная ночь, большая круглая луна; и, как показалось, так же по-тихому где-то протарахтел трактор. Я остановился: да, трактор. Зачем он туда? Чей он? Если за соломой – кто разрешил? Я как бригадир

об этом должен знать. Или воровство? Но в любом случае: кучи сосчитаны и поделены на каждый дом, так что завтра кому-то из колхозников, пришедших сюда, соломы не достанется.

Поворачиваю велосипед в ту сторону, жму на педали. Колёсный трактор с телегой, добротной нагруженной соломой, уже катил по просёлку в сторону соседнего колхоза. И я ничего не мог придумать лучше, как ехать вслед за ним. Трактор остановился на дальнем краю деревни, за огородами, а я оставил велосипед на дороге и – тоже туда. Люди не замечали меня: они развязывали верёвки, готовясь приступить к работе.

– Уже разгружаете? – спросил я.

Это была немая сцена. И потом вопрос:

– А ты кто такой?

– Бригадир, – ответил я. – Эта солома оставлена была на проценты колхозникам. Отвезите, где взяли.

– А вот мы тебя сейчас на вилы вздёрнем и под этой соломой закопаем; и никто не узнает.

Я, конечно, тогда трухнул крепко: чужая деревня, глухая ночь, никто не знает, что я здесь. Но виду не подал:

– Что, я дурак, что ли, – ехать за вами один, – смело сказал я. – Меня на дороге народ ожидает.

Какое-то время меня пытались уговорить, но я оставался непреклонным, а затем поспешил с ними расстаться. Об этом инциденте, конечно, никому не рассказал. Когда наутро я приехал с колхозниками на процентное поле, недалеко от просёлка увидел большую кучу соломы.

Прошли десятилетия. Нет-нет да и вспомнится этот эпизод из моей комсомольской юности; и каждый раз я сожалею, что поехал тогда вслед за трактором. Зачем я поехал? Ведь не от хорошей жизни они появились на гречишном поле, причём с определённой долей риска. Как я узнал позднее, в том колхозе с кормами было совсем плохо, а у людей ещё хуже; и единственная их вина, – что выбрали они такой путь решения своей проблемы. Хотя, сказать честно, по-другому они её и не решили бы, так как ни в одном колхозе, тем более совхозе, в то время даже соломинки не выписывали; а десяти процентов от заскирдованного для колхозного поголовья и плюс что-то выделенного на заработанные рубли с трудом хватало поголовью частного сектора до первой весенней травы. Ведь и скосить-то людям тоже негде, а скотины на крестьянском подворье было много. В первую очередь все рубежи, луговины, и балки также, выкашивали для общественного поголовья – с них и начинался сенокос.

Как признаётся в своей книге автор, воровские дела простого народа он пресекал на корню. И не понять мне, рядовому читателю: как же так получилось в постсоветское время, что под боком у нашего героя, как говорится, на глазах у него коллеги по работе – чиновники всех мастей разворовывали созданные народом богатства, а он смиренно взирал на это? Но тут же рассказывает – и что примечательно! – без чувства сожаления, как ловко воспитывал расхитителей сахарной свёклы и других, не чистых на руку. Человек с двойным дном?

* * *

Три книги на полках сельской библиотеки. Кого они заинтересуют? Какую воспитательную роль они будут играть в нашем обществе, резко поменявшем нравственные ориентиры? Определённо могу сказать: стихи Андрея Фролова и повести и рассказы Алексея Шорохова будут востребованы массовым читателем: они близки людям, современны; в них есть художественное исследование характеров и ситуаций; они дают представление читателю о нравственном долге человека, живущего либо по моральному кодексу строителя коммунизма, либо по заповедям Божьим, а значит, они будут работать на воспитание патриотов своего Отечества.

2015 год, сентябрь

ИСТОЧНИК СЧАСТЬЯ

Нам есть чем гордиться и о чём говорить, чтобы правильно воспитывать патриотов; а патриотизм воспитывается любовью к родным местам и своему Отечеству, к героическому прошлому предков – стихами и песнями, даже теми, что поют птицы: весёлым щебетом ласточкиного птенца среди лета, или скворца – по весне, и в эту же пору – приглушённым кукушкиным зовом; а ещё гусиной грустью при отлёте их на юг. Но, к великому сожалению, сегодняшней «попсой», разворотом с телеэкрана мы воспитываем другого человека, живущего не по заповедям Божиим и не по моральному кодексу строителя коммунизма, о котором сегодняшняя молодёжь слухом не слыхивала; и совсем обеднели в общеобразовательных школах программы по классическим произведениям литературы. В то же время, нам совсем нечего показать. И если власть, будем говорить, – любого уровня, не может этого добиться, значит, она или просто не заинтересована в этом, или же у власти находятся люди, не способные решать такие задачи.

Я с грустью итожу: вот уже скоро будет четверть века, как после развала большой страны действующая власть тщетно пытается улучшить жизнь народу теперь уже другой, маленькой страны. А общество расслоилось; и, как мне сказал недавно один вдумчивый односельчанин, расслоение это произошло практически на четыре части, но по уровню благосостояния в пропорциях далеко не равных. По его словам, одна часть трудоспособного населения ворует, и на мелочи

не разменивается, работает по-крупному. На российских просторах она представляет всего 10 процентов, но сосредоточены у неё 87 процентов национальных богатств. Вторая часть трудоспособных охраняет этих воров и, естественно, их имущество, причём охранников, по сравнению с их хозяевами, можно предполагать, в сотни раз больше – это наёмная армия; и значительная часть их призвана в златоглавую столицу: работают вахтовым методом, как газовики или же нефтяники. Единственная разница: зарплата у них, кроме личной охраны, конечно, на много меньше, чем у нефтяников; но при этом гораздо выше, чем получают по городам и весям – от Москвы до самых до окраин – люди любой другой массовой профессии, в том числе такие же, как и они, «вахтовики».

Что касается зарплаты, то можно предполагать, что по прошествии века-двух потомки наши с берегов Неручи и Оки в своих исследованиях будут цитировать слова орловского губернатора В. Потомского, когда он в одной из передач местного телевидения задавался вопросом: почему у руководителя муниципального предприятия областного центра заработная плата больше, чем у руководителя правительства области? Выходит, что не знает; а может, знает, но при этом вопрос направлял своему окружению? По всему таким же вопросом задаются и рабочие того предприятия, и под тем же углом зрения: почему их начальник получает зарплату на много-о-ого больше, чем они? И параллельный вопрос: почему в госкомпаниях и госкорпорациях размеры зарплат такие, что одной месяч-

ной, получи её, простой человек был бы обеспечен на всю жизнь? Судите сами хотя бы по компании «Роснефть», осваивающей нефтяную и газовую отрасли: в 2014 году 13 членов правления нефтяной компании – президент Игорь Сечин, первый вице-президент Эрик Лирон, десять вице-президентов, финансовый директор Пётр Лазарев – получили 2,8 миллиарда рублей, то есть в среднем на одного члена правления пришлось по 215,4 миллиона рублей. А это значит, что среднемесячное вознаграждение топ-менеджера компании из расчёта в месяц составило почти 18 миллионов рублей!

Их бедные родственники из «Газпрома», идущие параллельным курсом, (в правлении их, вместе с президентом компании Алексеем Миллером, аж 17!) получили в среднем по 150 миллионов рублей, то есть общая сумма выплат им к 2013 году увеличилась на 43 процента и составила 2,5 миллиарда рублей.

Получая такие деньги, они, к тому же, пользуются от государства льготой, которую в народе попросту называют поблажкой: платят государству с этой суммы налог в размере 13 процентов, допустим, как простая медсестра районной больницы, получающая 8 тысяч рублей. И совсем не понятно становится: продаваемая нефть дешевеет, а в это время литр бензина на российских автозаправках всё дорожает и давно уже стоит более 30 рублей – дороже, чем у европейцев, которые ездят на нашей нефти; мы помогаем нашим европейским партнёрам, разве что только по антигитлеровской коалиции, развивать их экономику!

Мне скажут: плохо – считать деньги в чужом кармане. Соглашусь; но вот вам другой пример, когда я буду считать их в своём – на примере чубайсовской дитяти: ФСК ЕЭС. Беднейшая компания! В рейтинге себе подобных она на предпоследнем месте: девять членов правления; среднее вознаграждение топ-менеджера в месяц по итогам 2014 года составило всего 2,46 миллиона рублей; в 2013 году оно было много больше – 4,58 миллиона. Так получилось, что ваш покорный слуга по роковому стечению обстоятельств неожиданно стал обладателем энного количества акций, часть которых хищнически просто вырвали из рук, причём всё это делалось как бы в рамках закона; а какая-то их часть осталась. И вот по итогам 2014 года вдруг переслали мне «Почтой России» дивиденды – целых 28 рублей, предупредив при этом, что, в случае неполучения, они будут перечислены в пользу государства. Мультфильм! Давая мне ручку и извещение, почтальонка проинструктировала: «Вот здесь распишитесь и уплатите 70 рублей». Вопрос сам собой повис в воздухе; и услышал ответ: «За доставку». Понимая, что в капиталистическом соревновании по этому показателю у компании не хватает простых «деревянных» не то что на дивиденды, а даже на выплату вознаграждения себе любимым, я обижаться на неё не стал; и решил: пусть они достанутся родному государству – крепче будет её экономика, легче ему будет пережить санкции европейских партнёров.

Аналогичная ситуация и вокруг других компаний; разница лишь в размерах выплат. Например,

«Ростелеком», осваивающая телекоммуникации, из-за свалившейся на неё бедности так и не сумела своим топ-менеджерам размер ежемесячного вознаграждения довести до двух миллионов рублей: оно составило всего 1,92 миллиона. Теперь становится понятно, почему в населённых пунктах верховий Неручи и Оки, следовательно, и по всей стране – от Москвы до самых до окраин, практически не стало проводного радио: «Ростелеком» проигрывает в капиталистическом соревновании другим компаниям по этому показателю и, чтобы разрыв не увеличился, все его 15 членов правления двумя руками голосуют за ликвидацию многозатратных или убыточных отраслей, не считаясь, насколько это правильно по отношению к людям.

Хотя из новой истории страны можно привести обратный пример: всё та же компания «Ростелеком» в каждом населённом пункте, и даже там, где нет ни одного дома, где жизнь давно угасла, установила таксофоны. По ним никто не звонит, они уже покрыты толстым слоем космической пыли, соответственно и земной; они с первого дня были никому не нужны. Представляете картину: таксофон на фоне единственного домика умирающей деревни, или уже умершей, а когда-то стоящей на бойком месте, недалеко от почтового тракта царских времён, а сегодня – практически рядом с железной дорогой и автотрассой? В своих мыслях о такой благородной акции я невольно сравниваю те таксофоны с верстовыми столбами России, но уже 21 века, просторы которой, – зарастающие нероссийскими сорняками и деревьями, – теперь нельзя назвать необозримыми. По

таксофонам среди порушенных российских деревень можно судить, насколько далеко ушла страна по пути коррупции, потому что трудно поверить в бескорыстие и доброжелательность этой компании; и полагаю, что каждый такой таксофон обошёлся государству более чем в 20 тысяч рублей, а только в маленьком Глазновском районе их было установлено около 60. И в то же время не хочется думать, что люди в правительстве просто приняли не взвешенное решение, хотя и на правительственном уровне сегодня даже среди министров мы видим казнокрадов и непрофессионалов.

Уместным будет здесь привести цитату из чтения всё того же Г.М. Пясецкого в Крестовоздвиженской церкви 5 марта 1889 года «О мире Христовом, как источнике нашего счастья, благополучия на земле», опубликованного в сборнике Орловского церковно-археологического общества; (Орёл, 1906). «Может ли, например, богатство, добытое неправдою, – вопрошал он перед верующими, – вселить в сердце человека мир и создать вокруг хищника и лихоимца довольство и благополучие, когда, глядя на них, десятки и сотни людей, приведённых ими в нищету, шлют свои проклятия и предсказывают гибель?» По сути это то, что мы сегодня видим в нашей действительности, словно в своём историческом развитии наше общество возвратилось в капиталистическое прошлое более чем столетней давности.

Вот почему я всё больше и больше склоняюсь к мнению, что те самые миллионы, проплаченные государством за «верстовые столбы», надо было направить

на приведение в порядок проводного радио. По этому вопросу мне пришлось разговаривать с людьми разного возраста, различных профессий. И неизменно высказывалось мнение: проводное радио, это изобретение ещё 19 века, за десятилетия советского периода прочно вошедшее в быт простого человека, сегодня необходимо даже местной власти; это её информационное поле, это средство массовой информации, это рупор на случай чрезвычайных ситуаций, когда появляется срочность в предупреждении населения, например, о приближении какой-либо опасности. Как будет выполняться такая важная и, в тоже время, обязательная для местной или же муниципальной власти процедура – затрудняются сказать даже её представители. Наверно, можно надеяться, что и в эту сферу деятельности придут к нам новые технологии; но когда-то ещё это будет, да и будет ли. Собственно, всё это тоже будет зависеть от власти.

По берегам Неручи и Оки, по берегам всех российских рек процесс умирания деревень становится необратимым, значительно сократилась численность населения. По последним данным, более чем 17-тысячный Глазуновский район за два десятилетия «потерял» 5 тысяч человек: на 1 января 2015 года в верховьях Неручи, Оки, Руды и Большой Рыбницы проживали 12327 человек: 5540 человек – в райцентре и 6787 – на селе. Статистика отмечает: из этого количества экономически активного населения, то есть трудоспособных, чуть более половины – 6668 человек, а моложе трудоспособного возраста всего 2102 человека. Это значит, допустим, за последующие 15 лет в нашем маленьком

районе пенсионерами станут 2924 человека (1147 – уже в 2016 году), а их и заменят в поле, на фермах, в школах и детских садах, в сфере торговли и здравоохранения и на других рабочих местах эти 2102 человека, конечно при условии, что все они до того времени благополучно пройдут по жизни. Что это будет значить при таком раскладе? Арифметика проста: на новом 15-летнем временном отрезке трудоспособного населения в районе уменьшится на 822 человека; будь они вообще на земле, а впоследствии в добром здравии, не покинь они родные берега – это не менее 400 семей, которые сделали бы много хорошего на пользу своей малой родины, а следовательно, и большой. И как тут не вспомнить слова итальянского поэта, филолога У. Фосколо, который писал: «Природа, создав людей такими, каковы они есть, даровала им великое утешение от многих зол, наделив их семьёй и родиной».

Но заглянем ещё в статистику: на крупных, средних и некоммерческих предприятиях и в организациях района, по чистым видам экономической деятельности, средняя численность работников списочного состава к концу 2015 года составляла 2056 человек. Другую часть предприятий следует относить к мелким, в том числе и коммерческие. Они тоже не так чтобы разношёрстны в своей деятельности, но при этом как бы неподвластны требованиям федеральной статотчётности по причине её необязательности. Их показатели нужны для анализа социально-экономического развития на местном уровне, и муниципальная власть решает эту трудную задачу по своей, отработанной на практике методике, которая,

правда, может допускать и некоторую погрешность; но ориентиры всегда есть. Например, с её помощью в районе насчитали занятых в производстве 5602 человека. А как мы уже упоминали, по строке федеральной статотчётности трудоспособного населения в районе 6668 человек; и выходит, что без работы остаются 1066 человек. А в службе трудоустройства дали справку: зарегистрировано только 95 безработных, уровень безработицы – 1,4 процента. И при этом пояснили: цифра не постоянная: кто-то остаётся без работы и становится на учёт, кто-то находит работу и с учёта снимается, да и само по себе выплачиваемое пособие молодых людей особо не прельщает. Например, что для него минимальное в 850 рублей, если с этими деньгами человеку можно будет сходить в магазин раз-два; максимальное пособие уже посолидней – 4900 рублей, но таких на учёте всегда не много.

И люди остаются на распутье: куда идти, что делать? Смелые расстаются с семьёй, с родным домом – они покидают малую родину и мечутся по стране в поисках достойной работы. Ещё раз повнимательней приглядитесь к людским потокам на автостанциях или на железнодорожных вокзалах: как я уже не однажды отмечал, бросаются в глаза молодые парни, и постарше, одетые в форму охранника или в обычные, европейской моды, джинсы и куртки; с баулами и рюкзаками, с пасмурными лицами, как бы помеченными печатью свалившихся на них забот. И чаще всего дороги их приводят в города-миллионники. Это примета уже не «окайнных дней» столетней давности, высвеченных

великим русским классиком И.А. Буниным, а нашего, постсоветского времени – не одного десятка «окающих» лет на рубеже веков.

А те, кто никуда не сорвался и выполняет какую-то работу недалеко от дома, совсем не важно, в частном секторе или в госучреждении, довольствуются нищенской зарплатой, – судить даже не по европейским меркам. Об этом говорит и статистика; но при этом нельзя не отметить, что она, статистика наша, постоянно врёт, хотя враньё её всегда в рамках закона, что действующей власти выгодно. Вот и на прошедшей в конце 2015 года пресс-конференции президент В. Путин, муссируя один из вопросов о зарплате, как бы удовлетворился: ну как же, вот средняя – неплохая вроде. Но там же обратил внимание на слишком большие их размеры у руководителей, на неоправданные надбавки, особенно в наше кризисное время, когда всё явственней доносится до стен Москвы европейский рык. Не случись этого – и не так бы, наверно, вёл себя наш президент; но, как говорится, Петушок-золотой гребешок клюнул...

Применительно к нашей провинции картина аналогичная, и рассмотреть её можно на конкретных примерах даже без увеличительного стекла. Вот муниципальная власть: зарплаты гарантированные, с премиями – большие всегда начисляют после победы партии власти в очередных выборах, и все они засекречены. Как я полагаю, блага эти небесные, то есть сваливаются они «сверху», по методу демократического централизма: за напряжённый умственный труд, особую изощрённость и наглость в предвыборный период агитации и в день

голосования. А когда чиновник уходит с почётом на пенсию – ему к заработной за десятилетия пенсии ещё денежная надбавка от местной власти. Случалось, в казне – шаром покати, по несколько месяцев её не выплачивали; и, уйдя на пенсию, некоторые из бывших, уже осмелевшие в отстаивании своих прав, обращались в суд. Но это чиновный люд; простые служащие, люди разных массовых профессий этим не избалованы. Вот что говорит статистика по строке «Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата»: у работников здравоохранения Глазуновского района за 9 месяцев 2015 года она составила 12,9 тысячи рублей, в образовании – 14 тысяч рублей; самые бедные в этом списке работники культуры и спорта, социальной службы и коммунальщики – всего 9,2 тысячи рублей; и тут же заметим: это начисленная зарплата, и средняя, из которой потом следуют вычеты. И всем нам понятно, из чего складывается эта самая средняя; а процесс её приведения к общему знаменателю можно проследить на примере, допустим, центральной районной больницы, мимо которой не проходит ни один из тех самых 12, с небольшим довеском, тысяч жителей верховий Неручи и Оки, Руды и Большой Рыбницы. Но вначале немного предыстории.

Строительство центральной районной больницы по типовому проекту в Глазуновке было начато в 1985 году мехколонной № 966 треста «Орёлсельстрой». Опыт в строительстве у них был накоплен богатый: за последние годы мехколонна сдала в эксплуатацию трёхэтажное здание узла связи, пристройку к зданию

средней школы, здания аптеки, сбербанка; не затянула со сроками сдачи и этого объекта, потому что строительство его было под контролем райкома партии и райисполкома, к чему обязывали ненадлежащие условия лечения больных практически во всех отделениях действующей больницы, которая прижилась в помещениях барачного типа практически послевоенных лет.

Новая больница выросла на удобном месте, совсем недалеко от центра посёлка, который из рабочего переименовали в посёлок городского типа; а рядом с её корпусами построили для медперсонала 28-квартирный жилой дом, что помогло решить кадровую проблему. И самое главное: больница не стала обузой для власти, а люди довольны были созданными для них условиями при лечении – и медперсонал, и больные. Но пришли другие времена, и тощий районный бюджет здравоохранения «не потянул»; больница стала обузой и медленно, но верно начинала временами напоминать некоторые моменты из прошлой, далеко ушедшей жизни. И ощущение этого движения вспять остаётся даже после того, как районная больница переподчинилась департаменту здравоохранения правительства Орловской области. У местной власти забот поубавилось – ведь столько проблем было с содержанием трёх многоэтажных её корпусов со всей инфраструктурой. Но у главного врача Владимира Троицкого по-прежнему головная боль; в одной из бесед я услышал от него: мол, зачем такие объёмные корпуса строили?

Конечно, всё тут ясно-понятно, как белый день: содержать больничный комплекс в постсоветское

безденежное время – архисложно, а с каждым новым кризисным годом – тем более. Больничный комплекс, по проекту, на 250 койко-мест, а сегодня по пустым его палатам круглые сутки «тихий час»: по заданию «сверху», или же, говоря официальным языком, согласно федеральным нормативам, количество койко-мест сокращено до 36 – круглосуточных и 22 – дневных. В это же время больным сверх этого лимита, нуждающимся в стационарном лечении, на приёме дадут понять, что мест свободных нет, и попросту направят в областную поликлинику или предложат лечиться дома. Уложиться в статью расходов, прописанных «сверху», по-другому не представляется возможным. И так же не представить: как бы укладывались в статьи расходов, и вообще, какая бы складывалась обстановка в медицине, не «потеряй» страна только в нашем маленьком районе за последние два десятилетия 5 тысяч человек.

Известен ещё один путь сокращения расходов по здравоохранению, и он так же апробирован, – это закрытие фельдшерско-акушерских пунктов, так называемых ФАПов. В благополучное для них время, – будем говорить: при советской власти, – они работали на каждой центральной усадьбе всех 14 сельхозпредприятий, а ещё в сельскохозяйственном техникуме, на консервно-овощесушильном, и заводе «Сигнал», то есть их было 17; это не считая Каменскую участковую больницу, в своё время перепрофилированную под дом ветеранов, который так же благополучно был прикрыт и о котором теперь напоминают одни развалины. Но это уже отдельная грустная история, а расширить

географию – и не одна. А ФАПов в муниципальном Глазуновском районе осталось всего шесть. Такое вот грустное документальное кино мы будем смотреть в новом – 2016 году, кстати, и объявленном Годом кино, по определению В.И. Ленина, искусства из всех искусств.

Головная боль у главного врача больницы не только от недофинансирования, из-за чего не могут сполна обновить окна и кровати, ещё какую-то мебель, – от этой боли его помаленьку «лечат» спонсоры на местном уровне, которые для больницы как палочка-выручалочка. Головную боль ему, – да, собственно, всем чиновникам от медицины, сидящим в руководящих креслах этого уровня, – приносит нехватка медицинских кадров. Здесь можно перечислять специалистов по пальцам, каких не хватает больнице, и сколько, но факт остаётся фактом: без заинтересованности высокой зарплатой специалистов-медиков государственных учреждений здравоохранения проблему кадров не решить, потому что в частных клиниках, коих сегодня всё больше и больше, для решения своих кадровых проблем идут именно по такому пути. А вот что говорит статистика о глазуновском здравоохранении.

Как уже отмечено нами, среднемесячная номинальная начисленная заработная плата по строке «Здравоохранение и предоставление социальных услуг» за январь-сентябрь 2015 года составила 12,9 тысячи рублей – к этому же уровню 2014 года 110,7 процента, то есть на каждую тысячу прибавка составила 111 рублей. «Нет, – возразит мне, поморщившись, буквально каждый из 350 работников этого отряда, – мы столько не

получаем!» И с ними придётся согласиться – опять эта врунья-статистика вводит всех в заблуждение: у одних её уменьшила, другим добавила; и начинаю прояснять, вести что-то вроде журналистского расследования. Вот подсказал компьютер: годовой доход главного врача в 2014 году 948,5 тысячи рублей. Скажете, много? А у главного врача в Ливнах – два миллиона. Тоже много? Вот в соседних районах меньше: в Змиёвке – 458 тысяч, в Малоархангельске – 350 тысяч. Очевидно, на повышение зарплаты в Ливнах и Глазуновке повлияли какие-то обстоятельства, о которых статистика нам не говорит.

– Да это не реально столько заработать врачу даже с большим стажем. – итожит Троицкий, – Вот мой годовой доход в этих стенах.

И передо мной его «гроссбух» за 2015 год, который сможет увидеть каждый из 12, с небольшим, тысяч жителей Глазуновского района на сайте своего компьютера, если он имеется. Всё верно: зарплаты «районщиков» не идут ни в какое сравнение с городом, и те ставки, которыми живут врачи, медсёстры и технический персонал больницы, так же служат поводом для издевательских шуток Якубовича на «Поле чудес». Главный врач получает в месяц за свою работу 28 тысяч рублей – на то он и главный; уборщица служебного помещения – 6200 рублей; у начинающего врача ставка 6 тысяч рублей – это практически всё, что сегодня можно «выудить» из цифрового материала у экономистов и статистов центральной районной больницы, остальное – умозрительно, в общих словах и понятиях. И трудно понять: век ли наш беспокойный тому виной, с кризи-

сами и санкциями; или тлетворное влияние Запада, которое десятилетиями подтачивало духовные начала советского человека и которое сегодня продолжает это делать с завидным постоянством. И невольно будет создаваться мнение, что, какой факт ни возьми, даже самый что ни есть незначительный, даже, может, и с каким-то плюсиком, всё – коммерческая тайна.

Но вот узнал: если у медицинского работника в течение года заработок повысился, то источником его повышения могли стать средства только в рамках фонда оплаты труда, который предусматривает выполнение какой-то определённой работы. На практике происходит следующее: врача-специалиста загружают дополнительными обязанностями, не выходящими за рамки штатного расписания; и совсем не важно, что при этом твой рабочий день удлинится. В общем, всё делается в русле назидательного совета президента страны, который однажды с экрана телевизора сказал приблизительно следующее: мол, заработную плату просто так не повышают, для этого надо повышать производительность труда. Работникам бухгалтерии скучать некогда, медперсонал трудится в поте лица, даже можно сказать, на износ, чтобы получать достойную зарплату. А она зависит от ставки плюс: от занимаемой должности, категории, выслуги лет, наличия вредных условий труда, переработанного времени и времени ночных дежурств; и счастлив тот, кто доработал до пенсии.

В один из дней пришёл в поликлинику, на приём к хирургу: в кабинете за столом сидел главный врач.

На этом рабочем месте он был не потому, что так ему захотелось самому, скажем, попрактиковаться, чтобы не утратить профессиональные навыки: хирург поехал повышать уровень квалификации в Орёл, замены нет.

Ещё одна встреча в коридоре поликлиники с терапевтом: вид у него усталый, не весёлый; и признался:

– С ночного дежурства; ночь оказалась беспокойной, и надо бы отдохнуть, а вот спешу на приём – некому...

Когда посещаю больничный комплекс, обязательно разговариваю на эту тему с медсёстрами и санитарками; от одного упоминания о зарплате они, в большинстве своём, начинают морщиться.

– Конечно, в пору плакать, – сказала мне одна из них. – Тысячи три отдашь за ЖКХ, в магазин за продуктами один раз пойдёшь – тысячу оставишь, а ничего не купишь. И – плач, не плач – поделывать ничего нельзя, и идти некуда, и пожаловаться некому. Где ещё заработаешь? А тут уже привыкли.

Слышал и другое:

– Средняя? Ею прикрываться кому-то выгодно. Вот давайте посмотрим на это в натуре: один съел две курицы, а другой – ни одной; в среднем: все сыты.

Как говорится, комментарии излишни.

* * *

Над верховьями Неручи и Оки стояла осень – теплая и сухая; шёл октябрь, а листву уронили только тополя. Вспоминалось пушкинское:

*Октябрь уж наступил – уж роща отряхает
Последние листья с нагих своих ветвей;
Дохнул осенний хлад – дорога промерзает,
Журча, ещё бежит за мельницу ручей,
Но пруд уже застыл...*

А тут берёзы светятся зеленью и к середине октября, солнечно, и паутины – ну, настоящее бабье лето! Можно думать, что благодушная природа даёт людям время справиться со всеми работами в поле. В общем, осень заставляла удивляться, хотя деревенскому жителю, которого уже и не назовёшь крестьянином, было как-то всё равно. Это при колхозной жизни старались скотину подержать на выпасе подольше – до самых холодов, обозначаемых на пожухлой траве лёгким инеем. А с уборкой картошки к этим дням еле управлялись – огороды-то у людей были по полгектара и больше; и копать её начинали не с конца августа, а только во второй половине сентября, когда вместе с такими же вот погожими днями поплывёт над ними паутина бабьего лета. В общем, до своих огородов руки доходили в последнюю очередь: все парились на уборке колхозного урожая – зерновых, гречихи, конопли, сахарной свёклы, картофеля, из которых, кстати, сегодняшние инвесторы, пришедшие на эти поля, выращивают только зерновые с гречихой и сахарную свёклу с кукурузой..

Вот уже много лет, как огороды под картошкой ужались до 10–15 соток; на лугу не увидишь деревенского стада – сразу после 1990 года в нём насчитывалось более сотни коров, теперь же на всё

верховье Неручи и маленькой Очки как второго истока Оки (по площади это два бывших колхоза, десять деревень), осталось 40 коров. В те годы мы с этой экологически чистой продукцией легко переживали все экономические кризисы, но, вместе с тем, хорошую жизнь измеряли колбасой и хотели видеть у себя европейское изобилие. Вот оно, перед вами, господа мужики с берегов Неручи и Оки, на прилавках многочисленных торговых точек – вкушайте на здоровье, хотя его-то от продукции этой у народа как раз убавляется, и нам всё чаще открывают секреты её приготовления. Вот цитата из статьи «Хлеба и головы» доктора сельскохозяйственных наук Альберта Сёмина, опубликованной в Литературной газете № 3–4 за 2016 год: «К 2008 году Россия закупала мясо в 40 государствах мира. Качество его, как правило, низкое. Везут глубоко замороженным (Европа ест только охлаждённое!), нередко отгружая залежалый товар, – то, что накачано стимуляторами роста и антибиотиками. Когда в 2014 году у нас был создан Россельхознадзор, выявилось немало случаев контрабандного завоза говяжьей печени из стран, где в это время было зарегистрировано коровье бешенство. Но это не всё. Собираем даже сушёные свиные шкуры со всего мира. Размалывая их, насыщаем водой и наполняем колбасы. Состав колбасы – мясо, шкуры, соя и иногда крахмал». И там же: «Если к 1990 году его производство (мяса – В.В.) достигло 75 кг на душу населения, то к 2000 году упало до 45 кг. В нормальных странах иные цифры – 100–120 кг ».

Как вы, дорогой читатель, понимаете, дореформенный уровень будет ещё долго оставаться голубой мечтой постсоветской власти, потому что разрушительные процессы в сельском хозяйстве продолжаются с прежней силой. Мой хороший друг Валерий Горохов, которого по-простому, по-деревенски, все называют Василичем, в опустевшей деревне Хитрово, на правом берегу Неручи, организовал небольшое крестьянское хозяйство. И, тоскуя о советском прошлом этого края, решил сохранить о нём память в музейных экспонатах. Время, особенно на рубеже нулевых годов, безжалостно уничтожало атрибуты советского периода жизни, а за 70 с лишним лет мы прошли путь от сохи до космических высот. Стёртой с лица земли оказалась и деревня Хитрово, а она была помечена на картах ещё первой половины 19 века. В конце 20 века дом Павла Тихоновича Гурова на правом берегу безымянного ручья был виден далеко окрест. Там до войны и сразу после неё стоял отцовский. В конце февраля 1943 года, после освобождения Малоархангельска, он оказался у первой линии вражеской обороны, и немцы сразу же его сожгли: легко так сунули под стреху два немца факелки, и загулял огонь по соломенной крыше, затрещали в дыму и пламени брёвна. Вскоре всех жителей угнали в Брянскую область и Белоруссию; а когда возвратились в деревню, уже после освобождения, – вместо 85 домов увидели одни пепелища

Отец Тихон Алексеевич от своего корня не ушёл; и как председатель местного колхоза «Верховье Неручи», и просто как порядочный человек много чего хорошего

он делал, чтобы люди держались за свой корень. Но безжалостны законы природы: проводили в последний путь Тихона Алексеевича, послевоенный домик стал ветшать. И на том же бугре Павел Тихонович уже сам построил новый – шлакоблочный, повыше и попросторней; пустил на свет сыновей: Ивана, Сергея и Володьку; посадил дерево, и не одно. Но ветер времени разметал Хитрово; и Павел Тихонович со своей Антониной Романовной по прошествии времени не захотели на старости лет доживать в опустевшей деревне, переселились в соседнее Глазуново, где колхоз им предоставил жильё. А в Хитрово дом их ещё долго стоял на берегу – пустой и одинокий, пока один из сыновей хозяина, Иван Павлович, не перевёз его от родных берегов в Орёл.

И это – трагедия всего поколения, трагедия века.

НА ОТЦОВСКОЙ ЗЕМЛЕ

Дом отцовский
Козы, гуси, куры.
Тихая вечерняя дорога.
И примчится Иван Павлыч Гуров,
Человек от Бога.

С юных лет его приветил город,
Здесь, в пустой деревне, его корень.
Ничего, что он уже не молод,
Но сюда – и в радости, и в горе.

На земле отцовской частым гостем,
Не похож совсем на городского.
Предки на Сабуровском погосте –
Ни позора, ни суда людского.

Да простится им, что было в прошлом,
Нам за всё безбожие простится.
Господи, спасибо не пришлось нам
На бесхлебье плакать и молиться.

По своей природе балагуры,
На земле отцовской нас не много.
Вот примчался Иван Павлыч Гуров,
Человек от Бога.

Не по сердцу городские виды,
Как хотел бы он прожить иначе!
И душа всё плачет от обиды,
Сам, когда в нетрезвости, заплачет.

Родина, в окопах да ракетах,
Не смотри ты на дорогу хмуро –
Это он, тобою не забытый,
Ты прости родного балагура.

Простенькая серая рубаха,
Под слепым дождём счастливо вымок.
За тебя готов он лечь на плаху,
Как за веру инок.

И вечно теперь будет его малая родина такой – в окопах да ракетах. И будут стоять заброшенные крестьянские усадьбы, со старыми заросшими садами, ещё шестидесятых годов; и ни одного жилого дома. А рядом с Валеркиным музеем – таксофон, теперь он тоже как музейный экспонат. И как память о сталинском преобразовании природы в этом укромном уголке средней России – остаётся на безымянном ручье плотина с водосбросом, которую отсыпали по всем правилам строительства таких объектов, потому и безболезненно переживает она атаки буйного водополя. Что впереди? Скорее всего, полное запустение: вряд ли кто захочет выбрать эти берега местом жительства и построить здесь жильё; ведь даже в более крупных деревнях по берегам Неручи, то есть к цивилизации ближе, и то желающих строить его не находится.

Точно такая картина и по берегам Оки – от истоков и дальше, – совсем одичалой, всё больше напоминающей времена далёких предков: не услышишь человеческого голоса, заросли бурьяна и кустарника не позволяют подойти близко к воде; не тронутые высокие травы выстаивают осеннее ненастье и зимнюю стужу, а с приходом весеннего тепла, уже ослабевшие, под тяжестью рвущейся к свету зелени ложатся на землю догнивать. И в череде проходящих лет накапливается в ней не востребованная великая сила материнства, которую она готова отдавать для продолжения рода человеческого.

Но на берегах маленькой Очки и Оки, недалеко от их истоков, мы всё-таки найдём единичные примеры,

когда люди строили для себя жильё. Вот в Никольском на месте бывшей барской усадьбы, почти столетней давности, выросли однажды летом двухэтажные особнячки – применительно к нашему времени их называют коттеджами: Волковых, Кузиных, Королёвых, Богинских. Построили их на рубеже веков; и, надо полагать, стоять им на этой земле долго, потому что хозяева их работают на ней сами, приобщили и детей к крестьянскому труду – выращивать хлеб, чем занимались и предки. Время подсказало – и они рядом с колхозом организовали свои крестьянско-фермерские хозяйства, взяли у односельчан в аренду землю. Но посмотреть вокруг – не найдёшь места, где могли бы приложить руки выпускники школы, вчерашние армейцы из Архангельского, Никольского, Очек; и получается, что практически все они, молодые и крепкие парни, в поисках работы отрываются от родного дома не на один день, уезжают за сотни километров, чтобы пополнить частную армию «вахтовиков».

Найдут ли своё счастье в жизни они или их дети – сказать трудно. Но, памятуя слова У. Фосколо, который то ли из своего жизненного опыта, то ли из наблюдений за поколениями сделал вывод, что семья и родина даны человеку в утешение от всех зол, преследующих его, сегодня мы можем определённо говорить: вселенское зло, вобравшее в себя всё самое наихудшее капиталистического образа жизни, на российских просторах начинает преследовать человека с первого дня после появления его на свет. В итоге наше общество получает высокую смертность, в том числе и детскую, безработицу, боль-

шой отряд молодых людей, не сумевших создать свою семью, а так же увеличение бракоразводов.

Жизнь показывает, что процесс капитализации на берегах Неручи и Оки, и дальше – до Москвы, и ещё дальше – от Москвы до самых до окраин, совсем не для улучшения жизни простого народа. У него забрали всё, что дала советская власть. Человек сегодня остаётся один на один со своими проблемами, и, получая зарплату или пенсию, пусть даже не минимальную, он с тихим ужасом наблюдает, как она быстро утекает, словно песок сквозь пальцы, и денежек не хватает для решения даже самых жизненно важных проблем. Именно в такой жизненной ситуации оказался и молодой человек, случайным попутчиком которого я стал в начале зимы.

Он ехал на выдавшем вида «жигулёнке» из своей Копны в Орёл; мне надо было туда же, и я проголосовал на малоархангельском перекрёстке. Парню не более тридцати. Судя по посадке за рулём, среднего роста, не крупного телосложения; разговорчивый. О себе сумел рассказать коротко и ясно: женатый, двое детей; живут на съёмной квартире. Жена работает, сам без работы.

– Ипотеку не хочу, – сказал, как отрезал. – Хомут на шею на всю жизнь. Банкиров кормить; а вдруг что-то не повяжется, так и заберут назад.

– Такая власть сегодня, – говорю, – за всё надо платить. Советская власть квартиры бесплатно давала...

– Давала, – резко оборвал он меня. – А я не получил.

– Что так?

– Не успел.

– На выборы ходишь?

– Нет. Незачем.

– В Госдуме коммунисты отстаивают интересы таких, как ты: чтобы медицина, образование, жильё для людей были бесплатными.

– Ничего не изменишь.

– Да если ты не пошёл голосовать, там этого и ждут; и за тебя бюллетень вбросят. И будут те же министры, и так же будут воровать миллиарды.

– Хватит меня агитировать! – вдруг резко оборвал он меня. – Да, будут те же министры, и так же будут воровать миллиарды...

И я понял, что человеку практически только входящему в самостоятельную жизнь и уже успевшему хлебнуть в ней много чего неприятного, непривычно слушать то, что он также видел и хорошо знал. Он входил в жизнь и видел вокруг себя много сложностей, которые заставляли его не сидеть на месте, а куда-то ехать, что-то делать, чтобы как-то свести концы с концами.

– Но в Москву не поеду, – твёрдо сказал он.

Почему не поедет – я расспрашивать не стал: думал о том, что, скорее всего, он сам разберётся в себе и в своих проблемах; и что это беда не только его одного, а и всего поколения, которое родилось в той большой, советской стране и переживает затянувшийся переходный период в страну другую, чужую для него, во многом непонятную, в которой оно всё ещё не может найти своего места.

В эти тяжелые для государства времена, когда уже не первый год трясёт экономический кризис, а европейский рык в сторону нашей столицы всё усиливает-

ся, расслоение общества по уровню заработной платы, по уровню благосостояния, в целом, становится до не приличного большим, как до не приличного обесценен труд простого человека. Узрел это и Патриарх Московский и всея Руси Кирилл: в своей книге «Семь слов о Русском мире» (М.; Всемирный Русский Народный Собор, 2015) он говорит об исторической судьбе Русского мира, а также о значимости Церкви в предотвращении гражданских конфликтов; там же – обращение к политической элите: снизить накопившуюся в стране остроту социального расслоения. И вот мы уже слышим, мягко говоря, упрёки в сторону руководителей госкорпораций и от президента В. Путина: мол, велики зарплаты, избалованы большими выходными пособиями. Да, жареный Петушок-золотой гребешок снова клюнул. Но вот когда не так давно ему перед всей страной задали вопрос: почему не повышаются налоги на сверхдоходы? – наш Президент спасовал, показалось, – как бы стушевался даже: мол, не получается у нас. Не за это ли сегодня полюбили Россию и захотели получить гражданство актёры, боксёры, бойцы всяких единоборств, футболисты, представители других профессий из стран самого дальнего зарубежья, политиков которого у нас принято тепло называть партнёрами.

А я всё чаще прихожу к мысли, что все эти люди больше всего думают о том, сколько денег они будут выкачивать из России только за счёт низких налогов; и не будут их волновать ни продовольственная безопасность нашего Отечества, ни его экономика, ни

проблемы медицины и безработицы, а следовательно, и все проблемы моей малой родины. Ведь только одних «вахтовиков» в Васильевке, что притихла в самом центре Среднерусской возвышенности, сегодня наберётся добрый десяток! Они уходят от родного дома, от детей совсем не от хорошей жизни: они не хотят пополнять армию безработных. А действующая власть официально признала, что по уровню безработицы среди молодёжи мы уже догнали старушку Европу. Охотно верю, хотя думаю, что и здесь не обходится без вранья: в России все эти окаянные – не дни, не годы – десятилетия мы настолько прилежно усваивали законы капиталистического образа жизни, что уже давным-давно не то что догнали, а сумели старушку Европу по этому показателю перегнать, к тому же, особо не задумываясь, что последняя и сама всегда этого очень хотела.

Есть ещё одна часть трудоспособного населения России сегодняшних дней, представителей которой видишь в свете торговых вывесок и рекламном блеске. Россия теперь – страна, где всё продаётся и всё покупается:

*А разношёрстной нашей публике
В раздранных днях подай «навар»;
Торгуют: бублики – за рублики,
Страну – за евро и доллар.*

Центральные улицы Орла, до самых окраин, сплошь и рядом – торговые комплексы, магазины, ларёчки; Глазуновка старается не отстать – торгового люда при-

бавляется, с расчётом повысить своё благосостояние. Магазины, как грибы после дождя, проявились практически вдоль всей центральной улицы, от переезда до переезда, а также на прилегающих к ней улицах. В маленьком Глазуновском районе статистика зафиксировала 99 торговых точек, и 66 из этого количества – в райцентре, то есть в 5 раз больше, чем их было в советское время; на селе их количество увеличилось вдвое.

А есть ещё рынок, который притягивает к себе покупателей даже из дальних деревень и который помогает поддерживать ассортимент и объёмы товаров в розничной торговле. Походите по рынку, поприглядитесь к ценам, к людям, стоящим с раннего утра, в любую погоду под открытым небом: этот их нелёгкий труд скоро совсем обесценится, и они не выдержат конкуренции со стационарными магазинами-монстрами – «Пятёрочками», «Магнитами», у которых уже давно отработана технология успешного продвижения вглубь российских провинций. Вот и первые ласточки: по первому снегу не увидел следов к двум магазинам, торгующим продуктами: на дверях замки. Зато теперь лекарства мы можем купить в четырёх торговых точках, в пяти – нам предоставят ритуальные услуги; и все они не пустуют, то есть спрос порождает предложение. Соответственно и в статистических отчётах сегодняшних дней появились строки, сигнализирующие, что в нашей провинциальной жизни не всё благополучно.

Прописная истина, которая постоянно напоминает о себе: если исходить из того, что в каждой капле воды отражается жизнь океана, то и по нашему маленькому

району мы можем судить о жизни всей страны – от Москвы до самых до окраин. Например, в 2015 году в районе прекратили свою деятельность восемь торговых предприятий, и в то же время шесть открылись; вырос уровень безработицы, хотя, как я уже отмечал, по официальным данным, он составляет 1,4 процента. Можно полагать, что цифра эта явно занижена, и за нею просматривается заданность действующей власти на снижение процентного показателя. Вот он, регулятор капиталистического рынка в действии, о котором с захлёбом говорил первый рулевой России на постсоветском пространстве. И тревожно становится, когда в результате такой регулировки вот уже третье десятилетие продолжает ухудшаться демографическая обстановка.

Такие цифры, для сравнения: в 2010–2015 годах в Глазуновском районе родились 983 младенца, а умерших – 1412. Как всегда, не доверяя статистике, провёл маленькое расследование и увидел более неприглядную картину, в чём вы можете убедиться на примере, допустим, 2015 года. Статистические данные говорят, что в районе родились 147 младенцев, а районная больница называет другую цифру: 97. И, представьте, каждая из них по-своему права: 97 – это глазуновские, постоянно проживающие в районе, матери отважились в такое сложное время принести себе радость видеть своего ребёнка и слышать его смех. А в цифру «147» включены дети, матери которых в своё время покинули родные края, чтобы устроить жизнь, где есть работа. Они живут в городе, и прописку в чернобыльской зоне по понятным причинам сохранили, тем самым повысили деторождаемость на своей малой родине. К этому их по-

нуждают социально-экономические условия, которые, мягко говоря, далеки от уровня – не хочу сравнивать с европейским – советского периода жизни.

Думаю, что и по другим годам при пересчёте статистики по деторождаемости в районе будет с большим минусом. И невольно приходится признавать, что для её улучшения на данном этапе в полной мере не срабатывает и материнский капитал. Причина? Мы увидим две её составляющих: социально-экономическая ситуация в стране и морально-этические отношения в семье как в первичной ячейке общества. Собственно, здесь тугой узел проблем, которые не решить только за счёт материнского капитала и дополнительных льгот матерям, в том числе и многодетным. Да, кто-то вдохновится материнским капиталом и сделает свою семью многодетной; а кто-то осторожно заглянет в будущее, прикинет, как будет сходиться дебет с кредитом, – и не откликнется на призывы власти «разбогатеть» таким способом.

А ещё зададимся вопросом: почему все эти годы нас преследует, словно проказа, неблагоприятная обстановка в семьях и, как результат, бракоразводы? Всё та же статистика итожит: более половины браков не выдерживают испытания на прочность. За последние шесть лет зарегистрировано 593 брака и 329 разводов; и будем говорить, что эта статистика не точно отражает истину: в нашем обществе всё больше мы видим гражданских браков и матерей-одиночек. Но в любом случае: если рухнет семья – вдвое, втрое увеличивай материнский капитал, он так и останется невостребованным обществом, будет лежать в банковских хранилищах уже мёртвым капиталом.

В стране со стабильной экономикой, которую не разъедает ржавчина коррупции, где крепки духовные начала и семейные традиции, таких ситуаций не возникало бы.

Я много раз смотрел фильм «Брат», где Сергей Бодров-младший играет роль главного героя. Вот и в начале нового 2016-го снова себя осчастливил. Казалось бы, по сюжету обычный фильм: таких, в которых стреляют, людей убивают пачками, сегодня на многих телеканалах «гоняют» круглые сутки. А я захотел «Брата», отвергнув другие фильмы и многообещающе разрекламированные развлекательные шоу с участием завсегдаев-телеведущих и разного рода юмористов, давно набивших оскомину плоскими шутками ниже пояса. Чем притягивает фильм? Позицией его главного героя Никиты Багрова, который, словно сказочный богатырь, борется за правду, помогает обиженным и в борьбе со злом побеждает. Как он говорит, сила не в деньгах, а в правде.

Добавлю с маленькой поправкой: людям нашим нужно и то, и другое. Ведь и в советские времена они покидали родные берега, но юных звала романтика тех лет, которая многообещающе грела надеждой, что их ум и сердце послужат во благо Отечеству, а жизнь будет намного лучше, чем у родителей на родных берегах.

УЧИТЕЛЯ И УЧЕНИКИ

На правом берегу маленькой Очки, в селе Архангельское, когда-то стоял домик, где родился Александр Кузьмич Пастухов. Обычный крестьянский сын, окончивший Очкинскую семилетку и Глазуновский сельскохозяйственный техникум с отличием, затем Московскую сельскохозяйственную академию имени К.А. Тимирязева, прошёл большой путь практической и научной работы, стал профессором, Почётным работником высшего профессионального образования РФ, действительным членом (академиком) двух международных общественных научно-профессиональных академий – соответственно наук высшей школы и аграрного образования. Профессор Пастухов известен был в нашей стране и зарубежных государствах как высококвалифицированный учёный и педагог, опубликовавший лично и в соавторстве более 350 печатных работ на русском и иностранных языках, в том числе три монографии, 18 учебных программ, четыре учебника в восьми изданиях и 16 учебных пособий – все с грифами ведомственных образовательных органов; а ещё подготовил 23 кандидата экономических наук.

Мне вспоминаются стихи из школьного учебника:

*Нынче каждый труд в почёте,
Где какой ни есть.
Человеку по работе
Воздаётся честь.*

И применительно к нашему земляку-учёному: у него более десяти государственных, правительственных и научных наград; он был участником и призёром ВДНХ СССР.

Я пишу об Александре Кузьмиче в прошедшем времени, потому что недавний мой звонок не застал его в живых: два года назад Пастухов ушёл из жизни, оставив вслед идущим поколениям своё богатое научное наследие.

Судьба Александра Кузьмича Пастухова перекликается с судьбой его земляка Евгения Дмитриевича Башкеева; даже можно сказать, что шли они по жизни параллельными курсами.

Рядом с Архангельским, но уже на левом берегу маленькой Очки – низком, всегда открытом солнцу и ветрам, стояла деревня Веселый Бережок. Сегодня на карте района её нет. Почему её так называли, мы теперь можем только догадываться. Вот в Орле есть Весёлая Слобода; и думаю: не родня ли какая она Весёлому Бережку? Мой хороший друг, орловский поэт Анатолий Шилаев, к великому сожалению, погибший в автокатастрофе в расцвете творческих и жизненных сил, в одной из своих поэтических книг опубликовал стихи, посвященные этой городской улице:

*Знать, весёлые люди
Живут в слободе,
Если все слободу
Называют Весёлой,*

*Словно здесь не бывать
Ни тоске, ни беде,
Словно здесь поселились
Одни новосёлы.*

Вот и думается, что весёлые голоса жителей Весёлого Бережка, в том числе и детские, вся округа слушала круглый год; и даже в самые трудные послевоенные годы, когда в стёртом с лица земли Весёлом Бережке после вражеского нашествия начинала возрождаться жизнь.

Евгений Дмитриевич Башкеев родился в Весёлом Бережке в 1930 году. Только пошёл в школу – в дом постучалась беда: отец работал председателем местного колхоза имени Калинина, и по 58-й статье его арестовали. Как увезли – так и не увидели его больше ни жена, ни дети. Война застала Башкеева в четвёртом классе Очкинской семилетки, а закончил он её уже 18-летним парнем. Оттуда и пошёл по жизни.

Сразу уточним: и дальше шёл по ней Евгений Дмитриевич круглым отличником, Вот вехи его пути: одногодичная школа животноводов под Орлом, Плехановский зооветтехникум Липецкой области, Воронежский зооветинститут и как итог учёбы – красный диплом; потом была аспирантура Всесоюзного научно-исследовательского института животноводства, где в 1968 году защитил кандидатскую диссертацию, то есть на это он затратил 20 лет своей жизни. Затем Евгений Дмитриевич защитил докторскую диссертацию биологических наук и получил звание профессора.

И об этом человеке приходится говорить теперь в прошедшем времени. В 2007 году, когда я сообщил Евгению Дмитриевичу, что подготовил к печати книгу «У истока Оки»; что она о событиях и людях верховий Неручи и Оки, начиная от первых поселений на Оке и до сегодняшних дней; что в ней я должен рассказать и о его судьбе, – он откликнулся на моё предложение.. Через некоторое время прислал письмо, в котором с удовлетворением как бы подводил итоги пройденному пути, мол, все годы вдаль от родины малой прожиты с пользой и для неё: опубликовал свыше 150 научных работ и изобретений, подготовил свыше 10 кандидатов и докторов наук, имелись успехи в получении и размножении трансгенных животных – овец, свиней, кроликов.

Получил я от него и фотографию – для книги. Но вот ещё строки из письма: «Я упоминал в своём письме, что носил клеймо врага народа и был реабилитирован; несмотря на это, я доволен той системой государственного устройства, в которой жил и рос: она давала возможность молодёжи, всем людям становиться такими, на что они способны».

Книга «У истока Оки» увидела свет в начале 2008 года, и я поспешил ему об этом сообщить – позвонил.

– Да – слышалось в трубке; говорила женщина.

Представившись, попросил пригласить хозяина.

– Его нет, – ответила она; и, как мне показалось, голос её дрогнул.

– А когда будет? – спросил я.

– Он умер..., – плачущим голосом ответила женщина.

Мой рассказ о земляках с верховий Неручи и Оки, вместе со скорбью, наполнен гордостью за них, много славного сделавших на пользу Родины. Они были и ушли. Я часто слышу, как говорят: мол, жизнь проходит. Так ли это? Думаю, что нет. Мои славные земляки, учёные мужи Отечества Пастухов и Башкеев ушли в мир иной, а жизнь осталась – с достойной памятью о них: за дела и помыслы свои они достойны доброй памяти. Одни ушли, другие идут по жизни вслед за ними, дела и помыслы которых заставляют говорить такие же добрые слова.

На том же берегу маленькой Очки, в Весёлом Бережке, где стоял домик Башкеевых, через много лет после войны родилась моя незабвенная Нина Михайловна Евсеева, по мужу – Кононова, директор Малоархангельского хлебоприёмного предприятия, что стоически переживает трудные времена страны недалеко от Очки, правого истока Оки, и практически рядом с железнодорожным вокзалом. Она смело идёт по жизни; ею отданы служению Отечеству, людям своего родного края десятилетия; и, памятуя строки, что «человеку по работе воздаётся честь», добавлю: Нина Михайловна удостоена звания «Почётный гражданин Малоархангельского района», «Почётный работник агропромышленного комплекса России»; бережно хранит – для памяти внукам и правнукам – Почётные грамоты Министерства сельского хозяйства РФ и Орловско-Ливенской епархии, и ещё от Русской Православной церкви – Орден святой равноапостольной княгини Ольги 3-ей степени. И все они, в целом, – за добрые дела.

Пастухов, Башкеев... И в этом ряду стоит имя ещё одного человека, который так же ушёл от верховий Неручи и Оки, но на своей долгой дороге жизни постоянно возвращается к родным истокам, – это Николай Иванович Сурков. Он тоже из поколения «детей войны»; и как говорит он сам, родился в Хитрово, что на берегу Неручи, 25 августа 1942 года, а по паспорту – в селе Архангельское. В 1943 году фашисты выгнали всё население в Белоруссию. Там расстреляли его отца; в Слуцком лагере голод, тиф и холод отняли у него двух братьев – семилетнего Виктора и четырёхлетнего Толю, а его каким-то чудом мать сумела спасти.

Горе и муки, перенесённые в концлагере, подорвали здоровье матери, и в шесть лет маленький Коля остался сиротой. Воспитывали его уже дед по матери Михаил Илларионович Мотин и бабушка Аксинья Илларионовна в селе Архангельское, – это в том самом, откуда родом профессор Пастухов. Но ни на том отрезке времени, ни позднее пути их так и не пересеклись.

Жизнь Николая Ивановича – это постоянное стремление к открытию для будущих поколений неизвестного, и более всего – в рамках исторического прошлого, порой помеченного в записях всего лишь одной строчкой и по прошествии времени покрытой толстым слоем архивной пыли, мимо чего проходят в своих земных заботах поколения, не сумев по разным причинам их увидеть и обобщить. Вначале романтика открытий привела Суркова в Старооскольский геолого-разведочный техникум, а после его окончания – на просторы Коми. Но в геологоразведочной партии свою

судьбу он увидел в открытии не залежей полезных ископаемых, а ценных страниц в отечественной истории. И Николай Иванович становится студентом-заочником Московского историко-архивного института; его приглашают работать в Коми обком комсомола – заведующим лекторской группой, а затем – в обком КПСС. Через три года партийной работы была учёба в аспирантуре Академии общественных наук ЦК КПСС, где он продолжил профессиональное изучение отечественной истории и защитил кандидатскую диссертацию.

А дальше снова партийная работа, на которой он проявил себя умелым руководителем, способным вести за собой людей словом и делом. Работал секретарём райкома КПСС, возглавлял Коми республиканскую организацию общества «Знание», совмещая эту основную работу с преподаванием истории в Сыктывкарском госуниверситете и Коми государственном педагогическом институте, где впоследствии стал заведующим кафедрой общественных наук, а ещё позднее – доцентом кафедры истории и экономической теории Коми педагогического института.

Николай Иванович очень трепетно относится к своей малой родине, каждый год приезжает в Глазуновский район – посмотреть на родные места вдоль Неручи и Оки, постоять у могил родных людей, которые его воспитали, и самых дальних родственников и просто земляков, которых знает более чем до пятого колена; а потом отправляется в дальние края, куда наметил попасть ещё задолго до своей поездки. Каждый свой приезд он посещает архивы и музеи – районные и об-

ластные, окунается в библиотечные фонды, бывает на местах сражений на Орловско-Курской дуге летом 1943 года. Для моего славного земляка неприемлемо, когда предаётся забвению героическое прошлое народа; и он посвятил десятилетия своей жизни, чтобы раскрыть многое из истории края, в котором появился на свет, и того, который его приветил и стал родным. И весь тот материал о героическом прошлом, который ему удаётся собрать, неизменно занимает достойное место на страницах исследовательских работ. В своей библиотеке храню его монографию, изданную отдельной книгой под названием «На службе Отечеству» в Сыктывкаре в 2011 году. Как пишет автор в предисловии, уроженцы Коми края участвовали в кругосветных плаваниях, морских битвах, мужественно сражались во всех войнах и «горячих точках», начиная с Крымской войны и до настоящего времени.

Для меня как для орловца более всего важно, что в этой книге есть повествование и о нашем знаменитом земляке Вячеславе Дмитриевиче Цветаеве – генерал-полковнике, Герое Советского Союза, начальнике академии имени М.В. Фрунзе, который в годы Гражданской войны воевал на территории Коми. А родился легендарный военачальник 5 января 1893 года на станции Малоархангельск, в двух километрах от истока маленькой Очки, то есть правого истока Оки; и уже 10 января его крестили в церкви Михаила Архангела, что на той же Очке, в селе Архангельское.

Вспоминаю, как местный краевед Владимир Яковлевич Брыкалин в начале 90-х прошедшего столетия

загорелся желанием увековечить это значительное для села историческое событие: он побывал в областном государственном архиве, умудрился в то безденежное время – для народа и государства, в целом, собрать необходимые средства – и появилась-таки на стене дома культуры мемориальная доска с текстом следующего содержания: «На этом месте стояла церковь Михаила Архангела (1793–1943 гг.). В ней 10.01.1893 года был крещён Цветаев В.Д. – генерал-полковник, Герой Советского Союза».

Историческая память воспитывает патриотов, которые в трудное время готовы встать на защиту родины; она прививает им чувство гордости за родного человека, за земляка, за Отечество. Есть в Орле улица Героя Советского Союза Николая Даниловича Маринченко; есть такая и в посёлке Чернянка Белгородской области – на ней Герою поставлен памятник, а в центре посёлка, у Вечного огня, его бюст, на школе, где он учился, – памятная доска; чтят его память и в республике Коми: в Сыктывкаре, в галерее Героев Советского Союза, что у Вечного огня, есть его барельефный портрет. Кто он такой, откуда родом и какой совершил подвиг, если благодарные потомки увековечили его память в граните, в названиях улиц? И ответы на все эти вопросы читатель найдёт в исследованиях профессионального историка: да, Николай Маринченко родился в Чернянке в 1912 году, после семилетки работал в колхозе, а в девятнадцатилетнем возрасте уехал в Донбасс, откуда через несколько лет был призван в армию. После службы Николай Маринченко уехал в Москву. По воспоминаниям, он был весёлым и общительным, заводилой и

лидером компании, с присущей ему отчаянностью. В столице по навету был арестован и осуждён на 10 лет, а срок отбывал в Коми АССР; оттуда и начался боевой путь Героя в августе 1942 года.

Почти год обходила его смерть; к началу наступательной операции под Вязями по освобождению города Орёл от немецко-фашистских захватчиков Николай Маринченко уже носил лейтенантские погоны и командовал взводом автоматчиков, а грудь его украшали боевые награды, одна из которых – орден Красной Звезды. И всё-таки она его настигла – у деревни Большой Малиновец 12 июля 1943 года, когда в критической ситуации, благодаря смелым и решительным действиям, командир взвода обеспечил взятие стратегически важной высоты и поднял в очередную атаку своих бойцов. Похоронили его у деревни Большой Малиновец, а позднее останки перезахоронили в братской могиле в селе Грачёвка Залегощенского района.

Рассказывая о нашем земляке, Николай Иванович даже приводит стихи орловского поэта В. Катанова, посвящённые Герою:

*Сорок третий пылающий год,
Дым пожарниц над полем несётся.
Николая Маринченко взвод
На просторе под Вязями бьётся.*

*Над бугром только грохот и гром,
Что ни выстрел – то крики и стоны.
Где фашисты? Фашисты кругом,
Взвод залёг в круговой обороне....*

Своей книгой Николай Иванович приоткрывает завесу героического прошлого Отечества, не проходя мимо горькой правды; мой земляк как бы подсказывает нам не предавать это прошлое забвению, не фальсифицировать, отфильтровывая из всего многообразия событий и фактов нужные для его искажения.

А через это мы уже однажды проходили, когда враги Отечества в диком приступе антикоммунизма сжигали в кострах партбилеты, выбрасывали из музеев память о коммунистическом прошлом, словно пугаясь силы и величия эпохи, которая их родила; они переименовывали города и улицы, колхозы и совхозы, которым были присвоены имена героев страны Советов, и давали им названия, которые ни о чём исторически важном не говорили, кроме как просто возвращали в капиталистическое прошлое.

В качестве примера я часто называю васильевский колхоз имени Жданова – его так же переименовали по приказу свыше: стал колхозом «Россия». Антисоветский зуд высшей степени заставил убрать и это близкое сердцу простого человека название, а потом и вообще при диком его разгуле это сельхозпредприятие, как и всех их на необозримых просторах страны – от Москвы до самых до окраин, стёрли с лица земли. Причём, весь этот процесс разрушения сельского уклада жизни русского человека, сформировавшегося в новых социально-экономических условиях, очень ловко был обставлен законами. Да, было, было, когда девятый вал антикоммунистической истерии прокатился по всем республикам бывшего Советского Союза, и подобное

сегодня происходит на Украине! Русскому человеку показывают пальцем на Европу, мол, надо жить такой жизнью. А во Франции день Парижской коммуны – национальный праздник; и даже памятник стоит её герою – маленькому Гаврошу.

* * *

Николай Иванович посвятил книгу своим учителям – живым и ушедшим. Вспоминая школьные годы, он с большой теплотой говорит, что всю жизнь ему дорого имя учительницы Ольги Яковлевны Васильевой; и такие же добрые, благодарные слова я не однажды слышал от него в адрес Ивана Филипповича Васильева. «Он воспитывал в учениках любовь к родным местам, к людям, к истории большой Родины, а значит, и малой, – говорил Сурков. – Он воспитал меня историком».

Навещая родные места, Сурков находит время побывать в Очкинской школе, пообщаться с учителями – все они молодые, из старшего поколения практически никого не осталось. Ушёл из жизни и Иван Филиппович. В деревне Степная, в низеньком домике по левому берегу левого истока Оки, берущего начало у деревни Александровка, Николая Ивановича всегда встречает с радостными восклицаниями ещё довольно бодрая его хозяйка – Ольга Яковлевна Васильева. Потом у них долгий разговор. «Ой, – начинает вспоминать она, – помню всех. Немца прогнали отсюда, люди стали возвращаться...»

Мы понимаем: отсюда – это с верховий Неручи и Оки. А она говорит, говорит:

– И сразу заработала школа – это был сарай без окон и дверей. Я в ней – молодая учительница, Пастухов, Башкеев и ещё ребята – уже переростки: Башкеев окончил нашу школу в восемнадцать лет, и с отличием.

В голосе её слышится гордость:

– И тебя, Николай Иванович, хорошо помню, – продолжает она, – всё, бывало, календарики собирал.

Николай Иванович улыбается: страсть собирать календари живёт в нём с детства; а ещё собрал обширную библиотеку исторической и искусствоведческой литературы; и поражает всех своими энциклопедическими знаниями.

Сурков на своей малой родине всегда в августе; вот и ещё один его август. Мы сидим в домике Ольги Яковлевны – он такой же приветливый снаружи: с беспризорным бурьянком вдоль изгороди, с цветущими мальвами – у калитки и перед окнами, – раскрывшими навстречу тёплым дням кулачки-бутончики с бледно-розовыми лепестками; такой же приветливый он и внутри: с простой мебелью и занавесочками на окнах, с каким-то тёплым и сладким покоем совсем не из нашего века.

Ольга Яковлевна и Николай Иванович – в оживлённых воспоминаниях; я слушаю их, иногда вступаю в разговор, но ненадолго – даю им вволю наговориться; я как бы отдаляюсь от них, и думаю о том, как жестока бывает к людям жизнь, и сколько же при этом надо иметь силы духа, воли, устремлённости в завтрашний день, чтобы выстоять, пересилить все невзгоды и не очерстветь душой. А в думках своих вспоминается сно-

ва У. Фосколо, тот самый итальянец, который однажды философски изрёк, что «природа, создав людей такими, каковы они есть, даровала им великое утешение от многих зол, наделив их семьёй и родиной». Его слова я в полной мере начинал относить и к Ольге Яковлевне, к этой хрупкой на вид женщине, сумевшей пережить много зол, но сохранить до глубоких лет доброе сердце и светлый разум.

Ольге Яковлевне Васильевой 15 февраля 2014 года исполнилось 90 лет. Как она говорит, наступившая война перепутала людям возраст: одни быстро повзрослели, другие на глазах становились седыми. Тут вообще-то удивляться нечему: в стране, пережившей страшное лихолетье, похоронившей миллионы на фронтах и в тылу, остаться в живых было великим счастьем.

Её малая родина – деревня 1-е Никольское, что разбросана по берегам маленькой Очки, правого истока Оки. Вдоль набитого почтового тракта в верховьях Оки на картах России можно увидеть несколько Никольских; и Очки были не одни. Предки наши, наверно, пригляделись и, не долго думавши, взяли да и переименовали все Очки, а одному Никольскому такое название дали, и не случайно: эта деревня стояла на самом берегу истока; и сегодня там же стоит, доживая свои года, словно бедная родственница. Ну, а Никольским дали номера: 1-е Никольское, 2-е Никольское; так и стояли они в верховьях, смотрели своими подслеповатыми окнами кто куда: на речку, в поля, на почтовый тракт, по которому в те века вихрем пролетали на юг

и обратно экипажи почтовые и знатных вельмож и который однажды, в 1787 году, осчастливила даже карета царская, со свитой. Время растрепало всех их, номерных; сегодня осталось одно, ставшее безномерным, – просто Никольское.

Сегодня и гадать не надо, как бы складывалась жизнь Ольги Яковлевны, не начнись война. Встав на её пути, война принесла с собой много бед и стала большим испытанием; но не изменила судьбу девушки, а только передвинула сроки каких-то важных для неё событий на более позднее время, потому что всё уже было как бы определено: к тому времени Ольга Яковлевна Ерофеева, а это была фамилия её родителей – Якова Кондратьевича и Пелагеи Глебовны, закончила два курса Малоархангельской школы учителей. Начало нового учебного года они встретили за городом – рыли окопы, потом вместе с первокурсниками были отправлены на уборку урожая в дальнюю деревню Ивань. С месяц пробыли там, а когда возвратились в Малоархангельск – всех распустили по домам. От города до родной деревни более двадцати километров; шли пешком, мимо железнодорожной станции, которую уже бомбили. И сколько же у неё потом было таких дорог – в холоде, голоде, под бомбёжками, под лающие окрики фашистов! Ольга Яковлевна даже сама сегодня удивляется, как это она в то страшное время выдержала, не сломалась – невысокая, худенькая, как веточка.

Деревня всю осень жила ожиданием неизвестности; мимо шли и шли беженцы – спасались от наступающего врага, пылили стада коров – и тоже туда, в сторону

Касторной. Фашисты пришли в деревню поздней осенью, как раз на престольный Михайлов день. Они стали хозяевами: по первости поселились по двое в каждом доме, потом, видимо, испытывая неудобства в управлении подразделениями, перевели всех в помещение детского сада – на казарменное положение. Те годы у неё перед глазами; явственно так видит, как заходит немец в хату и указывает на лопату и на неё: «Паненка, ком». Это значит: надо идти расчищать от снежных заносов дороги до станции и до Очек; и так – каждое утро. А снегу по самые крыши, морозы жуткие; кожа на руках и ногах трескается.

Однажды утром немец их не нашёл: спрятались в кустах и, наблюдая, ожидали, когда он уйдёт. Потом пришли домой, но немец попался хитрый и лютый: вернулся и палкой гнал их, гнал до станции, а они копали, копали; потом так же – до Очек. По отношению к людям они тоже разные были, эти немцы; вспоминает Ганса, денщика немецкого офицера: «Сидел, обедал и всё пел на ломаном русском языке «Катюшу»; а мы всё думали: откуда к нему слова нашей советской песни?».

А вот перед глазами у неё 1943 год. Ночью пришла к ним, с двумя детьми, жена заведующего районного отдела народного образования, которая с приходом оккупантов перебралась из Глазуновки куда погуще – от греха подальше. «Собирайте её, – сказала она родителям, – завтра намечено угонять молодёжь в Германию». И увела Ольгу вместе со своей дочерью Женей в соседнюю Александровку, где в доме надёжного человека две недели прятались на печке. Изредка

прибегал к ним её сынишка, приносил поесть, передавал строгий материнский наказ: сидеть, и убегал. В общем, отсиделись.

Но, как говорится, судьба руки свяжет. Где-то на востоке, за Малоархангельском, всё громче и громче погромыхивало – приближался фронт, значит, Красная Армия гнала врага с захваченной территории. А 23 февраля фашисты неожиданно вывели всех из деревни и погнали на запад. И не знали они тогда, что именно в этот день был освобождён город Малоархангельск. И сегодня видит Ольга Яковлевна ту дорогу: отец тянет санки – на них двое младших: Володя и Нина; мать, она и сестра Катя несут на себе самое необходимое – у неё на спине хлеб; могли бы на корове, как это делали другие, но немцы её зарезали. Рядом с ними по этой дороге отмеряют километры семьи Груниных, Дыренковых – сговорились держаться вместе. На очередном отдыхе, уже в Шаблыкинском районе, мать разбудила всех среди ночи, и они – все три семьи ушли от общей колонны, которую погнали дальше.

Незнакомый лесной край, снег, мороз. Но ни отец, ни мать, ни их односельчане-единомышленники не пали духом, а приглядели на краю посёлка пустую хатку и с помощью добрых людей дотянули до тёплых дней; много ходили по домам – где бы заработать кусок хлеба. За зиму она истрепала валенки, которые ещё на родной земле сваяла им Лёса, Яшки Похлебаева мать, отменная мастерица на всё верховье Оки. Весной соседи помогли посадить картошку.

На новом месте захватчики так же гоняли их на работу – строить укрепления. И Ольга Яковлевна так же использовала любую возможность, чтобы вовремя спрятаться, чтобы избавиться от непосильного труда: не копать траншеи, не таскать брёвна. Однажды утром опоздала: глядь в окно, – а у порога уже староста с немцем. С матерью заметались по хате – куда бы спрятаться, но кругом голые стены, стол – посредине да печь у порога, которую только-только протопили. Страх делал своё дело: мать в руки заслонку, а дочь в считанные секунды уже лежала на горячих кирпичках. Мать заслонку на место, тут же приткнула чугунок с горячей картошкой и, словно что-то делая, продолжала стоять у печи. Незваные гости её допросили, пытаясь узнать, куда она спрятала дочь. Потом обшарили все углы, заглянули под печь, прошлись по сенцам и сараям и ушли ни с чем.

Ольгу Яковлевну освобождали из каменного плена уже в бессознательном состоянии; скорее на воздух, в сени, да отливать холодной водой!.. Как вспоминает Ольга Яковлена, ещё какие-то секунды – и её бы уже не спасли.

Так проходили дни за днями. Но однажды среди лета загрохотало-засверкало на северном фесе Орловско-Курской дуги, на их родной земле, и теперь уже в новой колонне отступающие фашисты погнали их на запад: лето, жара, вражеские солдаты с факелами – огонь и дым, и треск от горящих домов.

Как же не хотелось им покидать родные места! И снова они сумели уйти от колонны, это уже за

Брянском, за Почепом, – все три семьи. Было начали обживать баньку в одной из лесных деревень, но власовцы, озверевшие от победного наступления Красной Армии, выгнали их; и стал им родным домом простой солдатский окоп. Главное, что ничего не скажешь в свою защиту – тут же пристрелят; и такими же беззащитными были их соседи, у которых они увели корову.

– Но тут уже судьба нам благоволила, – рассказывала Ольга Яковлевна. – На третьи сутки нашей окопной жизни Андриан Фомич... – и, поняв по выражению моего лица, что я не могу уяснить, кто такой Андриан Фомич, тут же уточнила: – Да Грунин, Грунин – мы с его семьёй и с Дыренковыми всё бегали от немцев. Так вот Андриан Фомич как закричит: «Наши, наши идут! И пришли. Сколько же у нас было радости! А мы-то думали: что это власовцы забегали, заторопились на подводы грузиться? Одного поймали, и командир вынес приговор сразу: «За измену Родине, за предательство – расстрелять!»

Ольга Яковлевна говорила о радостном дне освобождения, а голос её звучал на грустной ноте. Не менее грустным было её повествование о том, как добирались они домой, но уже без отца. Отец в начале войны под мобилизацию не попал по возрасту – он был с 1884 года; а там его сразу мобилизовали, потому что армии требовалось пополнение, и не только в атаку ходить – много и других дел хватало на войне. Но у каждого освобождённого был большой душевный подъём, великая вера, что самая страшная беда позади; а ещё теплилась надежда на лучшую жизнь. С ними и отправились тогда в обратный путь все три семьи, которые с первого дня своей

долгой дороги всегда были вместе. Двое суток сидели у дороги, пытаясь остановить попутку до Брянска, и один водитель проявил милосердие. Они от фронта, а навстречу вдоль посадки войска – идут, идут; над ними «рама» немецкая кружит...

С неделю просидели в Брянске, в одном из подвалов, ожидая попутный эшелон, и наконец – до Еропкина, и таким же путём до Поньрей.

– Господи, – вздыхает Ольга Яковлевна, – приехали, а станции нет: всё разбито. К дому – пешком, а ни одного дома в деревне; ближе к лесу их немцы ещё до боёв сожгли. Наша хатёнка стояла внизу и каким-то образом уцелела, но в ней уже организовали школу; в чулане учительница живёт.

С приближением ноябрьских торжеств семья Ерофеевых определилась с жильём; Ольга Яковлевна побывала в Глазуновке, в отделе народного образования, с надеждой получить работу – всё-таки два курса до войны успела окончить. Заведующая отделом Анна Ильинична Ошкадерёва тепло поговорила с ней и сразу направила в родную школу. Так и стоит в её трудовой книжке первая та запись с датой: 5 ноября 1943 года. В памяти многих поколений своих земляков с берегов маленькой Очки на все времена осталась она первой учительницей. Есть и последняя запись: она рассталась со школой осенью 1995 года. Более чем полувековой период её работы в школе вместил в себя много событий, о которых можно говорить и говорить; но главное для Ольги Яковлевны, что и на этом отрезке своего жизненного пути она всегда была честной и открытой

для людей, закончив заочно Курский педагогический институт, достойно несла по жизни высокое звание советского учителя.

Там, на правом берегу маленькой Очки, свела её судьба с Иваном Филипповичем Васильевым, который перед войной работал в соседней Ильинской начальной школе, в 1943 году на фронте получил тяжёлое ранение и после долгого лечения демобилизовался орденосцем. Они поженились, и продолжали ласково, по-доброму учить и воспитывать детей, в том числе и трёх своих дочерей. Тринадцать послевоенных лет они жили на правом берегу маленькой Очки, а потом перебрались в Степную: Ивана Филипповича направили директорствовать в соседнюю Хуторо-Подольянскую школу. И дом их, и школа, где они теперь учительствовали, стояли на левом берегу Оки, чуть пониже левого её истока; так что для Ивана Филипповича и Ольги Яковлевны, для их детей всё верховье Оки стало самым родным.

Всё верно: это человек по жизни проходит, а жизнь остаётся – вместе с памятью о людях, живущих на земле. Вот ушли из жизни ученики Ольги Яковлевны и Ивана Филипповича – Башкеев и Пастухов, но остались их научные открытия; ушёл из жизни Иван Филиппович – остались его ученики, которые продолжают его дело, приняв как эстафету: воспитывают детей, учат их любви к родине, патриотизму. Как память о нём – стоит Хуторо-Подольянская школа, со строительством которой у него было много хлопот. И как-то неловко сегодня нам становится перед Васильевым: воевал, проливал кровь на полях сражений,

чтобы звенели в школах счастливые голоса ребятешек, и школу для этого строил; а тут беда: детей нет, школу закрыли; и не только в Степной, а и по всей стране – от Москвы до самых до окраин накрывает их тот самый разрушительный девятый вал минимизаций и модернизаций.

Одни ушли, другие продолжают идти; идут по жизни Сурков и его первая учительница Ольга Яковлевна. Она прекрасно понимает, что не всё в стране делается, как надо, и не от хорошего пустеют и зарастают бурьяном деревни. Ольга Яковлевна с болью в душе рассказывала, как в помещении закрытой уже школы торжественно открывали дом культуры; и она поучаствовала вроде бы как в празднике: прочитала стихи о матери. Но праздника для неё не получилось: обидно было за школу; и как вручали односельчанам в честь победы в Орловской наступательной операции 12 июля – 18 августа 1943 года юбилейные знаки «70 лет освобождения Орловской области», а ей не вручили, обошли. Не заслужила? Пережила войну, послевоенную разруху, полвека своей жизни отдала Отечеству, следовательно, и своей малой родине, воспитанию молодого поколения, а десяти из них передала эстафету – они стали учителями; и не заслужила? И непонятно было для неё, какой ещё дорогой она должна была пройти, чтобы заслужить юбилейную награду?

Понимая, что в сегодняшней жизни лучшие человеческие качества, вкупе с делами, нередко не являются мерилом заслуг во благо общества, что некоторые получали эти награды, не сказать, что за красивые глазки,

но, в общем, не имея особых заслуг, обиду свою Ольга Яковлевна изложила в письме «навёрх». Извинились, ошибку исправили, в соответствии с указом губернатора Орловской области от 10 декабря 2013 года; и ветеран Великой Отечественной войны показывает наградные документы, в которых стоит дата вручения ей юбилейного знака: 30 декабря 2013 года. Это значит, до её 90-летнего юбилея оставалось полтора месяца.

* * *

Юбилей Ольги Яковлевны остался далеко позади; и всё той же дорогой идёт она к своему столетию. И думки её всё о жизни – о сегодняшней, о той, что позади. И откровенничает:

– Проснусь – и думаю, думаю. Сейчас много пьют. Недавно идёт мой бывший ученик, и говорит: «Во, научила меня водку пить... Нету там у тебя – хоть по капле из бутылочки?» Подумать только, чем озабочен человек. А ведь он самоучка: в школе этому не учили и не учат. И ещё думаю: вот в школах стали обзывать детей; и говорю сама себе: «А ну-ка вспомни: хоть раз в жизни обозвала кого-нибудь нехорошим словом?» И сама же себе отвечаю: «Нет, не вспоминается». А что со страной сделали... страшно видеть, куда завели народ. Вот Владимир Иванович говорит...

Это она уже о своём зяте Патрушеве, с которым в один из моих приездов к Ольге Яковлевне познакомился и я. Владимир Иванович подарил мне свою монографию, изданную отдельной книгой в красивом переплёте, с автографом, конечно. Светлейшая голова! На передней обложке – дословно: «Энциклопедия

управленческих знаний. Основы общей теории социальных технологий»; на задней – фотография человека, с которой посвечивает седина густых волос, весёлый взгляд, такая же весёлая, открытая улыбка. Под фотографией подпись, она как визитная карточка: доктор социологических наук, профессор, Президент Международной академии инновационных социальных технологий, председатель правления международного Консорциума «Глобальные социальные технологии», Интеллектуального Клуба социальных экспертов, вице-президент Академии наук социальных технологий и местного самоуправления, академик РАЕН, действительный член Международной кадровой академии, Российской академии социальных наук, главный редактор журнала «Муниципальный мир».

Автор теории: социального самовзаимодействия, социально-энергетической теории жизнеобеспечения современного общества. Научные интересы в области: социологии местного самоуправления, социального управления, социальных технологий, социальной ресурсологии, социальной квалиметрии, государственного и муниципального управления». Одним словом: светлая голова!

Книга вышла тысячным тиражом и, как сказано в аннотации, предназначена для широкого круга читателей: преподавателей, аспирантов и студентов, государственных и муниципальных служащих, руководителей предприятий, предпринимателей, для всех, кто интересуется проблемами эффективного использования человеческого капитала и социальной энергии.

Из вступительной статьи, обращённой к читателю, узнал, что в молодые годы Патрушев работал первым секретарём горкома комсомола в Барабинском районе Новосибирской области, потом судьба связала его с Украиной: с 1967 по 1972 год как секретарь горкома компартии Украины отвечал за управление социально-экономическими процессами в городе Смела Черкасской области. Дальше у него, как и у моего земляка Суркова, была Академия общественных наук, где на научном обобщении своей практической работы того периода защитил кандидатскую диссертацию. Следующие десять лет работы – в Киевской Высшей партийной школе при ЦК компартии Украины, он возглавлял лабораторию социологических исследований; и как результат его исследований – защита докторской диссертации.

В советское время Владимир Иванович изучал методом социологического анализа проблемы творческой активности инженеров, проблемы резервов производства. Но в этой его книге – современность с её процессами социального производства, с технологиями раскрытия жизненных сил городского и сельского населения.

Всё, что я усвоил из вступительной статьи, – это о Патрушеве; а вот что говорит он сам в предисловии: «Прекращается эра атомарного человека, хотя и преуспевающего, человека отвергнутого, одинокого. Одиночество и скука уходят в прошлое как антитехнологии атомарного сообщества. Социальные технологии – образовательные, воспитательные, трудовые,

информационные, управленческие и т.п. – преобразуют энергию природы в социальную, жизненную силу личности, коллектива, населения... в процессе социализации вырастают замечательные люди...».

– А вот Владимир Иванович говорит, – продолжала Ольга Яковлевна, – что время одинокого человека проходит; одиночество и скука, – мол, пережиток прошлого...

– А люди растут душевные, открытые, – уловив в её словах паузу, продолжил я, – физически здоровые, потому что ведут здоровый образ жизни, производят экологически чистые продукты питания, строят и поддерживают экологически чистое жизненное пространство.

– Да, – подтверждает собеседница.

– Это я из книги его, что он мне подарил; мол, такая эпоха в России уже наступает.

– Нету её, – возражает она – Это в советской стране люди были открытые – и душой, и в быту своём. Вот в нашем доме двери, наверно, никогда не запирались: заходи, человек; и все жизнерадостные в деревне были, и физически здоровые, а сегодня, наоборот: все по углам своим прячутся, живут во зле. Вот Кузьма Андреич говорит мне: «Плохо живём, потому что власть плохая. В Америке живут лучше». А я ему: «Тебя в Америке и часа не держали бы». «Это почему?» – спрашивает. «Да ты неправильной жизнью живёшь, – говорю, – каждый день пьяный». А ведь это болезнь не одного человека – всего общества, и надо искать источник болезни, тогда человек и выздоровеет.

Всё понимает Ольга Яковлевна, во всём разбирается. И я тогда не стал распространяться о другой книге, так же подаренной мне профессором, и тоже с дарственной надписью следующего содержания: «Валентину Митрофановичу на память о встрече в дер. Степная в имении О.Я. Васильевой». Без улыбки не прочитаешь! И сразу перед собой вижу это поместье, где на 25 сотках, по левой стороне заросшей улицы, стоит на взгорке её низенький домик. Построенный Иваном Филипповичем чуть более полвека назад, он когда-то, быть может, и смотрелся неплохо, а сегодня, без хозяина, выглядит сиротливо и похож на какое-то подсобное помещение в её барском имении.

В связи с этим часто вспоминаю другого человека, Ивана Алексеевича Ломакина, – вдумчивого, расчётливого хозяина, с этакой хитрецей в словах и делах своих, – работающего начальником дорожно-строительной передвижной мехколонны. Ему на роду было написано заниматься строительством, потому как в этом деле был он большой мастак; жилые дома по Советской в Глазуновке, учебный корпус сельхозтехникума и ещё много чего зримого – память о нём; дорога на Васильевку работает 20 лет под большегрузами с сахарной свёклой и зерном, причём без ремонта. Мехколонну создавал с нуля, под контору построил невысокое одноэтажное помещение, как он говорил, сараюшку (с ударением на ю); себе же на новой улице – особнячок, с мансардой. Спросят, бывало, его: мол, говорят, дом себе построил? В ответ полусерьёзно-полулукаво: «Какой там дом – сараюшку

(с ударением всё на ту же букву); дома там», – и махнёт рукой куда-то в сторону.

Говоря его словами, так и в имени Ольги Яковлевны: стоит себе её сараюшка, а рядом на этих же сотках Владимир Иванович построил для себя – такую же невзрачную, разве что повыше, но, тем не менее, свету она не застит. Сразу от их порога – дикая природа, с какой-то загадочной, как сказочной, тишиной, нарушаемой то ли призывом одинокой кукушки среди лета, то ли криком гусей, пролетающих к югу или обратно. Владимир Иванович здесь наездами, а так – всё по большим городам и столицам со своими коллегами. И вторая, подаренная мне, книга – их коллективный труд: под редакцией академиков В.Н. Василенко, С.И. Григорьева, В.И. Патрушева, А.И. Субетто. Так вот об этой книге я с Ольгой Яковлевной обмолвился всего в двух словах, но сразу утвердился, что и здесь мы с ней по-прежнему единомышленники; и, кажется, особых несогласий с академиками не проявили. Судите сами. Если мировое сообщество забеспокоилось в авральном режиме по поводу глобальных изменений климата на планете, то идеи ноосферного развития человека, сформированные почти сто лет назад академиком В.И. Вернадским, становятся всё более актуальными: да, необходимо бережное отношение к природе; да, нельзя быть варваром в сельском хозяйстве и промышленности; да, внимание семье, детству, экологической безопасности; и чтобы доступное жильё, – словом, должна быть гармония в системе: человек – природа – общество. Такова стратегия ноосферного развития на

перспективу, – будем говорить, на все времена; и учёные предложили механизмы внедрения идей ноосферного развития в практику деятельности. Во главе угла – человек, семья, благополучие.

Ноосферу учёные обнародовали с трибуны Организации Объединённых Наций в Нью-Йорке 26 июня 1996 года. Учёные утверждают: после появления в эволюционном процессе антропосферы, биосферы, гидросферы, атмосферы, литосферы должна появиться ноосфера, – это когда люди и народы найдут точки соприкосновения и примут друг друга за братьев и сестёр, как семья и единственный человеческий род, который может любить, проявлять солидарность, проявлять сочувствие, отказываться от применения насильственных методов, справедливо, по-братски относиться друг к другу.

Разговор здесь идёт о людях, которые способны жить в мире душа в душу. А есть ещё несогласные, действия которых фактически превращают утверждения учёных ноосферного крыла в утопию. Да, признают ноосферисты, это утопия, но утопия нужная, дающая направление к смыслу жизни. И было обращение учёных ноосферного крыла России, Белоруссии, Казахстана и Украины к мировому сообществу, в котором говорилось, что современная цивилизация является паразитической, а следовательно, преступной и бандитской; что в новом 21 веке «не будет места паразитариям всех уровней и мастей, не будет места эксплуатации человека человеком, не будет места алчности, жестокости, аморальности, пороку ради

наживы, лжи ради порока и наживы, наживы ради наживы». Но сегодня в реальной жизни мы видим совсем другое; как отмечает профессор-аналитик, в нашем обществе происходит нарастание бездуховности, социальных болезней – таких, как алкоголизм, наркомания, разрушение человеческой личности, социального здоровья общества в целом; в обществе утверждается низкий уровень культуры, а климат природный, экономический, социальный далеко не тот, что был в 20 веке, – он не благоприятный.

Учёные бьют тревогу: всё человечество накрыл девятый вал экономического и финансового кризиса как первой фазы глобальной экологической катастрофы, и необходимо принимать срочные меры по преодолению неустойчивости мира. Но сильные мира сего не собираются отказываться от удовлетворения своих потребностей любыми средствами и методами. И профессор Патрушев приоткрывает занавесь: «Несмотря на мировой финансовый кризис, – пишет он, – разрушающая социальная технология представляет гигантскую по замыслу, полвека готовившуюся программу развала СССР, подготовленную первым директором ЦРУ Алленом Даллесом. Даллес ещё в 1945 г. планировал, как эпизод за эпизодом будет развиваться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания русского самосознания. «Посеяв в России хаос – рассчитывал Аллен Даллес – мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдём своих

единомышленников, своих помощников и союзников в самой России ... Из литературы и искусства, например, мы постепенно вытравим их социальную сущность. Отучим художников, отобьём у них охоту заниматься изображением, исследованиями тех процессов, которые происходят в глубине народных масс. Литература, театры, кино – всё будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых творцов, которые станут насаждать и вдальблывать в человеческое сознание культ секса, насилия, предательства, – словом, всякой безнравственности... Честность и преданность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу, – всё это мы будем ловко и незаметно культивировать. И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище. Найдём способ их оболгать и объявить отбросами общества».

И Патрушев делает вывод: «К сожалению, эту технологию удалось, в основном, реализовать... Обращение к историческому наследию человечества показывает, что гибелью цивилизаций являлось падение нравов, вырождение личности».

Я об этом времени в стихах:

За лугами-полями закат догорает,
За лугами заречными день угасает.
Свет небесный истаёт над полем, рассеется,
Безмятежным покоем на сердце поселится;
Тёплой синью густой – лучше нет занавески –
Занавесятся к ночи холмы, перелески.
В безмятежном покое себя обозначу:
Поклонюсь до земли, призывая удачу.

Мне бы думки свои ворошить без печали:
Где же есть на пути мы, в конце ли? в начале?
Путь земной нам отмерен: прямая дорога
От родного порога и дальше – до Бога.
Мы прошли-прогорланили между эпохами,
В богатейшей державе довольствуясь крохами, –
Не смогли избежать роковой этой участи
Как прямые потомки российской дремучести.

Думать буду о пройденном без сожаления,
Ведь по жизни со мною не щучье веление:
Жил, как предки мои, власть земли принимая;
По весне всю страну поздравлял с Первомаем,
В День Победы с отцом выпивал за Великую –
Он дошёл до Берлина, в боях её выковал.

В безмятежном покое не всё так спокойно:
Рвут земные просторы кровавые войны,
И на новые бойни составлены сметы.
Не забыть, как бросали в костры партбилеты;

*На великом безбожье страна умирала,
В нищете переплавив мечи и орала.
Во хмелю, наплевав на законы-указы,
По российским просторам гуляет проказа;
И на мелких осколках большого Союза
Человек для страны – он уже как обуза.
Проклиная земное в глубокой печали,
Он стоит на распутье – мы в самом начале!*

*На просторах земных перед нами дорога
От родного порога и дальше – до Бога,
До небесных высот...*

А закат догорает,

*На российских просторах народ вымирает,
На просторах земных продолжаются войны...
В безмятежном покое не всё так спокойно.*

К великому сожалению, через это мы уже прошли; мы сами являемся свидетелями и участниками страшных разрушительных действий на всём постсоветском пространстве – от Москвы до самых до окраин. Об этом и сожалеет простая русская женщина Ольга Яковлевна Васильева, отдавшая народному просвещению более чем полвека. С такими думками вошла она и в 2016-й год.

* * *

Всю осень погода чудила и чудила: долго не рассталась с теплом – уже в октябре чуть ли не бабье лето,

даже с паутиной; декабрь – не декабрь, словно сроки не зимние, – как у А.С. Пушкина:

*Зимы ждала, ждала природа,
Снег выпал только в январе.*

А после Рождества посыпало, что света белого не видать; набросало по самые окна. И Ольга Яковлевна не могла усидеть: за порог, лопату в руки, хотя и есть кому – дочь Вера с ней неотлучно. И ещё одна дочь рядом, Татьяна; правда, они с Владимиром Ивановичем то отъезжают, то, глядишь, опять дома. Всё верно: утешением от всех зол земных для человека всегда была семья и родина.

2016 год, февраль

СУДЬБА

Родина... Малая – она у каждого своя. И видим мы её каждый день; каждую секунду земного времени она перед нами. Закрою глаза – и вижу её сразу во все стороны, до самого горизонта и дальше; с мелководной Неручью, светлой-светлой, с песчаным дном, усеянным мелкими камешками, которыми набивали мы карманы, для стрельбы из рогаток.

– А речка моего детства – Должанчик, – вторит мне мой собеседник Владимир Михайлович Пахомов. – Да, светлая-светлая, и песчаная тоже. Всё помню, до мелочей. Вот мать провожает корову к речке – попить... Мы – по лугу босиком, утренняя роса холодит ноги; легко, приятно!.. Речка притягивала к себе. Мать приходила на речку полоскать бельё; она счастливо трепала меня за высветленные солнцем вихры, заходила в воду и оттирала песком мои ноги – смоляные от загара, все в цыпках.

И Владимир Михайлович смеётся:

– Такое у нас детство было, до самой школы босиком бегали.

Пахомов разменял седьмой десяток, но выглядит он молодо; доброе светлое лицо, глаза как смеются, и тоже добрые, – это по всему от доброты душевной. Говорить с ним на житейские темы – одно удовольствие: неторопливо так рассуждает о времени, о людях. Слушаю и думаю, что это говорит в нём жизненный опыт. А чем дальше наш разговор – прихожу к мнению, что не только опыт, а живёт в нём великая сила предков, которая вела их по жизни и не давала

сломаться. И Владимир Михайлович не сломался. Уже четверть века, будем говорить по-советски, председательствует в должанском сельхозпредприятии, бывшем колхозе, сохранившем своё прежнее название, – «Заря мира»; и самое главное: ко всему тому, какой жизнью он живёт и что делает, люди относятся одобрительно, потому что видят в его делах для себя только пользу.

А Владимир Михайлович в воспоминаниях:

– Урынок – это центральная усадьба хозяйства. На нашей территории более десяти деревень. А малая родина моя и моих предков как раз на берегу Должанчика – Вышнее Долгое. Красивые места: всё холмы да перелески, и поля, поля.

Почему деревню назвали Урынком, , остаётся только гадать. В прошлые века в Воронежской губернии рынком называли небольшой овраг, овражек; Пахомов объясняет просто: всё в самом названии, оно говорит само за себя: у рынка. Деревня недалеко от Вышнего Долгого, которое в прошлые века славилось своими базарами. Дома в Вышнем – по кругу; в центре барская усадьба, стояла церковь и была большая базарная площадь. Время привнесло в планировку её центральной части изменения: церковь взорвали, зато появилась школа. Дух патриархальности выветрился во времени, он неуловим, а в годы учёбы в школе ещё как бы навевался такими понятиями, как «барская усадьба», «яблоневоый сад Синицына», «базарная площадь».

Школа собирала вокруг себя, она была символом веры и знаний. И память её выпускников, в том числе и

Пахомова, сохраняет из тех лет многое – как самое важное, что может быть и было у человека на его жизненном пути. И это уже не весёлое времяпрепровождение в дни летних каникул, а уроки более взрослой жизни, когда они приходили в школу и красили полы и парты. Наступала осень – начинались занятия в школе; и уроки труда в рамках учебного плана продолжались, но теперь в яблоневом саду, на картофельном поле. Это была работа, которую их предки на родной земле выполняли извечно.

Как на фотоснимке, его память высвечивает из детства портрет деда Семёна Павловича, который всем своим образом жизни показывал внуку примеры, как надо жить: в труде, благопристойности, почитать семейные традиции. Дед был человеком высокой культуры, не пил, никогда не держал в руках сигареты. И деревня знала его как хорошего хозяина, отличного мастера, причём лёгкой работы он не искал. Например, любил делать бочки, а это значило: пойти в лес, чтобы подобрать хороший дубок; потом его спилить, привезти к дому да разделать, на что необходим ещё инструмент. Кстати, весь домашний инвентарь прошёл через его руки. Смастерил и соху, взамен старой. Походил вокруг неё, полёгал и к внуку с вопросом:

– Ни разу не пахал?

Он отрицательно покрутил головой: мол, нет ещё.

– Хочешь попробовать?

И внук с радостью соглашается: интересно же.

Они несут соху в сад, где между яблонями всегда пахалось. Потом дед её тянул – легко и ровно, а внук шёл за сохой, как настоящий пахарь. Закончив работу,

дед очищал соху от земли, и сразу так же уносили её на своё законное место, под навес. Семён Павлович просто так внука не отпускал: благодарностью, а всегда чем-нибудь вкусеньким угостит, пригласит пообедать. И в этом деле у него был свой порядок: умывался, расчёсывал бороду, надевал белый фартук и лишь потом садился за стол, который стоял в саду. Перво-наперво резал хлеб – осторожно, как бы бережно, как ребёнка, брал его в руки. За этот ли обряд обеденного часа, неизвестно от кого перешедший к деду или узаконенный им самим, за ту ли доброжелательную атмосферу за столом, но как же любил внук Володька прибегать к нему, нередко с друзьями. Семён Павлович всегда усадит за стол рядом с собой и, довольный их визитом, ставит перед ними чашки: что себе, то и внуку, и друзьям его.

Его уроки Владимир Михайлович оценит позднее: деду, вместе со своими родителями, он обязан, что ушёл в большую жизнь и до сих пор идёт по ней порядочным человеком. И так же своими действиями и поступками, как и его дед, подаёт людям правильные примеры воспитания и приобщения к труду.

Уже с детских лет, как и все крестьянские дети, Пахомов был приобщён к крестьянскому труду. В семье он был старшим: брат – на два года моложе, ещё на год – сестра, но, как и у взрослых, по дому у них были свои обязанности: за гусями присматривать, для свиней 3-4 мешка травы нарвать, вечером – к стаду за коровой. А у родителей, кроме колхозной работы, своих дел невпроворот.

Отец Михаил Семёнович прошёл войну, и, как говорила мать, слава Богу, что домой вернулся живой; а мог бы и остаться там навеки со своим ранением.

– Родился он в 23-ем – рассказывал Пахомов – Так получилось, что в армию его призвали в 1942 году; и сразу в окопы, одна винтовка на двоих. Потом взяли в разведку, а ведь трусов и слабых туда не брали. Пришёл домой – на груди ордена Славы и Красной Звезды; «Звезду» заработал в 20 лет. Переплыли они реку и ушли в поиск – «языка» добывать. Три дня наблюдали за немцами, затем выбрали минуту – перерезали горло часовому и взяли в плен обер-лейтенанта, который дал ценные сведения.

И после войны отец так же не боялся трудностей; руки, не один год державшие оружие, просились к мирным орудиям труда. Работал в колхозе, потом уехал на Север – зарабатывать лес, чтобы строить дом. Заработал. Когда вагоны с лесом пришли на станцию, по бревну возили в деревню. Володька вместе со всеми шкурил их лопатой. Ещё гасили известью, а когда стены уже стояли под крышей, обмазывали.

Вышнее Долгое всегда было большой деревней, и не безобразной. У барина Синицына всё было по-хозяйски ухожено – и сад с яблонями и грушами, и парк с аллеями. Деревня вокруг него – со своими заповедными углами, и каждый – под своим названием: допустим, здесь Гусевка, дальше будет Смородиновка – это уже его родной уголок; ещё дальше – Малиновка, потом Грачёвка, Шпановка. И название как бы сами за себя говорят, чем они, эти заповедные уголки, знамениты.

На родительской усадьбе пустило корни семейство брата. Там же, в Вышнем, живёт его дядька, который пришёл с войны инвалидом и всю жизнь проработал в местном колхозе механизатором. Все знают, что корни Пахомова и его кровной родни в Вышнем Долгом. И, оглядываясь назад, на прожитые там десятилетия, не только они, а и все населяющие этот благословенный уголок земли то время считают самым счастливым.

– Да, когда-то было неимоверно тяжело, но ведь по стране прошла война, которая принесла народу разруху и смерть. Для нас это беда в масштабах государства, а с какой стороны ни подойди – по размерам его не сравнить с европейскими. Главное было – выстоять, выжить, вырастить детей. У моей матери есть сестра, тётя Фрося. Муж её погиб под Воронежем, и у неё на руках осталось четверо детей. Так советская власть их не бросила, уже в войну проявила заботу; они выросли, выучились, потому что всё для них в той стране было доступно. Из её семьи страна получила военного, учителей, агронома, а профессии эти считались престижными, и в специалистах страна нуждалась.

2

Трудно сказать, как бы сложилась судьба Пахомова, не прояви мать в год окончания им восьмилетки настойчивость в советах. «Володь, – говорила она ему, – иди в сельскохозяйственный техникум; выучись на ветврача, и лучшего тебе для жизни ничего желать не надо. Будешь, как наш колхозный ветврач: всегда людям нужен, всегда в почёте, и для домашних

дел свободное время всегда найдёшь. Вон Сеницын – в четыре часа уже дома...» Всё у него с матерью тогда сошлось; собственно говоря, он и сам был не против – поехал в Глазуновку, а в тот год из колхоза их поступало туда шестеро. Экзамены сдал успешно. К сентябрю мать снова собрала его в дорогу. Уезжал в фуфайке и резиновых сапогах – иначе было нельзя: мест в общезжитии не хватало, и подыскивали квартиру в посёлочке, километрах в полуторах от техникума; а место там низинное, а впереди, к тому же, осенняя распутица. К зиме купили ему пальто.

Этим летом вместе с однокурсниками Пахомов побывал в Глазуновском сельскохозяйственном техникуме – организовали встречу выпускников. Приехало их немного. Последние два десятилетия – время злое, непонятное, совсем не такое, в каком они учились жить с детства и жили уже после выпускного; оно разметало людей по стране, покалечило их судьбы, укоротило годы жизни. Но как же тепла была их встреча! И память возвратила Владимира Михайловича в то время – более чем сорокалетней давности. Вспомнилось до мелочей: занятия в аудиториях; как проходили учебную практику в подсобном хозяйстве: девочки доили коров, ребята пастушили; а вечером – танцы, кино.

По-разному складываются человеческие судьбы; и разность эту перечислить довольно сложно, даже можно сказать, невозможно, утверждая при этом: сколько на свете людей, столько и судеб – со своими бедами и радостями, с обстоятельствами разного рода, в той или иной мере влияющими на жизнь конкретного человека.

Но вот как истина: человек – хозяин своей судьбы. Хозяин! А если он плохой хозяин, то и хорошего в судьбе такого человека будет мало. Судить под этим углом зрения, Пахомов уже в техникуме был неплохим хозяином: учился хорошо, и организатором был таким же. Преддипломную практику проходил в родных местах, и уже тогда на него обратили внимание, мол, парень дело знает. И когда после техникума призвали в армию, тоже не затерялся среди двухсот новобранцев, которые, как и он, были с дипломами: сразу заместителем командира взвода определили. Основание? Дисциплину держит, есть командирская закваска; и не суровость бродила в молодом бойце, а доброта и организованность, которые, как говорит Владимир Михайлович, перешли к нему вместе с генами от деда Семёна Павловича. И не потому ли водить солдат в город, в увольнение, командир роты доверял Пахомову. И, по его же признанию, у них в роте не было «дедовщины».

А судьба и дальше благоволила к человеку, который входил в самостоятельную жизнь. Отслужил – сразу определился с работой: главным зоотехником в откормочный совхоз имени Гагарина. Это ничего, что по диплому он ветврач; это даже лучше, потому что знает и зоотехнию, к тому же, решил по этой специальности получить высшее образование. А работает Пахомову легко, хотя хозяйство большое: четыре тысячи голов крупного рогатого скота и столько же – свиней. Есть хорошие привесы; отгрузка поголовья ведётся вагонами в Москву, на Микояновский мясокомбинат. Он молодой, энергичный, у молодёжи в авторитете; ему

правятся люди. В районе обратили на парня внимание и однажды предложили возглавить районную комсомольскую организацию. Не задумываясь, отказался: как он считал, должность первого секретаря райкома ВЛКСМ не для него. Куда идти, что ещё искать, если в нормальном русле всё, что надо для жизни? И свою семью завёл, и с людьми ладит. В общем, с хозяйством расставаться не захотел.

А судьба есть судьба. Были позади девять лет работы, когда председателя соседнего колхоза Фомина, который знал Владимира Михайловича, назначили председателем в колхоз «Заря мира»; и он сумел подобрать к Пахомову ключи, и уговорил-таки перебраться туда вместе с ним, но уже на должность главного ветврача. А уже через год предложил стать его заместителем – одновременно. Очевидно, в процессе совместной работы хорошо узнал директор своего главного специалиста и сознавал, со всей мерой ответственности, кому доверяет не только отрасль такого большого хозяйства.

Время – как песок сквозь пальцы; и так быстротечно! Человеку порой кажется, что жизнь стоит на месте, что в череде происходящих событий нерушимо будет всё видимое и не видимое его глазу. Приблизительно так думал и Пахомов, когда вработывался на новом месте. Но в жизни нашей всё по-другому: жизнь – вперёд, а человек по жизни – ещё быстрее. У них было ещё много лет совместной работы, когда, не считаясь с тем самым быстротечным временем, отдавали общему делу знания, практический опыт, здоровье. И снова ехали к Пахомову с заманчивыми предложениями поработать

«наверху», поруководить, но он оставался при своём мнении: его работа здесь, среди своих людей. А рядом с Фоминым ему работалось по-прежнему легко, они доверяли друг другу. Но как же горька потеря: Сергей Павлович неожиданно заболел, и справиться со своей болезнью был бессилён. Его смерть стала большим ударом не только для Пахомова. Фомину было 48 лет; как принято говорить, ушёл из жизни в самом расцвете, его творческий потенциал не был истрачен.

А начинались 2000-е. Накатывала волна «демократии», страну штормило. Сельское хозяйство погибало, лишённое государственной финансовой поддержки. И, как грибы после дождя, прорастали агрофирмы с дочками, которые якобы с благими намерениями прибирали к рукам землю и всё, что было создано на ней руками крестьянина за годы советской власти. Около полугода, пока Фомин находился в больнице, Пахомов руководил «Зарёй мира» как заместитель, а когда встал вопрос о новом руководителе, народ был единодушен: Владимира Михайловича! Пахомова! И других кандидатов не предлагалось даже со стороны власти.

От того времени Владимира Михайловича отделяет почти четверть века. В рамки эти вместились много событий – значительных и не очень, радостных и с привкусом горечи; и каждое из них было как испытание: мол, а по Сеньке ли шапка? Свою ли ношу поднял на плечи человек? Пахомов выдюжил и, оправдывая доверие народа, избравшего его на эту беспокойную должность, продолжает хозяйством руководить. И, как в добрые советские времена, он как бы чувствует ответственность

за всё, что делается на этой земле: как пашется и сеется, как хорошо детям в школах и детских садах, как у людей со здоровьем, как им отдыхается в свободное от работы и учёбы время. В череде событий многое из того, чем наполнялась в сельхозпредприятии жизнь людей, продолжает напоминать советское прошлое. По сути, это помогло хозяйству выжить, остаться на плаву, когда та самая «волна демократии», один за другим, безжалостно топила обанкроченные колхозы и совхозы.

Мы сидим в его кабинете; он вполне просторный, и можно предполагать, что отрицательных эмоций у гостей не вызывает, а хозяина вполне устраивает. Но застать Пахомова здесь можно только с утра: в своём распорядке дня он всегда строг и организован. Встаёт в пять – и по хозяйству; в семь у него планёрка, до восьми, а потом снова по хозяйству. Вот и на этот раз в свой приезд в Урынок, припоздав в дороге, на месте я его не застал. Куда уехал – никто не говорит, а только успокаивают: мол, скоро приедет. И вдруг – пахомовская «Нива». «Вы, – говорю, – водитель Пахомова?» А он мне: «Я у него уже 20 лет водитель. Где Василь Михайлыч? В дальней бригаде, в доме культуры. Ему что передать? – я снова туда еду». Ещё пара вопросов – и он согласился взять меня с собой. Всё правильно: нашёл я его в бригадном доме культуры, куда и подвёз меня его бессменный водитель Анатолий Шишков. Сидит себе, спокойненько так, на краешке сцены пожилой человек – седина, очки на носу – и, не обращая ни на кого внимания, в своих бумагах что-то высматривает, губами шевелит. Вокруг – по залу, в вестибюле и

смежных комнатах – люди, вразброс стройматериалы, инструмент. Любуясь такой мирной картиной, я так и не решился оторвать его от дела: ну где бы ещё увидел в наше время да за таким занятием руководителя сельхозпредприятия?!. А он вдруг поднял голову, увидел гостя – и доброе его лицо засветилось в улыбке, стало ещё добрее; и как бы извиняясь, по-простому и в то же время с чувством внутреннего удовлетворения и гордости от всего сделанного здесь, пояснил:

– Такая жизнь. Вот скоро должны отделать, всё по-современному будет – с люстрами и ковровыми дорожками.

А по приезду на центральную усадьбу, уже в кабинете, нарисовал полную картину своих забот в этом направлении:

– У нас отличный дом культуры в Урынке, одни шторы 400 тысяч стоят, хотя что сейчас дёшево; ещё дома есть в третьей и четвёртой бригадах. Во второй бригаде – физкультурно-спортивный комплекс. Если люди работают, то должны и отдыхать, находить для себя развлечение. Естественно, тратим мы на них много. Есть у нас ещё каток, хоккейный корт – это для молодёжи зимой, конечно. Работают три школы, одна из них – средняя.

А потом заговорил о наболевшем – из прошлого, что уже много лет в нём, как заноза, держится и постоянно как бы предупреждает: мол, смотри вперёд подальше:

– Я вот часто думаю о том, как мы устояли на рубеже веков. Тогда вслед за большой запаталась уже и маленькая наша страна. И всех моих забот о школах, о художественной самодеятельности и спорте, об амбулатории и

домах культуры, о многом другом, как в советское время, сегодня могло и не быть. Могли стать банкротами; и нас продали бы с молотка, оставив людей ни с чем, как это произошло по всей стране практически со всеми хозяйствами. Сами себя уберегли: не захотели входить ни в какую агрофирму, которые впоследствии по отработанной технологии народ ограбили и оставили без работы.

Да, и у нас были плохие дни, когда казалось, что сложности не пережить. Но ведь они появлялись не по нашей вине, люди-то люди работали не хуже. Всё объяснимо: если в стране бардак, то плохо будет и городу, и деревне, но в любом случае – честному труженику с мозолистыми руками. Представь такую картину: надо убирать урожай, а денег в кассе нет ни на горючее, ни на запчасти; последние ушли на уплату кредитов и налогов, а новые кредиты не дают. Но молотить-то надо. И я лучше ничего не мог тогда придумать, рассуждая приблизительно так: если люди за меня проголосовали, значит, верят мне и в беде должны помочь. А безденежье – это беда. И обратился к народу за помощью по радио: мол, люди дорогие, помогите, дайте – кто сколько может, в долг; осенью верну всем всё сполна. А радио по нашему колхозу работало – вот он, переключатель, у меня за спиной; и каждое утро народ слушал мою исповедь о том, какие работы идут на полях и фермах, кому их выполнять, кто и как с ними справляется. Приблизительно, это было, как во время войны: о положении дел на фронтах. Веришь, принесли денег больше, чем надо было. Так сообща с бедой и справились.

И ещё у Пахомова были эпизоды, когда люди, поддержавшие его на председательских выборах,

так же не оставили его один на один с трудностями. В памяти живёт: свекловичное поле в «Заре мира» всегда было большим. Какую-то его часть обрабатывали свои люди, какую-то – украинцы, по договору. И вдруг наёмные работники, не завершив прополку, уехали, и 42 гектара посевов надо спасать. И снова было обращение к народу, что необходимо каждому пройти по две грядки. Люди в поле вышли; при этом они увидели, что и себя председатель не обделил. Да, успехи хозяйства зависели и от таких вот жизненных эпизодов, непрогнозируемых решений, наполняющих его дни, которые складывались в месяцы, годы. И как результат – позади четверть века такой жизни.

Доволен ли Пахомов своей судьбой? Наверно, да. Четверть века руководить хозяйством и на этом долгом пути обеспечить экономическую стабильность отраслей, к тому же, в самое злое время, на рубеже веков, когда разрушительные процессы в стране набирали силу и зашатались нравственные опоры государства, – это подвиг настоящего человека, патриота не только своей малой родины, а и Отечества, в целом. И низкий поклон ему за этот благородный труд.

Сегодня в должанской «Заре мира», насчитывающей почти 7 тысяч гектаров, стабильно получают хорошие урожаи зерновых, сахарной свёклы, причём выращивают её без затрат ручного труда. Кормовые культуры – в том же ряду, ведь на фермах содержатся 3,5 тысячи голов крупного рогатого скота; а ещё надо не обделить поголовье, что выращивается в личных подворьях селян.

Люди всегда умеют отличать плохое от хорошего. Например, под их оптическим прицелом Пахомов каждый день, и видят они его всегда в делах. А если, к тому же, ещё живёт в нём человеческая доброта, уважительное отношение к людям; если он всегда трезв и организован – разве это плохо? Так вот и разобрался народ с Пахомовым: за все доброе, что делал и делает на должанской земле этот человек, за ценные качества его характера народ избирал его депутатом районного совета, и его председателем избирался, – большое доверие! А ещё земляки удостоили его, как считает Владимир Михайлович, самой высокой награды: присвоили звание «Почётный гражданин Должанского района».

В родном же хозяйстве о нём местный поэт даже написал стихи. Читателю – на пробу (в сокращении):

*Живёт с Михальчем народ!
А без него бы – недород.
За 10 га даёт по тонне –
Ценнее, чем чефир на зоне.*

*Весною вспашет огород,
Считай, картошка прямо в рот.
Зернишка надо – не откажет,
Он завсегда народ уважит.*

*А кто уходит в мир иной –
Поможет справиться «упокой».
Живёт деревня – стар и млад,
На всех хватает благ, услад.*

*А клуб отгрохал он, видали?
Идёшь туда – снимай сандалии.
Там пол почти совсем зеркальный,
В царёвой зале хуже, бальной.*

*Концерты там дают артисты,
Поют и хором, и солисты.
Да, дом культуры – обалдеть,
Глазам аж больно в нём смотреть.
Зайдёшь – и сразу обомрёшь...
Ну, председатель, ты даёшь!..*

* * *

Июнь уходил – с теплыми слепыми дождями и румяными зорями. Насквозь пронизанный светом одуванчиков и ромашек, пропахший мёдом и зеленью разнотравья, он уходил безропотно и как бы нехотя – через поля, где тяжелела хлебная нива, через сады и перелески, где разноголосо славили его птичьи семейства и плакали по нём кукушки-печальницы. А, уходя, он уносил с собой всю эту прелесть – завтра её уже не будет; но при этом оставлял людям надежду, что ещё вернётся сюда и будет радовать теплом и светом таких же сказочных дней. Он оставлял людям из Урынка и окрестных деревень надежду на будущее, вливая в них новые жизненные силы.

И я из Урынка – как бы вслед за ним: дорога всё через поля и перелески, через Колпну и Малоархангельск; и всё с думками о Пахомове, о его хлеборобской судьбе – трудной, по времени, но счастливой: ведь это был его выбор, подсказанный предками на генетическом уровне.

2016 год, июль.

СОДЕРЖАНИЕ

Дома	4
Цыганки нагадали	6
В Великие дни	7
Закваска	9
На кладбище	11
«Огню недолго теплиться в золе...»	13
«Это, конечно, не мелочь...»	14
«Над поймами туманец, как дымок...»	15
С думкою светлой о родине	16
Творчество	18
Водополье	19
«Снег отлежал заплатами...»	20
«Отходит по пойме туманов гряда...»	21
«Стекает ветер с полою водой...»	22
«В природе снова как случилось что-то...»	23
«Давно сугробов нет в помине...»	24
«Рассвет над поймой затушил звезду...»	25
«Всё сильнее кровенеет закат...»	26
Перед утром	27
«Ты – на том берегу, я – на этом...»	28
Мы живем	29
«Говоришь, тебе отпелось-отлюбилось...»	30
«Радости и печали...»	31
«Это ничего, что снова слякоть...»	32
«Какие сны ты видишь в эту осень...»	33
Достойный пример	34
«Лето красное в деревне...»	35
Пчела	36
На пригорке	37
Светло и тихо	39
«Я так давно не спал на свежем сене...»	40
«Нам не пашется и не косится...»	42

«В жизни этой несносной тревожные мысли...»	43
Из детства	45
«Небушко высокое...»	46
«Идём, спотыкаясь, по жизни – на свет...»	47
«Плывёт с полей туманов полоса...»	48
«Есть краткий миг соблазна и греха...»	50
«Бросает сеятель зерно...»	52
В год Обезьяны	53
«О войне нам негоже рассказывать сказки...»	55
Напутствие	57
«Всё б ничего, да много...»	59
Память	60
«А такое не часто, но всё же бывает...»	62
«Мне песнею птица откроеет зарю...»	63
«А день грозитя маревом...»	64
Предзимнее	65
«С ночи небо грустное...»	67
«На предзимье отгалдели...»	68
«Деревня в снегу...»	69
После метели	70
Мир праху предков и заботам их	71

ОТ МОСКВЫ ДО САМЫХ ДО ОКРАИН:

НАРОД И ВЛАСТЬ. Очерки.	73
Родина	75
Читатели и писатели	91
Святые места	108
Мастер кисти	120
Три книги на книжной полке	129
Источник счастья	140
Учителя и ученики	172
Судьба	206

Валентин Митрофанович Васичкин

РОДНЫЕ КОРНИ

Стихи, очерки, публицистика

Корректурa автора

Подписано в печать 19.09.2016 г.

Формат 70x100¹/₃₂. Печать офсетная. Бумага офсетная.

Усл. п. л. 9,1. Тираж 500 экз. Заказ № 3091.

Отпечатано с готового оригинал-макета

в АО «Типография «Труд».

302028, Орел, ул. Ленина, 1.